

АННА МИЧИ



ТЫ МОЙ ЯД,  
Я ТВОЕ  
ПРОКЛЯТИЕ

## Annotation

Я дочь графа Рейборна, сильнейшего мага Диомеи, Хранителя Хрустального Жезла. Многие жаждут его крови, его положения, его силы. Но до сих пор он выходил победителем из любых передраг. Пока я, его единственная дочь, не оказалась во власти его злейшего врага.

---

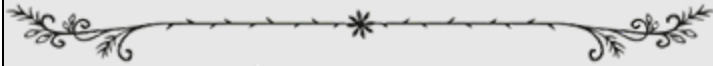
- - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)
    - [Глава 18](#)
    - [Второй том](#)
-



**Анна Мичи**

**Цикл "Ты мой яд...". Книга 1**

**название**



## Глава 1

— Тинна, ты точно не хочешь переехать ко мне? — спросил отец, уже стоя внизу, на земле. Капюшон прикрывал его лицо, но голос был встревожен.

Я с виноватой улыбкой покачала головой. Не перееду, и он отлично знал почему: бабушка посчитает это предательством.

Чудо уже то, что она не мешает нам иногда встречаться, хоть каждый раз и уходит при этом из дома.

— Я бы смог признать тебя, представить обществу. И защитить куда надёжнее.

— Не волнуйся. Я всё равно скоро уеду.

— Это меня тоже огорчает, — не преминул напомнить отец. Не дожидаясь ответа: знал, что ничего нового я не скажу, — поправил капюшон и отвернулся.

Я провожала взглядом его высокую прямую фигуру, пока он не исчез за калиткой. Мне было очень жалко его, стоило подумать, как он живёт там у себя один, в его огромном пустом замке, но я не могла разорваться. Бабушка, отчим, Айлес, который ждёт моего возвращения... нет, как ни жаль мне было отца, я слишком сильно прикипела к той, другой жизни, чтобы бросить всё и уйти к нему.

Тем более после того, как десять лет от него не было ни единой весточки.

Мать никогда не говорила, почему рассталась с отцом, она не терпела даже упоминания его имени. Но мне казалось, он мог попытаться связаться хотя бы со мной.

Наверное, если бы не её болезнь, мы с отцом так никогда и не встретились бы снова. Только в последней надежде на спасение она разрешила мне привезти её сюда и обратиться за помощью к отцу. Но спасти маму не удалось, было уже слишком поздно.

Даже сильнейший маг Диомеи иногда бывает бессилён.

Калитка чуть слышно хлопнула. По телу прокатилась волна магии: охранные заклинания. Отец накладывал их сам, утверждая, что это самое малое, что он может и обязан сделать для нас. Бабушка

позволила, вернее, сделала вид, что не заметила, только потом пригнала наёмного мага и заставила перепроверить.

Повернувшись, я хотела было войти в дом, но тут заклинания среагировали снова. Отец что-то забыл? Вряд ли это бабушка, она вернётся только завтра.

Люди в чёрном, выросшие передо мной, как из-под земли, стали ответом. Снова полыхнуло магией. Я хотела закричать, но горло не повиновалось. Ноги тоже. А потом тьма затопила сознание, и я упала прямо на руки неизвестных.

Ограбление?.. Или... похищение?

Я пришла в себя лёжа на кровати. Не сразу поняла, в чём дело, где я нахожусь. Судя по всему, это была комната в богатом доме. На широкой двуспальной кровати атласные покрывала, на стенах роскошные тёмно-красные с золотым узором обои, изящная мебель из светлого дерева.

Это не дом отца.

Поначалу у меня мелькнула робкая мысль о том, что отец, отчаявшись дождаться, когда я соглашусь переехать к нему сама, просто взял и похитил меня. Но нет, вся эта комната свидетельствовала, что это не так.

Я, правда, не была в замке лет десять, но там никогда не было настолько светлых, открытых комнат с широкими окнами, с этими ажурными узорами на спинке кровати, на опорах балдахина, даже на столике рядом. Замок отца был построен три столетия назад и мебель там была дубовая, способная выдержать удар молотом.

Мысли путались от головной боли. Во рту было так сухо, словно меня неделю не поили. Зато на столике рядом с кроватью обнаружился высокий графин с водой и услужливо оставленным стаканом.

Я присела, опираясь на спинку изголовья, и потянулась к графину. Надеюсь, это не ловушка и не яд. Хотели бы убить — уже убили. На всякий случай я проверила воду магией, но ничего не нашла.

Вдоволь напившись, я встала и обошла комнату. Сразу поняла, что на окнах стоят чары. Ставили их явно на скорую руку, но делал это человек умелый. Не открыть, не выглянуть и, естественно, не вылезти. Я повозилась немного, пытаюсь их снять или хотя бы ослабить — не вышло.

Тогда попыталась рассмотреть, что там снаружи. Зелень и цветущие деревья, круглый фонтан, расплёскивающий радужные капли. Похоже на частный парк. Негусто.

Я вернулась к двери. Осторожно нажала на ручку, попробовала открыть. Так и думала, заперто. Вернулась к кровати, села. Что происходит? Зачем меня похитили? Выяснили, чья я дочь?

Это самое вероятное. И моя единственная ценность. Похитить меня, чтобы шантажировать отца — или чтобы убить в качестве мести. И я не знаю, что хуже.

Отец в своей жизни немало шагал по чужим головам. Врагов у него немерено. Недаром он так упрашивал меня всё же переехать к нему, а я, дурында, решила, что раз за полгода никто ничего не пронюхал, доживу уж и до отъезда спокойно. Вот теперь и метайся по комнате, как тигр по клетке.

Я действительно ходила туда-сюда, невольно ломая руки. На магию полагаться нет смысла, амулет связи с меня сняли, пока я была в обмороке. Сняли и все другие защитные и атакующие заклинания, даже те, что были тщательно скрыты иллюзией.

Да, тут точно замешан умелый маг. Может быть, почти такой же умелый, как мой отец.

При этой мысли по спине пролился ручеек холодного пота. Кто же он, этот неведомый маг? Соперник отца? Мне казалось, все маги страны давно смирились с первенством графа Рейборна.

Тут в коридоре послышались шаги.

Снова напомнив себе тигрицу, я метнулась к кровати. Встала сзади, в обнимку со столбиком балдахина, так, чтобы видеть входящего и одновременно чтобы не быть сразу им замеченной. Но предосторожности показались смешными, когда в дверь постучали и мягкий женский голос спросил:

— Нейди... вы проснулись? Позвольте войти.

Служанка. Судя по тону, по этой привычно подчинённой манере обращения. Обычная служанка, которую послали за мной.

Я ничего не ответила, но через пару секунд замок открылся и дверь распахнулась. На пороге и впрямь оказалась девушка в типичном платье горничной: тёмно-серое платье до полу, чистый передник и чепец.

Она растерялась, не обнаружив никого на кровати, кажется, даже испугалась. Шагнула вперёд с обеспокоенным выражением лица, но тут же остановилась, заметив меня. Согнулась в поклоне.

— Прошу прощения за беспокойство, нейди. Прошу вас проследовать за мной.

Что ж, делать нечего. Надо пойти, встретиться наконец с хозяином дома и узнать, что от меня хотят. Надеюсь, пытать не станут.

Скрывая дрожь в руках и стараясь прямо держать спину, я кивнула и величественно вышла из комнаты. Служанка семенила чуть позади, мягко подсказывая, куда нужно свернуть.

— Чей это дом? — спросила я как бы невзначай.

— Простите, нейди, мне не дозволено отвечать на ваши вопросы.

Что ж, я не особо-то и надеялась.

Наш путь завершился в маленькой столовой: высокий длинный стол, рассчитанный персон на десять, в конце зала камин, над которым тускло сияет зеркало. А у окна, заложив руки за спину, стоит одетый по последнему слову моды высокий широкоплечий мужчина.

Услышав наши шаги, он обернулся. Я сразу отметила чувственный, изогнутый очерк верхней губы — и контрастирующий с этой чувственной мягкостью холодный, злой, презрительный взгляд. Мужчина был хорош собой, но взгляд пригвождал и резал с ледяной бесстрастностью учёного. На миг мне показалось, что ветер донёс запах болота и тошнотворно-притягивающий аромат адолеев — ядовитых цветов Лавранта. Я тут же мысленно обругала себя: какой ветер в закрытом помещении?

— Можешь идти, — сказал он служанке.

Я ждала, что он позволит мне сесть (опуститься на стул самой стало бы однозначным вызовом хозяину дома, пусть он и похититель) — но он смотрел на меня молча, чуть раздувая ноздри. Наконец сказал свысока, как будто оценил меня, измерил и вынес вердикт:

— Вот, значит, каких шлюх теперь предпочитает Рейборн? Знакомый типаж. Но я не ожидал, что он опустится до настолько молоденьких. Сколько тебе? Семнадцать? Шестнадцать?

Поначалу его слова хлестнули меня, как плетью. Меня никогда не называли подобным словом, я даже представить себе не могла. Но потом — потом я обрадовалась.

Он считает меня любовницей отца, а не дочерью. Осталось убедить его в том, что отец ничуть не дорожит мной. Подумаешь, любовницы — их по десятку на медяк.

И с моим возрастом он сильно промахнулся. Мне уже двадцать, хотя лицо и правда немного детское. Но это тоже на руку: чем младше я выгляжу, тем менее опасной меня будут считать.

Я промолчала. В его глазах что-то изменилось. Он окинул взглядом мою фигуру, вернулся к лицу. Сделал несколько шагов и опустил на стул во главе стола. Я продолжала стоять, расправив плечи.

Он молчал, рассматривая меня — не так, как принято в обществе, а так, как мужчины рассматривают гулящих женщин. Пристально, свысока, но с хищным блеском в глазах. Я почувствовала, как вспыхнули щёки. Раскрыла рот:

— Что вам нужно от меня?

— Давно ли ты спишь с Рейборном? Можешь сесть.

— Я не хочу отвечать на ваши вопросы. Тем более такого рода.

Приглашение сесть я тем не менее приняла. Неприятно было стоять перед ним навытяжку, под этим его наглым, ощупывающим взглядом.

Мужчина неожиданно рассмеялся. У него был странный «кхакающий» смех — с ярко выраженной «к» в начале, что-то вроде: «Кха-ха-ха». Почему-то этот смех мне понравился. Я мысленно упрекнула себя в беспечности.

Мой похититель вскочил, подошёл ко мне и встал сзади. По коже побежали мурашки от ощущения его присутствия. И странный запах вблизи стал заметнее. Не показалось. Этот запах был не то что неприятен — от него подпирало горло. Разум твердил: опасность. Я смотрела прямо перед собой и напряжённо ждала, что мне скажут.

— В твоих интересах, девочка, ответить на любой вопрос любого рода. Если ты хочешь жить, — сильные пальцы больно впились в плечо.

Я невольно бросила взгляд на его руку. Крупные пальцы, широкие костяшки, извивающиеся змеями вены... а на среднем пальце большой сапфир. В глубине его переливалась чёрная дымка, заманивая и увлекающая.



На миг у меня потемнело в глазах. Ядовитый запах адолеев стал сильнее, закружилась голова, мне показалось, я стремительно падаю в чёрную бездну. Пришлось изо всех сил впиться ногтями в мякоть ладоней, чтобы хоть немного прийти в себя.

Что это? Это не обычная человеческая магия... это что-то потустороннее, чужое. Как будто... демоническое. Боги, неужели он продал душу чёрной магии?

Мне стало легче, когда он отошёл. С быстро бьющимся сердцем я следила за его высокой фигурой. Судя по всему, я оказалась права: он враг отца. И если мои предчувствия хоть чего-то стоят, действительно опасный враг. Надеюсь, отец что-нибудь придумает.

Вернувшись на место, мужчина снова устремил на меня ледяной взгляд. Спросил:

— Как часто он к тебе приходит?

Я сделала небольшую паузу, а потом заговорила, стараясь создать образ запуганной провинциалки:

— Он не предупреждает заранее. Это всегда внезапно. Он очень занятой человек. Обычно мне приходит послание, и если я свободна, я отвечаю да. Но даже тогда он может прийти, а может и не прийти.

Мужчина нахмурился:

— Не заговаривай зубы. Я спрашиваю, как часто это происходит.

— Нет никакой определённой частоты, — я смело взглянула ему в лицо. — Он может не появляться месяц, а может навестить меня два дня подряд.

Он выругался сквозь зубы. Потом добавил:

— Вызови его сама.

За внутренности словно ледяная рука схватила. А вот это уже беда. Отказаться они не позволят, надо каким-то образом предупредить отца.

— Я... я могу это сделать, но я не знаю, придёт ли он...

Мужчина ощерился, снова засмеялся своим странным кашляющим смехом:

— Можешь и сделаешь. Остальное не твоего ума дело. И если ты думаешь, что сможешь каким-то образом предупредить его, вынужден огорчить. Я навешу на тебя амулет подчинения.

— Вы с ума сошли?!

Боги, да к кому я попала? Он преступник, мятежник, убийца?! Это запретные чары. Мало того что они заставляют человека поступать так, как надо хозяину, так ещё и разрушают личность, превращают человека в идиота. Пусть не сразу, но... где гарантия того, что они его с меня снимут?

— Вы... вы думаете, мой... — я вздрогнула, опомнившись. Бросило в жар. Я чуть было не сказала «отец». Вот это был бы финт. — Вы думаете, такой сильный маг, как граф Рейборн, не заметит, что я под заклятием подчинения? Вы его недооцениваете.

Мой ответ явно зародил в нём сомнение. Глаза недобро сузились, он положил руку на стол, опёрся подбородком и не сводил с меня холодного взгляда. Солнечный свет падал ему на волосы, и они отливали настоящим золотом.

Красив. Не как картинка, а как мужчина — сильный, мощный, опасный, как дикий зверь. И какие губы... редко у кого встречается такой чувственно-порочный изгиб.

Боги Авендаса, Тинна! Приди в себя. Ты в беде, а занимаешься тем, что рассматриваешь похитителя. Шантажиста. Врага отца. Что с тобой вообще такое?

Или... он воздействует на меня?

Вполне может быть. И даже наверняка — использует направленную магию, заставляет поддаться его ауре.

Я сделала под столом жест отрицания. Этот мужчина видит во мне безмозглую куклу, содержанку отца, и не подозревает, что у меня тоже есть дар, пусть и небольшой, мирный и домашний. Но защитить себя на минимальном уровне я могу. Вот только надо притвориться, что его магия на меня действует.

Я облизнула губы, обмахнулась так, словно мне вдруг стало жарко. Поменяла позу, усаживаясь более расслабленно, лёгким жестом поправила ленты на груди. Похититель проследил это движение взглядом, и я про себя возликовала.

И всё же интересно, кто он такой? Враг отца, это ясно, маг, соперник на профессиональном поле... но всего этого разве достаточно для того, чтобы похищать людей и угрожать навесить на них амулет подчинения?

— Он ваш враг? — осмелилась я спросить напрямую.

— Заткнись, — бросил он грубо. — Не твоё дело, подстилка.

Зародившаяся было симпатия тут же исчезла. Я выпрямилась, сжала зубы. Не отвечу теперь ни на один вопрос, пусть хоть пытается.

Но больше вопросов мне и не задавали. Мужчина позвонил в колокольчик, прибежала та же служанка, и он велел отвести меня назад в комнату.

Мы молча шли по коридорам, служанка, как и в тот раз, чуть сзади, я впереди. Преодолели, по моим меркам, половину пути, когда я решила, что можно действовать. Собрала все силы, вплела их в заклинание оглушения, обернулась и набросила его на девушку. Та пошатнулась, ахнула, закатывая голубые глаза, и повалилась на пол.

Получилось!

Сердце колотилось у меня в ушах, но действовать нужно было быстро. Собрав все силы, я затащила неожиданно тяжёлую девушку за портьеру, чтобы не сразу нашли, и стремглав помчалась прочь. Где-то я видела лестницу вниз... вот она!

Я спускалась быстрым шагом, подобрав юбки, сделав независимый и занятой вид. На пути встречались слуги, но меня никто не останавливал. Не знают, что в доме пленница?

В любом случае, нужно было торопиться. Скоро моему похитителю доложат, что по дому бродит незнакомка, или служанка придёт в себя и поспешит с повинной. Шанс был только один, и я мысленно молилась своей покровительнице святой Миене, чтобы она не оставила меня в трудном положении.

Святая услышала мои просьбы, и в холл я спустилась беспрепятственно. Он был довольно большой, отделанный в тёмных тонах, но через роскошные дубовые двери пробивался яркий свет. Невольно захватило дух. Неужели свобода так близко? Я сорвалась с места, подбежала, толкнула тяжёлую створку.

— Молодая нейди? — мужской голос настиг меня на пороге.

## Глава 2

### Сейдж дин Ланнверт

Во имя Райаса, что за идиоты у меня служат, зачем они вообще её притащили? Прохлопали такую прекрасную возможность схватить Рейборна — ладно. Так нет чтобы тихо-мирно уйти, навестить дом в другой раз и тогда уже взять Рейборна за жабры — они схватили его содержанку и привезли сюда, как будто так и надо.

Рейборн всегда ревностно защищал личную жизнь. Столько труда ушло на то, чтобы вообще выяснить, куда и зачем он наведывается, а теперь по глупости исполнителей весь план пошёл прахом.

И что с ней делать? Прока от любовницы никакого, разве что Рейборн и впрямь любит её и готов ради неё на всё. Но женщины для этого сукина сына — ничто, ветошь. Выходит из строя одна — с лёгкостью заменяет другой. И хорошо, если при этом не навешивает на бывшую смертельное проклятие.

Девчонка совершенно бесполезна. Единственное, на что она годится — так это на то, чтобы и в самом деле навесить на неё амулет подчинения и дать приказ убить Рейборна. Но это нужно делать немедленно, пока он не пронюхал, что любовница исчезла из гнёздышка, пока старуха-компаньонка не подняла шум.

Вот только у этого варианта есть два недостатка. Первый — Рейборн и впрямь может понять, что она под действием амулета. Если так — никто не знает, что он способен вытянуть из этого амулета: построить обратную связь, пустить проклятие. Этого скользкого изворотливого змея нельзя недооценивать.

А второй недостаток — не хочется опускаться до использования женщины. Запретные чары сами по себе — ерунда, давно не пугает. В конце концов я уже фактически отдал душу тому, что запрещено само по себе.

Но и отпускать девку не хочется. Даже не то чтобы не хочется — нельзя. Рейборн сразу будет знать всё. Нет, ей уже никогда отсюда не

уйти. Разве что только после его смерти.

Почему-то эта мысль меня обрадовала. Что-то тёмное в глубине души жадно усмехнулось. Воображение, как по заказу, выдало образ девчонки.

Очень молоденькая, аж трясёт при мысли, что старый хрыч Рейборн трахает вот таких, юных. Покупает их десятками, небось, и каждую держит в таком же укромном домике, под присмотром старухи.

И одновременно — претит признаться даже самому себе, но — вынужден согласиться, что вкус у старика вполне. То невинное личико в сочетании с пышной грудью, с манерой держаться, её распущенные по-домашнему локоны, полные губы, которые так и хочется смять в поцелуе...

Явная куртизанка, всё оружие, дарованное женщине, она использовала с умом и с заметной сноровкой. В обычном домашнем платье держалась как королева. И пыталась соблазнить меня, то губы облизнёт, то взгляд бросит из-под ресниц. Может стать, я даже соблазнился бы... не знай, что её притащили сюда прямоком из-под Рейборна.

Отомстить сукину сыну.

Я жил этой мыслью двадцать лет. Можно сказать, я выжил благодаря ей: в приюте, среди уличной шпаны, жестокой, как жестоки молодые волки. Потом — среди магов, где конкуренция была не меньше и не мягче, а проигравшие шли на дно с такой же лёгкостью, как на улице. Но я прошёл через это, выжил во всех кознях, вырос, выучился, зубами выгрыз всё, что сейчас имею. Ради того, чтобы в один прекрасный день увидеть, как меркнет свет в глазах Рейборна.

И теперь, когда только шаг отделяет меня от исполнения этой мечты — теперь нужно быть во сто раз осторожнее, чем прежде.

— Мессир Сейдж! — голос дворецкого нарушил мои размышления.

Слух уловил слишком взволнованные нотки в привычном обращении и слишком быстрые движения ног. Что-то стряслось.

Я напрягся. И почему-то не слишком удивился, когда дворецкий втащил за собой служанку. Не помню, как её зовут, Мэй, Вэй. Девушка была растрёпана, испугана, вся в слезах. Завидев меня, упала на колени:

— Простите, ваше сиятельство! Не знаю, что случилось! Когда я очнулась, её уж и след простыл!

Твою мать!

Я взмахнул рукой, подавляя вспыхнувшую мгновенно, ярим огненным факелом, злобу. Отвернулся, краем глаз замечая, что дворецкий вытаскивает опростоволосившуюся девицу прочь, а та кричит и умоляет о пощаде.

Глупая гусыня, воображает, что я стану придумывать ей наказание. На кону совсем другие вещи.

— Фараиту!

По жилам пролился огонь, заплясал на коже обжигающими всполохами. Боль, как всегда, пришла внезапно, как всегда, острая, пронизывающая, сводящая с ума. Я стиснул зубы, чтобы не вырвалось ни звука. Надо перетерпеть лишь немного. Такова плата.

— Найди её!

## Глава 3

— Молодая нейди?

Я застыла. Бежать стремглав? Нет, там ещё невесть сколько тянется проклятый парк. Запутаюсь в юбках, мужчина сразу нагонит. Надо сделать вид, что я здесь гостья.

Я обернулась. Приняла вид невинный и дружелюбный, раскрыла глаза пошире, опустила подбородок, чтобы казаться ещё младше и глупее.

Хм. А здесь прямо рассадник интересных мужчин.

В глубине зала стоял брюнет в тёмно-коричневом костюме для верховой езды, в руке держал хлыстик и слегка похлопывал им по ладони. Гладкие волосы зачёсаны назад, но не видно ни следа воска, естественная причёска. И взглядом сверлит, почти как тот. Только у того были светлые пронзительные глаза, а у этого чёрные, как две маслины. И взгляд скорее удивлённый, чем подозрительный.

— Добрый день, уважаемый нейд, — я присела в книксене.

— Прошу прощения, что остановил. Не имею чести быть с вами знакомым, я не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь. Я дальняя родственница хозяина, — мысль пришла внезапно. — Меня зовут Келина.

Первое попавшееся диомейское женское имя.

— Нейди Келина дин Ланнверт?

Дин Ланнверт! Очевидно, это фамилия хозяина дома, моего похитителя, судя по приставке «дин». Её даровали выпускникам магических академий, у которых не было собственного титула.

Вот только его фамилия мне, к сожалению, ничего не говорила. Впрочем, неудивительно, я не жила в Диомее уже много лет.

Я кивнула. Опустила взгляд, делая вид, что смутилась. Впрочем, под горячим восхищённым взглядом я и впрямь немного смутилась. Слишком давно не выходила в свет и не общалась ни с кем, кроме родных.

— Нейди направляется на прогулку? Я могу составить компанию? Идея вспыхнула, как молния.

— Я... я хотела бы поехать в город. Вы могли бы меня отвезти?

Он явно удивился, но, как полагается хорошо воспитанному нейду, ответил:

— Почту за честь.

Я рисковала, но мне казалось, это оправданный риск. Сама я отсюда не выберусь. Остановят, задержат, зададут вопросы, на которые я не смогу ответить.

В компании же этого нейда меня вообще не заподозрят, вот только нужно, чтобы ничего не заподозрил он сам. Но роль провинциалки я сыграю запросто.

Мы вышли на улицу, нейд попросил меня немного обождать — и пригнал огромный чёрный, блестящий, с ослепительно сверкающими хромированными деталями мобиль. Я чуть не ахнула. О мобилях я только слышала, их только-только начали выпускать в продажу.

И особняк, и этот мобиль явно свидетельствовали о том, что нейд дин Ланнверт, кем бы он ни был, обладает изрядными богатствами. Даже если мобиль принадлежит не ему самому. Но герб на дверце мобилы и изображение на дверях особняка — два льва на задних лапах, держащие щит с буквой «Л» — были идентичными.

Черноволосый нейд сам управлял мобилем. Управлял с лёгкостью, было видно, что это дело привычно ему. Поглядывал на меня, явно хотел начать разговор, но я притворялась, что полностью поглощена мягким ходом мобилы, его внутренней отделкой, красотами природы, величаво проплывающими мимо. Изо всех сил играла роль глуповатой восторженной провинциалки. А сама лихорадочно размышляла.

Моя идея сработала. Ворота поместья охранялись, но сопровождающий меня нейд лишь поднял руку, приветствуя охранников, и резные чугунные створки начали медленно раскрываться. На меня даже взгляда лишнего не бросили.

А потом мы выехали на дорогу, и, глядя на бескрайние, тянущиеся до горизонта поля и тёмную кромку леса по левую сторону, я снова возблагодарила святую Миену. Не иначе как покровительница осенила меня благодатью, заронив в голову мысль попросить незнакомого нейда отвезти меня. Иди я пешком, даже если каким-то чудом мне удалось бы выбраться за пределы поместья, я неминуемо заблудилась бы или попала бы в руки недобрым людям.



Что ж, моё спонтанное решение было удачным, теперь дело за следующим шагом. Нужно не молчать, а по возможности использовать ситуацию. Отец часто говорил, что тот, кто владеет информацией, владеет всем.

Я бросила взгляд в сторону нейда, наткнулась на поплёскивающий любопытством встречный, наивно улыбнулась и спросила:

— Вы друг нейда дин Ланнверта?

Тот улыбнулся:

— Можно сказать и так. Друг, соратник, приближённый. А вы? Гостите здесь?

— Да, я приехала издалека... — я опустила глаза. — Я на самом деле плохо знаю нейда дин Ланнверта, у нас довольно дальнее родство. Но он оказал мне услугу, позволив временно остановиться у него. Но хватит обо мне, давайте лучше поговорим о вас. Вы тоже маг?

Я была почти уверена в отрицательном ответе, даже не знаю почему. Он выглядел как человек, чьё оружие — пистолет, не магия. Надёжный, спокойный, большой, можно сказать, даже уютный. Он напомнил мне Айлеса.

Не то что тот, светловолосый, от которого за милю несло страхом, болью и смертью.

Но черноглазый нейд кивнул:

— Да, но и вполнину не такой сильный.

— О, — я скрыла удивление, сделала вид, что восхищена. — Магия — это же так чудесно! Вы, должно быть, так много знаете! А как... как же вас зовут?

Восторги наивной провинциалки вызвали у него усмешку. Я сама часто слышала, как с придыханием обсуждают чей-нибудь магический талант мои соученицы в пансионе, так что ляпнуть что-то в подобном стиле не составило никакого труда. И ещё мне не раз приходилось бывать на другой стороне, когда одна лишь твоя принадлежность к миру магов вызывает в собеседнике благоговение, так что я прекрасно понимала его усмешку.

— Моё имя Ард дин Койоха, нейди Келина. Я могу звать вас так?

— Если пожелаете. Но расскажите же больше о себе. Где вы познакомились с нейдом дин Ланнвертом? Учились вместе?

Выведать удалось не так много, но в данных обстоятельствах любая крупица была дорога.

Нейд дин Койоха охотно отвечал. Да, они действительно учились вместе, а ещё сражались вместе в Вандае, восстанавливая власть Диомеи на территориях.

Я помнила этот конфликт, он случился ещё тогда, когда я жила здесь. Отец говорил, туда сослали всё пушечное мясо из магических академий.

Как подобает провинциалке, я похлопала ресничками и восторженно выдохнула:

— О-о-о, вы настоящий герой!

Нейд дин Койоха довольно улыбнулся. Бросил на меня очередной взгляд, который задержался на лентах моего корсажа чуть дольше, чем это позволяют правила приличия.

Кажется, он не прочь приударить за родственницей «друга и соратника». Жаль, что маску Келины не получится сохранить. Было бы здорово встречаться с ним иногда и выведывать, что происходит в особняке дин Ланнверта.

— А... — очередной вопрос я задать не успела.

У меня вдруг застучало в висках, перед глазами заплясали чёрные пятна. Снова показалось, что я сижу на стуле в столовой, а вокруг расплывается, тревожа и туманя зрение, недужный запах адолеев.

Рядом раздался вскрик дин Койоха, мобиль занесло, я вытянула руки вперёд, неловко ударилась о приборную доску, хорошо хоть не лбом угодила. Что-то сине-голубое, светящееся, как блуждающие огни, пронеслось перед мобилем, вспыхнуло злобной радостью, и я услышала рычащий голос — или не голос, а мысль, переданную напрямую в сознание: «Нашёл-л!»

Мир вокруг завертелся, к горлу подкатила тошнота, всё тело стало как ватное, словно некто мгновенно высосал из меня всю энергию — и в следующий миг меня накрыла благословенная тьма.

Когда я пришла в себя, я испытала сильнейшее чувство дежавю. Я снова лежала на кровати в той же самой комнате с изящной мебелью и высоким, до пола, окном. Слава богам, на этот раз хотя бы не болела голова, но поднималась я всё равно осторожно. Села на кровати, повертела головой по сторонам.

Но нет, по сравнению с прошлым разом в комнате всё же кое-что изменилось. В окна светило закатное солнце — а на столике рядом с

кроватью кроме графина с водой меня ждала сложенная пополам записка.

Я схватила её, развернула и словно услышала издевательский голос дин Ланнверта:

«Надеюсь, прогулка вам понравилась. Я не буду наказывать вас за побег, потому что считаю, он ясно показал вам: сбежать от меня невозможно. Но если вы ещё раз предпримете подобную попытку, предупреждаю: в следующий раз пощады не будет.

Сейдж дин Ланнверт».

Я смяла записку, чувствуя прилив неожиданного, но очень яркого гнева. Этот... похититель, преступник, убийца — ещё и подписался, словно показывая, что не боится разоблачить своё инкогнито.

Ну погоди, Сейдж дин Ланнверт. Ты ещё узнаешь, на что способна Тинна Амелис эс-Рейборн, единственная дочь графа Рейборна.

В этот момент, подогревая так и не оставившее меня ощущение дежавю, в коридоре послышались шаги. Я настороженно уставилась на дверь. А вот и стук — и опять деликатный, одними костяшками, два раза.

— Войдите, — крикнула я, не дожидаясь слов.

Дверь тихо отворилась. На пороге стояла горничная. Та же. Глаза покраснели и припухли, похоже, она долго рыдала. Но, по крайней мере, жива-здоровая и по-прежнему выполняет свои обязанности. Мне почему-то стало легче, что её не сильно наказали за мой побег.

— Его сиятельство ожидает вас на ужин, — поклонившись, сказала горничная.

Во рту у меня пересохло, сердце бешено застучало. Кровь прилила к лицу, и я рассердилась на себя и на проклятого мага, вознамерившегося играть со мной в кошки-мышки.

Поднялась с кровати, стараясь сохранять невозмутимое выражение лица:

— Что ж, ведите.

## Глава 4

Я думала, ужин состоится в той же столовой, в которой меня допрашивали днём, но мы отправились совсем другой дорогой. Спустились по лестнице на один пролёт и, судя по виду из окон длинного просторного коридора, сейчас шли в другое крыло здания.

— Куда мы идём? — я почти не надеялась на ответ, но всё же спросила.

— Его сиятельство ожидает вас в своих покоях.

Этого ещё не хватало. Я встревожилась. Ужин в личных покоях мужчины? Ещё и наедине?

Учитывая то, что он считает меня содержанкой, выглядит более чем фривольно. Надеюсь, он не посмеет распустить руки.

Когда мы добрались до места, мне стало ещё больше не по себе, стоило только войти и оказаться в таинственном интимном полумраке. Только низко опущенная люстра горела над столом, вся остальная часть помещения скрывалась в темноте.

Дин Ланнверт шагнул мне навстречу, овеяв ароматом мужских духов. Безукоризненно вежливо протянул руку. Слава богам, запах адолеев чувствовался не так сильно на этот раз. Возможно, я просто привыкла. Но всё равно стало тревожно, и я с трудом подавила желание отступить (а лучше и вообще — убежать).

Скрывая напряжение и страх, опёрлась о его локоть, позволила подвести себя к столу.

Он усадил меня в кресло, но не спешил отодвинуться, стоял так близко, что я чувствовала жар его тела и какую-то давящую, пугающую ауру. А ещё смущал его слишком пристальный, наглый взгляд.

— Можешь идти, — сказал он горничной.

Грудную клетку сжало тугими кольцами. Так я и думала, мы будем ужинать совершенно наедине. Если он посмеет, я закричу. Я стану бороться. Я... пусть я и в полной его власти здесь, я не стану безвольной добычей.

За горничной тихо закрылась дверь.

— Расслабьтесь... Келина, — с насмешкой сказал дин Ланнверт. — Я не наброшусь на вас. Не имею привычки подбирать объедки с чужого стола.

Облегчение, смущение от того, что он угадал мои мысли, и злость на его слова смешались в моей душе. Я сжала челюсти. Нет, он не выведет меня из себя.

Но что интересно. Он перешёл на «вы» в обращении ко мне. А ведь ещё днём называл подстилкой и обращался, как с отбросами.

Выслушал рассказ своего друга? Понял, что я принадлежу к тому же слою общества, что и он сам?

— Вас действительно так зовут? — не спрашивая моих предпочтений, он наполнял мою тарелку едой. Пододвинул мисочку с супом. — Келина.

— Почему вы спрашиваете? — я отломил кусочек хлеба и стала крошить его на блюдечко, не особенно отдавая себе отчёт в том, что делаю. Голод я чувствовала, но напряжение пересиливало. Не уверена, что смогу проглотить хоть пару ложек.

— Вам не подходит это деревенское имечко. Так как же? Отвечайте на вопрос.

Я опустила глаза, промолчала. Ответила ровно:

— Вы можете звать меня так, как угодно вашему сиятельству.

Он вздёрнул брови. Выражение лица ожесточилось.

— Например, жалкой содержанкой? Постельной грелкой Рейборна? Продажной женщиной?

Молча, с прямой спиной я выслушала поток оскорблений. Пожалуйста, пусть старается. Он явно пытался вывести меня на эмоции. Надеюсь, что в гневе я ляпну что-нибудь полезное?

— Если мне будет позволено спросить, — начала я тихо — и он тут же замолчал, уставился своими сверлящими пронзительными глазами. — Что случилось тогда, днём? Как... вы вернули меня?

Дин Ланнверт хищно усмехнулся. Его рука с широким запястьем, с выступающими венами, показалась в круге света и стала набирать на тарелку салат. Крупный сапфир на среднем пальце сверкнул, словно подмигивая — и я вздрогнула, когда поняла, что это не отражённый свет.

— Ты уверена, что хочешь это знать?

Давящая атмосфера стала сильнее, в ушах заныло, послышался потусторонний смех. Мне почудилось жаркое дыхание в лицо: «хочу-у... отдай её мне...», — и мир снова завертелся вокруг, как тогда, в машине, под ногами разверзлась чёрная бездна, полная боли, отчаяния и бессилия.

— Довольно, мессир, — я прижала руку к горлу, часто и шумно дыша. — В другой раз.

— В другой раз? — повторил он насмешливым издевательским тоном. — В твоих интересах, чтобы другого раза не случилось. Не уверен, что ты перенесёшь более близкое знакомство с Фараиту. Хотя о чём это я... — он пружинисто поднялся, отодвигая кресло. Хищным неслышным шагом подошёл ко мне.

Я хотела было вскочить, отбежать, но не успела. Одной рукой, тяжёлой, как груда железа, он пригвоздил меня к креслу — а второй что было сил рванул ворот моего платья. Я вскрикнула, чувствуя, как расходится ткань.

Вцепилась в его руку, ногтями в кожу, пытаюсь отодрать его от себя, сделать ему больно. Но под моими пальцами был как будто обтянутый кожей металл, и дин Ланнверт ничуть не отреагировал. Встряхнул меня, как надоевшую куклу, рванул ещё сильнее, и ворот платья с треском разошёлся, обнажая плечо и грудь.

Стыд ожёг щёки. Я со вскриком попыталась прикрыться и замерла, обнаружив на груди, с правой стороны, над нежной выпуклостью — незнакомый тёмно-коричневый, словно выписанный хной знак.

— Боги... что это?! Что вы сделали со мной? — я с ненавистью, ещё более сильной из-за стыда и страха от собственной беспомощности, уставилась в светлые глаза.

Как... как он вообще посмел... раздеть меня и поставить это?! Воспользовался тем, что я была без сознания, и... сделал этот мерзкий знак с неизвестным предназначением. А может, он не ограничился этим, осмелился на кое-что ещё более ужасное?.. Не верю... не хочу верить.

Дин Ланнверт усмехнулся и отпустил меня. Хлопнул в ладоши, словно отряхивая с них пыль. Вернулся к своему креслу и вальяжно опустился в него. Его взгляд блеснул удовлетворением и словно гладил метку и то место, на котором она стояла.

Я же полыхала гневом.

— Это не сойдёт вам с рук, — мне хотелось плюнуть ему в лицо.  
— Что это за метка?

Он закинул голову и расхохотался. Смеялся долго, со вкусом, кадык на широкой шее подрагивал.

Я съёжилась в кресле, придерживая рукой лоскуты ткани, горя ненавистью.

Отсмеявшись, дин Ланнверт вернул на меня пренебрежительный взгляд.

— Именно. Метка. Я тебя пометил, как своих коров. Теперь тебе не удастся улизнуть за пределы поместья.

— Что случится, если я выйду за эти пределы?

— Попробуй и узнаешь.

Я молча стиснула челюсти. Сверлила его полным гнева взглядом и размышляла. А ведь и попробую. Сомневаюсь, что это убьёт меня, и сомневаюсь, что он с такой лёгкостью потеряет игрушку, которая ему явно нравится.

Что он вообще собирается делать со мной? Если раньше я ещё надеялась, что он отпустит меня, когда поймёт, что от меня нет никакой пользы, то теперь эта надежда стала совсем иллюзорной.

Но зачем я ему?

Неужели он просто из тех людей, которым нравится издеваться над беспомощными жертвами? Я слышала о девушках, попадавших в руки маньякам... что если дин Ланнверт той же породы?

Мне стало страшно. Я была полностью в его власти, он мог сделать со мной всё, что захочет. Мог... взять силой. Мог раздеть и привязать голой на псарне. Мог замучить и убить.

Я глубоко вздохнула, не отрывая взгляда от его глаз, насмешливых и непроницаемых.

Успокойся, Тинна.

Отец непременно разыщет меня. Нужно только продержаться до того времени, вести себя тише воды ниже травы, не давать повода заподозрить меня или прицепиться.

Дин Ланнверт словно прочёл мои мысли. Откинулся в кресле и с усмешкой произнёс:

— Если ты надеешься, что Рейборн найдёт тебя, вынужден разочаровать. Это поместье полностью защищено от магического

розыска. В обратном направлении это тоже действует.

Я застыла, пытаюсь скрыть потрясение. Как он провернул такую вещь? Закрыть поместье — это не накинуть защиту от поиска на украденную драгоценность или пару монет. Чтобы закрыть такую огромную территорию, нужны невероятные силы.

Невольно в душу закралось сомнение. А сможет ли мой отец что-то противопоставить дин Ланнверту, если он настолько силён?

Нет-нет, не может быть. Он блефует. Бьюсь об заклад, он поставил защиту только на меня, с помощью этой самой метки.

— Ладно, нейди Келина, ешьте, ешьте. У меня прекрасная кухня.

Повинуясь, я взяла вилку. Неловко, одной рукой — другой я всё ещё придерживала разорванный ворот. Взяла только для того, чтобы не злить похитителя — аппетита у меня не было никакого. Я больше делала вид, что ем.

Через несколько минут, тишина в которых прерывалась лишь звоном столовых приборов о фарфоровую посуду, я заговорила:

— Позвольте хотя бы дать знать нейди Скайнер, что я жива. Она не переживёт.

Я и впрямь тревожилась за бабушку. Она, наверное, с ума сходит. Несколько месяцев назад похоронила дочь, а тут пропала и внучка.

Дин Ланнверт расхохотался. Отложил нож и вилку.

— Лучше бы тебе самой свыкнуться с мыслью, что ты не жива. Ты отсюда никогда не выйдешь.

Он наблюдал за мной с хищной улыбкой. Ждал реакции: смущения, отчаяния, возможно, просьб о милости.

— Но зачем я вам, мессир? — спокойно возразила я, загоня вглубь души снова поднимавшийся гнев. — Я не владею магией, не представляю собой ценности, ничего не значу. Я всего лишь провинциалка из Ордона.

Он вздёрнул широкую тёмную бровь.

— Поначалу я так и думал. Но то, как ловко ты управилась со служанкой, как хитроумно обвела вокруг пальца Арда... мне показалось, я тебя недооценил. Так что расскажи о себе, я послушаю. Давай, рассказывай, — он пригубил вино и, так как я молчала, подстегнул меня ледяным: — Или тебя заставить?

Я мысленно призвала на его голову все беды. Тоже отпила, стараясь, чтобы протянутая к бокалу рука не дрожала. Всего один



глоточек, чтобы смочить пересохшее горло. И начала тихо рассказывать:

— Я родилась в Ордоне, в семье дворянина небольшого достатка, — это была ложь, я родилась в Диомее. Но мой отчим и впрямь был дворянином небольшого достатка в то время. Уже потом, женившись на матери, благодаря её поддержке, он преумножил своё состояние. — Училась в пансионе святой Массалеи. Закончила его в двадцать лет, — я поискала в своей коротенькой биографии ещё какие-нибудь важные факты. — Обручена в шестнадцать... с сыном друзей нашей семьи. Мы знаем друг друга с детства.

При мысли об Айлесе я невольно улыбнулась. Дин Ланнверт резко стукнул ножом о тарелку:

— У тебя есть жених, но ты спишь с Рейборном? Он забрал тебя силой?

Я осеклась. Взметнула на него ошарашенный взгляд. О святая Миена. Он прав, наличие жениха совсем некстати. Я даже не подумала об этом.

Паника затопила сознание.

— Н-нет... То есть... — я совсем растерялась. Мне хотелось очистить образ отца, дин Ланнверт и так его ненавидит. И одновременно необходимо было соблюсти легенду, не дать проклятому магу заподозрить, что я не просто пригретая содержанка.

— Всё с тобой ясно.

Судя по тому, как налился презрением его голос, ясно ему было совсем не настоящее положение дел. Что ж, ладно... Он и так считает меня продажной женщиной. То, что я, уже обещавшись другому, якобы польстилась на деньги или положение графа Рейборна, лишь маленький штришок к образу, который уже создан у него в голове.

— Сколько тебе лет? — он стал спрашивать очень жёстко, сухим деловым тоном.

— Двадцать.

— Больше, чем я думал. Где ты встретила Рейборна?

— В Ордоне, — эту часть легенды я продумала. — Случайно. Наша семья была приглашена на бал в королевский дворец.

Дин Ланнверт не сводил с меня требовательного взгляда. Губы едва заметно кривились, как будто он с трудом сдерживал неприязнь. Я даже почувствовала обиду за гипотетическую ордонскую девушку,

которая действительно могла бы встретить моего отца на приёме и полюбить его. Невзирая на свои годы, отец выглядел прекрасно и вполне мог бы привлечь внимание пусть даже моей ровесницы.

— Рейборн твой первый мужчина? — резко спросил дин Ланнверт.

Вот же!.. Наглый, не соблюдающий приличий, отвратительный человек! Хотя соблюдения каких приличий можно ждать после того, как он порвал мне платье?

Я промолчала. Опустила взгляд. Ответить на этот вопрос было невозможно. Сказать правду: я ещё не знаю мужчин — означало разрушить легенду. Но и солгать, заставить себя рассуждать о мужчинах как прожжённая куртизанка я не могла.

— Чего ты притворяешься, будто невинна? Пытаешься продать себя подороже?

Я со звоном отложила вилку. Устремила на собеседника ледяной взгляд:

— Спасибо, благородный нейд, я сыта. Позвольте удалиться.

Не дожидаясь, поднялась. Быстрым шагом направилась к двери, но за спиной раздался шум, и за талию меня перехватила сильная рука. Нахлынул запах адолеев, закружил голову.

Дин Ланнверт грубо повернул меня к себе лицом. Я испугалась, сердце билось, казалось, во всём теле, будоража кровь, путая мысли. Уставилась в его искажённое гневом лицо.

— Ты уйдёшь не раньше, чем я тебе это позволю, — прошипел он сквозь стиснутые зубы.

В глазах у него плясало безумие. Жар его тела, страх, ненависть и этот безумный взгляд меня словно заморозили. Я замерла, как маленький зверёк в объятиях удава. Руки, стиснувшие меня, казались кольцами змеиного тела.

Он задушит меня. Или сломает мне рёбра. Почему он так зол? Его глаза были совсем близко, и я вдруг заметила, что зрачки в них пульсировали: то сходились в маленькие точки, то расходились большими чёрными зеркалами, в которых я видела своё испуганное лицо.

— Отпустите меня... пожалуйста.

Он вздрогнул. Глаза сфокусировались, возвращаясь в нормальное состояние. Дин Ланнверт склонился ко мне совсем вплотную, провёл

носом вдоль щеки, почти касаясь. Я старалась не дышать, от него можно было ждать чего угодно. От того, что он вцепится мне в горло невесть откуда взявшимися клыками, до... до того, что поцелует. Я видела желание в его глазах, всё его жёсткое твёрдое тело горело желанием.

— Как вкусно ты пахнешь... маленькая куртизанка, — медленно, зловеще сказал он. — Скажи, это какая-то уловка? Пытаешься очаровать меня, да? Напрасно.

Вместе с последним словом он грубо отшвырнул меня. Повернулся на каблуках и бросил свысока:

— Я не покупаюсь на грязных девок. Пошла прочь.

Второе приглашение мне не понадобилось. Я добралась до двери, и тут что-то дёрнуло меня обернуться.

Дин Ланнверт стоял у стола и пил вино прямо из бутылки. Его широкая спина почему-то вызвала во мне жгучий гнев. Стоит себе, пьёт! Вальяжный, самодовольный, грубый... привыкший считать, что всегда прав!

И я не выдержала:

— Это ещё кто тут грязнее... не тот ли, кто держит в плену беззащитную девушку?

— Что? — зарычал он и повернулся.

Не дожидаясь продолжения, я выскользнула и кинулась бежать. Топот собственных ног заглушал всё, я вот-вот ждала, что дин Ланнверт меня нагонит, паника затопляла сознание, и я не сразу услышала женский голос:

— Нейди, нейди!..

Я не без опаски остановилась.

За мной бежала горничная. Догнала, поспешно поклонилась:

— Позвольте, я провожу вас.

Я кивнула. Напряжённым взглядом обшарила коридор. Слава богам, судя по всему, дин Ланнверт в погоню не кинулся.

Дальше мы шли уже спокойнее. Я невольно возвращалась мыслями к произошедшему. Поведение дин Ланнверта, его отвратительные слова, грубые руки... это было ужасно! И его жёсткие губы совсем рядом с моим лицом... так, что я даже увидела небольшую складочку справа. Именно она делает его ухмылку такой демонической.

Что хуже всего... тогда, в запале, я даже не сообразила, но теперь, вспоминая, заново ощущала — то дикое, безумное желание, когда мне вдруг захотелось податься вперёд и попробовать эти губы на вкус.

Святая Миена... Это какое-то помутнение рассудка. Во всём виноваты полумрак, уединение и тот глоток вина. Он затуманил мой разум. Или дин Ланнверт всё же влияет на меня? Он вполне на это способен. Чтобы его побрала та демонская бездна, из которой он выскочил!

Горничная довела меня до отведённой мне комнаты, откланялась и оставила одну. Я проверила дверь после её ухода: было не заперто. Что ж, дин Ланнверт и впрямь отпустил поводок... хотя бы на территорию поместья. Завтра проверим, как это работает.

А сейчас — я заперла дверь изнутри. Достала из рукава прихваченное блюдо и изо всех сил ударила его о пол. Покопалась среди осколков, выбирая подходящий, покачала головой. Бокал был бы лучше, но бокал я бы не вынесла незаметно.

Выбрав из осколков самый большой и острый, я полоснула им по руке.

Зашипела от боли, осторожно отложила осколок в сторону. Полюбовалась, как набухают мелкие алые капли на белой коже. Нажала, чтобы кровь выступила сильнее. Вот так. Ещё немножечко.

Ритуалу связи по крови отец научил меня, когда мне исполнилось девять лет. С его помощью можно связаться с ближайшим по крови родственником, чей образ ты держишь в уме: отец, мать, братья и сёстры. Что в этом ритуале лучше всего — так это то, что для него не нужно ничего, кроме собственно крови. Она сама посылает зов по праву родства.

Когда отец обучал меня, он, наверное, как раз и предполагал что-то вроде похищения. Но в детстве боги миловали, отец тщательно прятал нас с матерью.

Кто бы мог сказать, что это знание пригодится мне через одиннадцать лет.

Я опёрлась спиной о спинку кровати. Закрыла глаза, сосредоточившись. Пальцами другой, не раненой руки, коснулась кровавых капелек.

Отец... высокий, с ранней сединой, со спокойным взглядом голубых глаз. Сильный и надёжный, очень умный и талантливый. Если

окружающим он внушал ужас и благоговение — то мне лишь искреннюю любовь. И он всегда был добр ко мне, баловал, ласкал, защищал. Воспитывал, всегда обращаясь как с равной.

Я до сих пор не знала, почему они с матерью расстались, почему он дал ей развод. И почему так ни разу и не нашёл меня, не прислал ни одного письма. Даже если пытался обезопасить меня этим — маг такого уровня, как Хранитель Хрустального жезла Диомеи, вполне мог бы найти способ связаться без того, чтобы это стало кому-либо известно.

Я изо всех сил воскрешала перед внутренним взором его образ, но через полчаса тщетных попыток была вынуждена признать поражение. Ответом на мой зов была лишь глухая тьма, невидимая стена, в которую я билась, как пойманная птица.

Я открыла глаза. Посмотрела на подсохшую царапину.

Что ж, стоит признать, возможно, дин Ланнверт не обманул меня. Поместье и впрямь полностью экранировано.

Но это не означает, что я сдамся.

## Глава 5

Как ни странно, спала я этой ночью совершенно безмятежно. Проснувшись от солнечных лучей, потянулась в постели и поначалу не поняла, где нахожусь. Потом уже нахлынули воспоминания: похищение, попытка бежать, ужин вместе с дин Ланнвертом, его жёсткие руки на моей талии...

Привычно послав ему проклятие, я поднялась. Отведённая мне гостевая комната была совмещена с небольшой ванной без окон, так что я с удовольствием отдалась утренним процедурам.

А вернувшись в комнату, застала мявшуюся на пороге горничную.

— Доброе утро, нейди, — поклонилась та. — Позвольте проводить вас на завтрак.

Завтрак? Опять наедине с дин Ланнвертом? Опять выслушивать оскорбления? У меня и вчера-то кусок в горло не лез.

— В покоях мессира? — уточнила я.

Сомневаюсь, что у меня есть право отказаться, но я была полна решимости хотя бы попробовать.

— В малой столовой, нейди.

Хм. Если в столовой, то можно и пойти. Я была ужасно голодна.

И тут я вспомнила, что моё единственное платье порвано так, что в нём никак нельзя появиться.

— Скажи... — обратилась я к девушке и замялась, понимая, что не знаю её имени. — Как тебя зовут?

— Нея Гирамс, нейди, — она снова поклонилась.

— Скажи, Нея, ты можешь принести мне иглу и нитки? Я вчера... очень неудачно зацепилась.

Горничная ничем не показала, что удивлена:

— Конечно, нейди.

Когда дверь за ней закрылась, я вздохнула с облегчением. Сейчас она принесёт швейные принадлежности, я приведу в платье в порядок... хотя рано или поздно мне всё равно придётся задуматься над гардеробом, нельзя несколько дней подряд не менять его. И особенно нижнее бельё.

Но вряд ли дин Ланнверт позволит мне съездить домой за одеждой. И вряд ли здесь есть женские вещи — разве что он предложит мне платье служанки. Я представила себя в тусклом тёмно-сером наряде и приуныла.

Ждать пришлось недолго. Я вертелась перед зеркалом, прикидывая, как удачнее всего зашить разрыв, когда в коридоре послышались шаги. Вот только они были тяжёлыми, размеренными, мужскими.

Я напряглась, прикрыла грудь. Встала вполоборота к двери. Она растворилась, и я с замиранием сердца увидела, что предчувствие сбылось. На пороге стоял дин Ланнверт — в нежно-бирюзовой рубашке, хорошо оттенявшей его светлые волосы, бежевых брюках и высоких сапогах.

Я некстати подумала, что уж он сам недостатка в гардеробе явно не испытывает. Вон, и переделся, и шейный платок навязал. И вообще выглядит отвратительно свежо.

Дин Ланнверт опёрся плечом о косяк и с пару минут молча меня разглядывал. Лицо его было непроницаемо, но на губах плясала кривая усмешка.

Наконец он сказал, насмешливо вздёрнув бровь:

— Уже раздаёшь слугам указания? Быстро же ты освоилась.

Я вспыхнула. Всего-то попросила иглу с ниткой, а этот!.. И горничная хороша, нет чтобы молча принести требуемое — так полетела к хозяину докладываться.

— После того как вы, нейд, посмели порвать мне одежду, — я с вызовом уставилась в высокомерное лицо, — мне кажется, вы могли бы и сами озаботиться моим гардеробом. Или вы желаете, чтобы я разгуливала по вашему поместью голой?

Он сверкнул глазами, стиснул зубы. Шагнул ко мне и схватил за плечи.

— Ты моя пленница, — яростно выдохнул мне в лицо. — Если я захочу, чтобы ты ходила голой, ты будешь ходить голой. Я вообще могу сделать с тобой что захочу. Помни об этом, — он тряхнул меня.

Я сжала кулаки, кипя ненавистью:

— О да, можете, насколько это позволяет вам ваша подлая натура!

Он снова тряхнул меня, потом вдруг ощерился:

— А мышка попалась ершистая. Как будет славно укротить твой острый язычок, — он приподнял меня за плечи так, что я замерла, едва касаясь пола самыми носочками.

Хотела было крикнуть, чтобы отпустил меня, но его лицо оказалось так близко, дыхание опалило кожу, и у меня внутри всё судорожно замерло, сердце забилося бешеным набатом. Глаза дин Ланнверта потемнели, опустились на мои губы.

Я представила, как он целует меня — он это имел в виду под «укротить язычок»? — и где-то в животе, словно отвечая воображению, сладко заныло. Я отвернулась, зажмурилась:

— Пустите!

Дин Ланнверт вздрогнул. Отпустил меня так резко, как будто вдруг осознал, что сжимает в объятиях ядовитую кобру.

— Что ты себе вообразила, жалкая дешёвка?!

Он был разъярён, глаза метали молнии. Я выпрямилась, чувствуя, что зла не меньше.

— Извольте не прикасаться ко мне, — отчеканила с совершенно отцовскими интонациями.

Дин Ланнверт чуть не зарычал. Он был похож на тигра в клетке. Сжимал кулаки и разжимал, сверля меня пронзительным взглядом. Он как будто сам не понимал, что с ним творится.

Наконец, не произнеся больше ни слова, повернулся на каблуках и вышел. Послышался чеканный ритм его удаляющихся шагов.

Я выдохнула, без сил опускаясь на пуфик перед туалетным столиком.

Что это было? Почему он так странно ведёт себя? То насмехается, то позволяет себе лишнее, то бушует и злится так, что мне становится страшно за свою жизнь. Эта неуравновешенность... такое ощущение, что он не в силах противостоять тёмным силам.

Понимание ударило меня, заставило задохнуться.

Ну да, так и есть.

То, что служит ему — оно постепенно раскачивает его разум. И если он не справится с этим — в один прекрасный день оно овладеет им полностью.

Маг такой силы под властью демона...

Я содрогнулась. Он не оставит от города камня на камне. Разумеется, король созовёт всех магов, моего отца — самым первым.



Но... сумеют ли обуздать дин Ланнверта, если он окончательно попадёт под влияние тёмных сил?

Зачем он вообще связался с ними? Отец не раз твердил о том, как это опасно. Неужели дин Ланнверт не знал, что цена может оказаться непомерной?

Или знал, но есть что-то ценнее для него, чем собственный разум и свободная воля? Что это, что он хочет с такой силой получить?

Неужели это смерть моего отца? За что же он так его ненавидит?

Не прошло и пяти минут после его ухода, как в дверь тихо поскреблись. Я разрешила войти. Это оказалась горничная Нея. Она притащила швейный набор.

— Если нейди будет угодно, — смущённо пряча глаза, сказала Нея, — я неплохо шью. Позвольте помочь вам.

Я сдвинула брови. Пытается загладить неловкость? Зачем бы ей это.

Всё объяснилось, когда Нея, поклонившись, произнесла:

— Его сиятельство велел, чтобы с сегодняшнего дня я вам прислуживала. Я ваша личная горничная.

Вот оно что. Дин Ланнверт, значит, решил приставить ко мне шпионку. Что ж, ладно.

Личная горничная... у меня никогда её не было. В доме отчима у нас прислуживали только две девушки. Правда, старшую горничную девушкой можно было назвать только с большой натяжкой. А когда я жила в замке отца, то была слишком мала для того, чтобы иметь личную горничную или камеристку.

— Спасибо, я сама, — улыбнулась я ей. Она не виновата, что ей приходится служить такому самодуру, как дин Ланнверт.

— Как изволите, ваша милость.

Показав, где находится звонок для вызова прислуги, Нея удалилась — а я засела за шитьё. Хотелось поскорее покончить с этим, пока снова не явился дин Ланнверт. В том, что он появится, я почему-то не сомневалась.

Вышло у меня довольно прилично. Я снова оделась, мысленно посетовав на то, что уже второй день не могу сменить ни платье, ни бельё. Подошла к окну и принялась изучать охранные чары. Судя по расстоянию до земли — и по лестничным пролётам, которые я

преодолевала вчера, — я нахожусь на третьем или четвёртом этаже. Слишком высоко, чтобы спрыгнуть, даже если я пойму, как снимается защита.

Голод мешал сосредоточиться. Я даже начала подумывать о том, чтобы вызвать Нею и попросить её принести мне чего-нибудь. Или самой явиться в столовую?

Может, я так и поступила бы, но раньше за мной прислали лакея. Пожав плечами, я решила не упираться.

Что стало для меня настоящей неожиданностью — так это то, что за столом сидели пятеро мужчин. Я даже замешкалась на пороге, обводя взглядом их лица. Первым увидела, естественно, дин Ланнверта, он развалился в кресле во главе стола, в том же наряде, в котором заходил ко мне. По левую руку от него сидел уже знакомый мне Койоха, а рядом с ним — мужчина в тёмно-зелёном костюме, с тёмно-русыми волосами и узким лицом со впавшими скулами. Напротив же, с другой стороны стола, тёмными силуэтами на фоне залитых солнцем окон располагались двое... Широкоплечие, с приветливыми улыбками, золотисто-пшеничными кудрями — и совершенно одинаковыми лицами. Близнецы.

Я сделала книксен, а дин Ланнверт громко объявил:

— Ну наконец-то! Вы заставили нас подождать, нейди Келина. Садитесь же.

По всей видимости, мне отводилось место как раз напротив дин Ланнверта. С одной стороны, это было хорошо: не рядом и мне не придётся с ним разговаривать. С другой — довольно двусмысленно. В обычных домах это место занимает супруга хозяина.

Я безмолвно последовала его однозначному кивку.

Дин Ланнверт дождался, пока я сяду, и саркастическим тоном сказал:

— Позвольте представить вам мою... гостью.

При этих словах мужчины переглянулись, на их лицах появились ухмылки. Я невольно вспыхнула: что такое он рассказал им обо мне? Небось, выставил содержанкой и куртизанкой, унизил как мог.

— Нейди Келина...? — интонация дин Ланнверта показывала, что он хочет услышать мою фамилию.

Много хочет.

— Просто Келина, — спокойно ответила я.

Смутить его не удалось. Он тем же громким издевательским тоном огласил:

— Нейди Келина Без Фамилии. Прошу любить и жаловать.

Тут уж мужчины рассмеялись вслух. Один лишь дин Койоха оставался серьёзным. Бросил мне подбадривающий взгляд — по крайней мере именно так я восприняла его и с благодарностью улыбнулась в ответ.

Внесли блюда, запахло жареными овощами и мясом, кукурузным супом и свежими булочками. Я украдкой сглотнула слюну и, чуть только слуги убрались, принялась без стеснения уничтожать еду.

К счастью, особо меня не беспокоили. Дин Ланнверт разговаривал вполголоса с дин Койохой, мужчина в тёмно-зелёном ел, тщательно пережёвывая пищу, и только близнецы по мою левую руку перешёптывались и пересмеивались, кидали на меня насмешливо-шкодные взгляды.

— Нейди Келина, — наконец спросил один из них, — сколько вам лет?

— Двадцать, — спокойно ответила я.

Тут же вмешался другой:

— И сколько из них вы... ну... — он крутанул рукой, — занимаетесь этим ремеслом? — слишком наглый взгляд опустил мне на грудь, а потом снова вернулся на лицо.

Я притворилась, что поглощена пережёвыванием.

Ладно один дин Ланнверт. К его задираниям я уже привыкла. Но стать мишенью пятерых — это уже слишком.

Но я даже не успела придумать, как осадить его — дин Койоха окликнул чересчур бесцеремонного близнеца:

— Мейнор. Не забывай о приличиях.

— Но ведь...

Дин Койоха предостерегающе мотнул головой, и тот замолчал. И второй, его близнец, тоже замолчал, вгрызся в куриную ножку.

Зато поднял голову тот, кто сидел справа от меня, тёмно-зелёный. Мне не понравился его взгляд: сверлящий и развязный. Слизнув с губ жир, мужчина вдруг фамильярно подмигнул.

Я отвела взгляд, притворившись, что не заметила. И заледенела, почувствовав, как кто-то касается моей ноги под столом. Судя по

всему, тоже ногой, так как руки все держали в пределах видимости.

Кто-то поднял под столом ногу и осмелился гладить ступнёй мои бёдра, пытаюсь нагло раскрыть колени, влезть между ними и дотронуться до самого сокровенного.

Я резко отодвинулась вместе со стулом. Нога исчезла, но из-за скатерти я даже не заметила, кому она принадлежала.

— Что случилось, нейди Келина? Что-то уронили? — раздался издевательский голос дин Ланнверта.

— Всё хорошо, мессир, — ледяным тоном ответила я. — Мне показалось, под стол забралась собака и потянула меня за юбку.

— Собака! — прыснул один из близнецов. — Это в какой деревне в обеденный зал пускают собак?

— Вам, должно быть, не привыкать, что кто-то пытается снять с вас юбку! — и дин Ланнверт не преминул показать своё остроумие. Его приближённые угодливо заржали. Именно заржали, громким конским гоготом.

— Сейдж, — дин Койоха снова укоризненно одёрнул друга — на этот раз дин Ланнверта.

Я снова придвинулась к столу, только сжала в руке вилку и продолжила молча есть. Если кто-то ещё раз полезет, просто незаметно опущу руку под стол и всажу в него вилку, там и посмотрим, кто это такой шустрый.

А вообще — надо скорее покончить с завтраком и уйти в свою комнату. В следующий раз попрошу накрыть мне там.

Долго поест в тишине мне не дали.

— Нейди Келина, — один из близнецов приник к столу, пытаюсь снизу вверх заглянуть мне в лицо. На губах была ухмылочка. — Вы настолько бедны, что приходится носить штопаные платья?

Заметил-таки. Я через весь стол посмотрела на дин Ланнверта. Он наверняка расслышал, но это ничуть его не смутило. Вон, облокотился о ручку кресла и ждёт, что я отвечу.

— К сожалению, мне не дали времени собрать вещи, — пустила я шпильку в его адрес. — Приходится очень бережно обращаться с платьем, оно у меня единственное.

Близнец, кажется, Мейнор, живо повернул голову в сторону Ланнверта.

— Серьёзно, Сейдж? Купи девушке пару платьев, скупец.

Я думала, тот снова отвесит дурацкую шуточку, но маг лишь лениво кивнул дин Койохе:

— Ард, займись.

— Отвезти её в город? — удивился тот.

— Ты что, болван? Привези ей портниху или купи пару тряпок в магазине готового платья.

— А... Хорошо.

Я постаралась не подать виду, но сердце подпрыгнуло. Неужели! В кои-то веки! И хотя подобная забота свидетельствовала о том, что дин Ланнверт и впрямь не намеревается меня отпускать, я всё равно почувствовала благодарность. По крайней мере, мне не придётся ходить в одном и том же или просить платье у служанки.

Оставшееся время завтрака прошло, слава богам, без инцидентов. Близнецы периодически закидывали меня каверзными вопросами, я довольно умело их парировала, дин Ланнверт посматривал в мою сторону, но, к счастью, не заговаривал. А дин Койоха каждый раз, когда наши глаза встречались, подбадривающе улыбался.

Сразу после десерта, я, скороговоркой пробормотав что-то похожее на «спасибо, было очень вкусно, а теперь я вынуждена вас покинуть», — быстро удалилась. Дин Ланнверту это, кажется, не понравилось, но он не сделал попытки удержать меня.

Мне казалось, я знаю обратную дорогу, но, свернув несколько раз, я поняла, что заблудилась. Упрямство — и врождённое любопытство — не позволили сдаться сразу, и я некоторое время кралась по незнакомым коридорам, с интересом заглядывая в комнаты. Потом забрела в тупик, пришлось вернуться и идти обратной дорогой.

И, свернув в очередной раз, я наткнулась на идущего навстречу узколицего нейда в тёмно-зелёном костюме. Того самого, что сидел справа от меня за завтраком.

Я собиралась просто кивнуть и пройти мимо, но нейд вдруг ощерился и кинулся мне навстречу. Я не успела и вскрикнуть, как он прижал меня к стене.

— Какая милая маленькая цыпочка гуляет тут одна, — задышал он мне в лицо, ухмыляясь.

Я настолько не ожидала этого, настолько была ошеломлена, что не сразу отреагировала, когда он осмелился дотронуться до моей груди.

Зато наконец поняла — это он тот негодяй, что трогал меня за столом. Я и тогда уже подумала, что это не один из близнецов. Хоть они и издевались, и зубоскалили, мне показалось, они делали это не из природной злобности, а из простого легкомыслия. Тоже, конечно, нехорошо, но я не могла держать на них зла. Они напомнили мне братьев подруги из пансиона, те тоже постоянно подтрунивали и подначивали нас.

— Не смейте прикасаться ко мне! — я оттолкнула его, собрав все силы. Передёрнулась от гадливости. — Не знаю, что вам сказал дин Ланнверт, но я вам не куртизанка!

На его лице и тени сомнения не появилось. Напротив, улыбка стала сильнее.

— А я знаю, цыпочка, — гадливо ухмыляясь, сказал он. — Я знаю. И твой секрет я тоже знаю.

Пользуясь тем, что я окаменела от изумления и ужаса, он снова приблизился. Я попятилась, упираясь лопатками в стену, он нагнал меня и шепнул тихо-тихо:

— Тинна эс-Рейборн.

Сердце на миг остановилось, а потом зачастило, как с цепи сорвавшись. В ушах зазвенело, словно пожарный набат. Я видела полные злорадного торжества карие глаза напротив.

Он и вправду знает. Как, откуда? Что за демон помог ему добыть эти сведения? И как он собирается ими распорядиться?

Ответ на этот вопрос был дан незамедлительно.

— Не хочешь, чтобы об этом узнал дин Ланнверт, веди себя хорошо, цыпочка, — жарко шепнул нейд, положил руки мне на талию и попытался притянуть к себе.

Его лицо оказалось совсем рядом. Я отвернулась, чтобы избежать поцелуя. Сердце всё ещё яростно билось, разум был поглощён единственной мыслью: как заставить его молчать, как сделать так, чтобы он не сказал дин Ланнверту? Только когда чужие губы скользнули по щеке, я пришла в себя и принялась отчаянно отбиваться:

— Прекратите! Перестаньте!

Но сопротивление было тщетным. Он зажал мои руки, пригвоздил к стене собственным телом и пытался поцеловать. Я извивалась изо всех сил, но это только распалило его.

Не знаю, до чего он дошёл бы, но вдруг неведомая сила оторвала его от меня и отбросила в сторону.

Я тут же метнулась прочь и замерла в отдалении, брезгливо утирая те места, которых коснулись чужие губы, дрожа от негодования и отчаянной злости. И тут услышала чёткий, с явными нотками гнева голос дин Ланнверта:

— Не распускай руки, Гнес!

Я обернулась. В коридоре и впрямь стоял дин Ланнверт, и выглядел он невероятно злым. Желваки ходили на скулах, грудь мощно вздымалась, руки были сжаты в кулаки. Напавший на меня нейд, напротив, съёжился от страха и закрывал лицо, будто ожидал, что дин Ланнверт сейчас набросится на него.

Но тот лишь повернулся ко мне и спокойно сказал:

— Иди к себе.

Я приподняла юбки, собираясь кинуться бегом, так сильно мне хотелось скорее покинуть это место.

Тут названный Гнесом нейд подал голос:

— Ты же сам сказал, она продажная!

Дин Ланнверт ответил ледяным тоном:

— Здесь она не для этого. Если ещё раз посмеешь коснуться её — если она хоть раз на тебя пожалуется, пеняй на себя. Это последнее предупреждение.

Нейд метнул на меня злобный взгляд. Я бы торжествовала, если бы не зловещее обещание в его глазах. В разуме снова пронеслись те слова: «Не хочешь, чтобы об этом узнал дин Ланнверт, веди себя хорошо».

Сам дин Ланнверт тоже повернулся, словно недоумевая, почему я до сих пор здесь, и я, сделав небрежный книксен, поспешила уйти.

По коридору бежала, задыхаясь. Не от быстрого шага — от переполняющих чувств.

Это конец. Если я не найду способа заставить этого Гнеса замолчать, это конец. Вопрос времени, когда он выложит всё дин Ланнверту. Что будет тогда, мне страшно представить.

Это сейчас, когда они считают, что я всего лишь содержанка, они не торопятся шантажировать отца. Думают, что это бессмысленно. Но стоит им узнать, что я его дочь...

Я стану козырем для того, чтобы заставить моего бедного отца поступать так, как им угодно. Он часто называл меня своим сердцем — и это сердце окажется в руках врагов. Что если в обмен на мою жизнь они потребуют от него уйти с должности Хранителя, отдать Хрустальный Жезл? Или им нужно его состояние? Или, что хуже всего, они охотятся за его головой?

Дин Ланнверт уже угрожал мне использовать амулет подчинения.

Нет, если моё настоящее имя раскроется, мне лучше умереть. Хотя это тоже убьёт отца, может быть, даже вернее, чем пуля в сердце.

Боги Авендаса, что же мне делать? Тот негодяй будет шантажировать меня, пока не добьётся своего. А потом всё равно расскажет дин Ланнверту, ибо что его остановит? Такие люди не имеют чести.

Но что я могу? Убить его?



## Глава 6

Пару часов я металась по своей комнате, как по клетке, лихорадочно перебирая способы воздействия. Убить Гнеса было бы, конечно, самым надёжным, но я совсем не была уверена, что смогу убить человека. Я даже насекомых старалась не убивать, ловила и отпускала — кроме совсем уж отвратительных огромных рыжих тараканов, как-то расплодившихся в общежитии пансионата. А тут человек — пусть по отвращению, которое он во мне вызывает, Гнес ничуть не лучше таракана, но всё же... Я боялась, у меня не хватит душевных сил хладнокровно лишить его жизни.

Кроме того, у меня не было и оружия.

В одном из подаренных отцом перстней было сильнодействующее заклинание сна, я могла бы усилить его настолько, что сон стал бы вечным — но перстни отобрали у меня вместе со всеми другими украшениями и заклинаниями.

Всё остальное, чем я могла бы воспользоваться — это вилки и тупые столовые ножи, осколки фарфоровой посуды, оконное стекло... вряд ли этим можно убить взрослого сильного мужчину. Да и при мысли о том, что придётся всадить кусок стекла или вилку в чужое горло или глазницу, мне становилось нехорошо.

Моё уединение прервал тихий стук. Я решила, что это Нея, и, не оборачиваясь, крикнула:

— Войдите.

Но вместо звонкого голоса Неи я услышала сдержанный низкий мужской:

— Прошу прощения за вторжение. Я привёз вам портниху.

Я обернулась, с радостью встретив приветливый взгляд чёрных глаз. Дин Койоха слегка кивнул, как старой знакомой, и посторонился, пропуская средних лет даму в роскошном коричневом платье. За дамой прошмыгнули две помощницы, одетые похоже, но куда скромнее.

— Модный дом мадам Болею, — отрекомендовал даму дин Койоха. — И его основательница и бессменная глава мадам Болею собственной персоной.

— К вашим услугам, нейди, — кивнула та. Она говорила с небольшим прононсом, свойственным уроженцам Линдии, а Линдия, и особенно столица её, блистательный Сирап, являлись признанными законодателями моды.

Я присела в вежливом поклоне, скрывая удивление.

А дин Ланнверт не поскупился. Или это всё дин Койоха? Судя по поведению дамы, по её богатому наряду, по тому, что она явилась аж с двумя белошвейками, дом мадам Болевио был явно не последним в городе.

Следуя приказам хозяйки, помощницы сноровисто расставили ширму, на которую повесили портняжный измеритель, несколько видов ткани, специальные сумки с инструментами и разные другие вещи.

Дин Койоха хотел было откланяться, но мне пришла в голову одна мысль, и я предложила ему сесть к ширме спиной, оставаясь в комнате. Я хотела расспросить его, пользуясь суматохой.

Но первые минут двадцать ни одного вопроса задать не вышло, меня сноровисто раздели, измерили, мерки записали, расспросили о предпочтениях в ткани, тут же бесцеремонно рекомендовали шифон, шёлк и крепдешин.

Я только и знала, что кивать под градом этих рекомендаций, чувствуя себя по-настоящему провинциалкой из Ордона.

Наконец, когда мадам углубилась со своими помощницами в бурное обсуждение, пересыпаемое неизвестными мне словами и из-за этого походившее на какой-то магический речитатив, я высунулась из-за ширмы с намерением задать дин Койохе пару вопросов.

Всё было бы хорошо, если бы дин Койоха в этот момент случайно не повернул голову. Он замер с раскрытым ртом, забыв, что хотел сказать. Взгляд впился в мои обнажённые плечи.

Я тоже смутилась из-за двусмысленного положения, но посчитала ниже своего достоинства немедленно прятаться. В конце концов на приёмах надевают и более открытые платья, и мне нечего было стыдиться собственной кожи. Мама всегда хвалила её, называла золотистым яблочком.

Да и Айлесу очень нравилось, когда я носила платья с открытыми плечами. Правда, меня слегка пугало то, что взгляд у него становился мечтательно-туманный, и он то и дело пытался дотронуться до меня.

Сейчас примерно такой же взгляд был у дин Койохи, но этому я обрадовалась. Мне был крайне необходим хоть один доброжелатель в этом доме, и я была уверена, что дин Койоха, в отличие от Гнеса, человек чести и не посмеет распускать руки. И тем не менее от смущения кровь прилила к лицу.

— Я хотела спросить, — я приложила все усилия, чтобы голос звучал как ни в чём не бывало, — у вас не найдётся сегодня немного времени для прогулки со мной? По поместью, конечно.

— Конечно, к вашим услугам, — ответил он лишь с небольшим промедлением.

— Замечательно, — вот и расспрошу его наедине. — А...

Не успев закончить, я увидела в глубине распахнутой двери в комнату дин Ланнверта, стоящего сложив на груди руки и сверлящего меня мрачным взглядом. Осеклась на полуслове, поспешно нырнула обратно за ширму, чувствуя, как сердце заходится в бешеном стуке. Что он тут делает?! Зачем опять пожаловал, выводить меня из себя?

Всё внутри смёрзлось в ледяной ком в предчувствии его издевательского голоса. Вспомнились мерзкие шуточки, что он отвечивал утром. А потом вдруг то, как защитил меня от Гнеса. Может, пришёл извиниться за него?

Хотя нет, это совершенно невероятно.

Я прислушалась, но кроме щебета белошвеек и густого голоса мадам Болевию ничего не услышала. Осторожно выглянула. Дин Койоха гипнотизировал носки своих сапог, а в коридоре уже никого не было.

Странно.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоить разбушевавшееся сердце. Меня взбудоражил этот визит.

Дин Ланнверт выглядел... не то чтобы злым, но очень недовольным. Но он вроде бы не из тех людей, кто стесняется озвучить причину своего недовольства. Неужели дело в присутствии дин Койохи в моей комнате? Неужели дин Ланнверт... ревнует?

Меня кинуло в жар.

Нет-нет-нет, это невозможно. Я всего третий день здесь. Скорее, он беспокоится, чтобы его друг не попал под моё влияние.

Но тут вдруг вспомнился тот вечер, его «маленькая куртизаночка... пытаешься очаровать меня?». И сила, с которой он

рванул мой ворот — совершенно звериная, необузданная. Он весь сам как необузданный дикий зверь — не знаешь, что выкинет в следующий миг.

Ноги у меня вдруг ослабели, и я поспешно присела на подоконник. Обмахнулась рукой. Мне было так жарко, как будто под кожей плясал огонь. Проклятый дин Ланнверт, со своими безумными поступками и насмешками.

— Вам дурно, нейди? — забеспокоилась одна из белошвеек. — Проводить вас в туалетную комнату?

Я поначалу хотела было отказаться, а потом сообразила: это же прекрасный шанс. Кивнула, и девушка старательно подставила плечо.

Ширма очень удачно загораживала дверь ванной комнаты, так что дин Койоха даже не поймёт, что мы с одной из девушек куда-то подевались. Я поплескала в лицо воды, делая вид, что мне всё ещё нехорошо. Присела на бортик роскошной ванны.

— Скажите, вы же приедете снова? — спросила у девушки. — Одним снятием мерок ведь не обойтись?

— Конечно, нейди. Приедем, как только платья будут готовы для примерки. Если вы пожелаете, вы также можете навестить салон в городе.

Сомневаюсь, что мне позволят выбраться в город. Но я кивнула. Взяла девушку за руку — у неё оказались тоненькие, но с очень грубой кожей, истыканные иголкой пальцы — и проникновенно сказала:

— Прошу вас, передайте весточку одной пожилой нейди. Она щедро отблагодарит вас. Скажите, что её внучка жива, здорова и в полной безопасности. Не надо искать её.

Я специально подбирала такие обтекаемые, с намёком на тайну фразы. Любая романтически настроенная девушка моего возраста вообразит побег из дома вместе с неугодным родным мужчиной. Мне даже было всё равно, кого именно она вообразит моим женихом, дин Койоху или дин Ланнверта. Я только понимала, что должна использовать этот шанс.

Дин Ланнверт сильно просчитался, позволив привезти сюда портниху.

— О-о... — девушка сжала мои пальцы в ответ. — Конечно, нейди. Я всё понимаю. Извольте только сказать адрес, и я сама съезжу передам весть.

Она была восхищена, немного шокирована и чрезвычайно взволнована, как будто сама сбежала из дома.

— Спасибо, дорогая, — от избытка чувств я обняла её. Смутно пожалела, что нет бумаги и чернил. С другой стороны, словесную весть никто никогда не перехватит.

Ещё было жаль, что я не могла дать ей денег — у меня не было с собой ни гроша, когда меня похитили. Но любопытство и желание прикоснуться к чужой сердечной тайне должны сработать не хуже.

Мы вышли вместе, но на этот раз белошвейка тихо вздыхала и бросала в мою сторону мечтательные взгляды. Бьюсь об заклад, ей бы очень хотелось услышать все подробности нашего побега, нашей встречи, нашей не одобряемой родственниками любви... Я лишь загадочно и немного смущённо улыбалась в ответ.

Сняв с меня нужные мерки, выбрав ткань и фасон, договорившись о дне следующего визита, представительницы модного дома мадам Болевию откланялись. Некоторое время после их ухода мне хотелось танцевать.

Если всё пойдёт так, как нужно, скоро бабушка будет знать, что я жива. А там уже, если она переборет неприязнь и передаст все сведения отцу, он непременно найдёт посланницу и сам модный дом. Оттуда уже рукой подать до поместья дин Ланнверта. Как бы он ни постарался закрыть свой дом от магического поиска — от физического закрыть был всё же не в силах.

Кроме возможности передать весть, меня почти так же сильно обрадовало то, что у мадам Болевию оказалось с собой несколько комплектов готового нижнего белья. Выяснилось, она слышала, что весь мой гардероб пропал, и подумала, что такого рода вещи не помешают. Я с радостью согласилась, а дин Койоха, старательно скрывая смущение, которое в нём вызвал разговор о таких деликатных предметах, незамедлительно всё оплатил.

Так что, когда дин Койоха вернулся, чтобы предложить мне своё общество для прогулки, я была чиста, свежа и цвела, как майская роза.

Мы гуляли по саду, я опиралась на его руку и купалась в его восхищённых взглядах. Если поначалу я преследовала исключительно деловую цель: выяснить нужную информацию, то постепенно под этим взглядом я совсем расслабилась и просто наслаждалась

прогулкой: цветущей зеленью, журчащим, рассыпающимся на солнце радужными струями фонтаном, птичьим щебетом. Я почти забыла, что нахожусь в плену, мне казалось, будто я снова очутилась в Ордоне.

Мне давно не приходилось ощущать на себе таких восхищённых и одновременно целомудренных взглядов.

Айлес когда-то тоже смотрел так. А потом по-другому, жадно, требовательно, с каким-то внутренним затаённым напряжением. Настаивал, чтобы мы скорее поженились. Я, в принципе, не возражала, но хотела, чтобы мама могла присутствовать... в полном здравии. А вышло так, как вышло.

Айлес, к слову, засыпал меня письмами, умоляя скорее вернуться. Он тоже забьёт тревогу, если от меня долго не будет ответа. Но письма даже через магическую почту летят не меньше трёх дней.

— Скажите, — я улучила момент, когда в нашей совершенно светской беседе возникла пауза, — вы знаете, кто я?

Дин Койоха обращался со мной так безукоризненно и добропорядочно, так сильно выделяясь на фоне других пособников дин Ланнверта, что в какой-то миг я засомневалась, знает ли он, кем считает меня дин Ланнверт и прочие.

Но дин Койоха с лёгким смущением отвёл взгляд:

— Д-да...

Я мысленно поставила галочку. То есть он вёл себя как благородный нейд не потому, что не считал меня содержанкой графа Рейборна, а потому, что вёл бы себя так с любой. Против воли я почувствовала благодарность и даже симпатию.

— Скажите... — я опёрлась сильнее о его руку, украдкой глянула по сторонам, но вокруг никого не было, — за что нейд дин Ланнверт так сильно ненавидит графа?

Дин Койоха замялся. Рука, поддерживающая меня, явственно напряглась.

— Это долгая история, — сказал он наконец. — Если в общих чертах, то... из-за графа Рейборна он потерял всё. Семью, положение, деньги, титул...

— Титул? Ланнверт — не настоящая его фамилия?

— Да, но, я надеюсь, вы простите, если я не буду говорить истинное имя его рода. Он предпочитает хранить это в тайне.

— Да, я понимаю. Конечно.

На самом деле я отчаянно жалела, что приличия не позволяют мне вцепиться в эту тайну, как охотничьей собаке в подраненную куропатку. Так значит, на самом деле дин Ланнверт вовсе не Ланнверт. А герб с буквой «Л»? Что ж, по всей видимости, он получил его после того, как закончил академию.

Но как бы выяснить его настоящую фамилию? Что-то подсказывало мне, узнав её, отец заполучит ценный козырь.

— Вы сказали, он потерял семью по вине графа. Могу ли я узнать, что именно произошло?

— Я сам не знаю подробностей. Знаю только, что, — он замялся, как будто ему было неловко говорить об этом мне, бросил виноватый взгляд, но потом dokonчил: — граф Рейборн убил сначала его мать, а потом и отца. И похлопотал о том, чтобы титул и земли отошли их дальнему родственнику. А тот прогнал ставшего сиротой Сейджа. Он потерял всё.

По спине пролился холодок.

— Вы сказали, граф убил его мать? За что, что она ему сделала?

Дин Койоха покачал головой:

— Мне это неизвестно.

Я замолчала, но мысли металась в голове встревоженным роем.

Нет-нет-нет, этого не может быть. Отец не стал бы сражаться с женщинами. В то, что он мог убить отца дин Ланнверта, я, к сожалению, верила — но никогда не стал бы делать этого без веской причины.

Впрочем, если весь род дин Ланнверта чем-то угрожал ему...

Я поёжилась. Мой отец мог быть удивительно безжалостен в некоторых случаях. Например, я была уверена, он уничтожит дин Ланнверта, когда узнает, что тот осмелился меня похитить.

Если его мать шантажировала моего отца или само её существование могло стать угрозой его благополучию... и в некоторых других случаях — да, он мог бы так поступить.

Но это значит, если дин Ланнверт узнает, кто я — а это только вопрос времени, — так вот, если он узнает, мне не жить.

Я думала, он станет шантажировать отца мной — но он может просто убить меня ради мести. Чтобы заставить отца страдать, как страдал он сам.

Я схватила дин Койоха за рукав. Должно быть, я побледнела, потому что он посмотрел на меня с явным удивлением.

— Нейд... прошу вас, как беззащитная женщина мужчину. Вы единственный, к кому я могу обратиться. Пожалуйста, помогите мне бежать.

Дин Койоха смотрел на меня в молчании, затем лицо его болезненно исказилось, и я поняла, что он сейчас откажет. Заторопилась продолжить, как бы невзначай положив руку ему на грудь, как раз напротив сердца:

— Подождите, выслушайте меня. Вы же знаете, что я не представляю собой никакой ценности. Ни для дин Ланнверта, ни для графа Рейборна. То, что он до сих пор не отпустил меня — его прихоть, его злая воля, если хотите. Ему нравится насмехаться надо мной, возможно, ему нравится держать беззащитную женщину в своей полной власти. Но вы должны понимать, насколько это претит всем человеческим и божьим законам. Оставить меня здесь — значит потакать его низменным желаниям. Причинить зло ему самому.

Дин Койоха слушал молча, не размыкая губ, но по его глазам я видела, что мои аргументы находят отклик. Ещё бы — я незаметно, по капле вливала в него симпатию и желание помочь.

Мой дар и впрямь небольшой и действует только через прикосновение, причём желательное прикосновение к одной из самых важных точек человеческого тела: лбу, сердцу, солнечному сплетению — но как раз благодаря этому может остаться совершенно незамеченным. Даже обычная естественная защита, которую машинально ставит и поддерживает любой выпускник магической академии, такое влияние не видит и не обезвреживает.

— Только вы мне можете помочь, — параллельно я продолжала убеждения. — Только вы, и не ради меня — ради него. Да, он будет зол поначалу, но он простит вас, когда поймёт, почему вы так поступили. А я — я буду всю жизнь читать за вас благодарственные молитвы. Вы моя единственная надежда снова получить свободу. Ведь я рождена свободной, я не хочу... умереть здесь как игрушка... — я опустила глаза, опасаясь, что переигрываю.

А когда подняла, озадаченная слишком долгим молчанием — то с содроганием увидела совсем рядом, буквально в десяти шагах —



бледного, как вестник смерти, со сверкающими глазами, зло смотрящего на нас дин Ланнверта.

Да чтобы демоны его в бездну утащили! Испортить мне такой шанс! Ещё немного, и дин Койоха был бы мой.

Но на глазах у друга он, конечно, сразу вернулся обратно в свою скорлупу. Я почти физически почувствовала, как он отдаляется.

— Ард, — тяжело уронил дин Ланнверт, подходя, — я просил заняться её гардеробом, а не выгуливать её по саду. Мне казалось, у тебя были другие дела.

— Да, конечно.

Дин Койоха ответил спокойно, но мышцы под моей рукой окаменели, и на миг обозначились желваки на челюсти.

Не без сожаления он отстранился от меня, сделал короткий поклон и неторопливо зашагал по направлению к поместью.

Я проводила его взглядом, всем существом сожалея, что не могу убежать следом.

Дин Ланнверт понял, что я делала? Вряд ли, всё же мою магию невозможно засечь. Да и слова вряд ли расслышал, я говорила тихо, а он стоял в отдалении. Но он так зол...

— Иди к себе, — мрачно бросил дин Ланнверт. Он стоял в двух шагах, широко расставив ноги, сунув руки в карманы, и с высоты своего роста буравил меня недобрый взглядом.

У меня отлегло от сердца. Не понял и не слышал. Иначе так легко я бы не отделалась.

Облегчение придало мне смелости.

— Если вы не возражаете, я хотела бы остаться в саду. Мне скучно сидеть взаперти без книг и письменных принадлежностей.

Я хотела, уколов его этой шпилькой, чтобы он предоставил мне хотя бы часть из указанного, но дин Ланнверт свирепо нахмурился.

— Всё пытаешься сбежать? Иди сюда, я покажу тебе сам, — не дожидаясь ответа, он схватил меня за руку чуть выше локтя и бесцеремонно потащил за собой.

— Отпустите меня!

Не слушая моих воплей, дин Ланнверт продолжал тащить меня вглубь сада. Его движения были резкими и грубыми. Мне приходилось бежать, чтобы поспевать за ним и чтобы он не оторвал мне руку. Подол путался в траве, цеплялся за кусты, жёсткая поросль больно хлестала

щиколотки, незаметные камешки и кочки резали ноги в мягких домашних туфлях. Дин Ланнверт не выбирал дороги — ещё бы, сам-то он был в сапогах.

Наконец впереди я увидела высокую кирпичную стену, ограждающую поместье. Вздогнула, вспомнив слова дин Ланнверта: попробуй выйти — и узнаешь сама. Попробовать-то я собиралась, но в одиночестве, потихоньку, очень осторожно. А дин Ланнверт провёл меня к затаившейся в стене калитке, открыл её и, не церемонясь, вытолкнул наружу.

Что я могу сказать... это было больно.

Это было больно до такой степени, что мне показалось, будто кости перемалывают в труху. Если поначалу я могла терпеть, даже сделала два шага, то через секунду меня как будто сунули живой в пламя. Я закричала. Рассудок помутился, перед глазами повисла белая пелена, исчезли все звуки, оставляя меня наедине с болью — сокрушительной, жгучей, лишаящей разума.

Когда я пришла в себя, то была уже внутри, судорожно, сухо всхлипывая — в объятиях дин Ланнверта. Сердце бешено колотилось, ноги были как ватные, а в ушах до сих пор звенело тихим комариным звоном. Горло болело, словно от крика я сорвала связки. Но больше всего меня изумило то, что я сама, по своей воле вцепилась в рубашку дин Ланнверта, а он тихо и успокаивающе твердил над моей головой:

— Ну же... всё уже хорошо... я сожалею...

подавив очередной сухой всхлип, я подняла на него глаза — и сердце вдруг сбилось с ритма.

Это было нечестно и неправильно — держать меня в объятиях с таким выражением на лице, как будто ему в самом деле было жаль, как будто он в самом деле испугался за меня. И ещё было совершенно неправильно наклониться ко мне так близко, так упорно всматриваться в мои глаза.

Мне безумно захотелось податься вперёд, провести языком по изгибу его верхней губы, прикусить нижнюю, понять, такие ли они жёсткие, какими кажутся, или неожиданно мягкие и отзывчивые.

Дин Ланнверт вдруг поймал мой взгляд, и его руки на моих плечах сжались чуть крепче. Я затаила дыхание, сама не зная, чего хочу — убежать или опустить ресницы, трепеща от предвкушения.

И вспомнила, как он угрожал мне, как издевался, как ледяным голосом цедил, что я дешёвка и грязная девка. Видимо, не настолько, чтобы держать в объятиях и смотреть... вот так!

Гнев вспыхнул, тут же возвращая мне все силы и желание держаться от дин Ланнверта подальше. Я вырвалась из его рук, пользуясь растерянностью, размахнулась и вlepила ему щедрую полновесную пощёчину.

— Вы садист и мерзавец, нейд! Не приближайтесь ко мне! — и быстро зашагала назад к поместью.

Догонять меня дин Ланнверт не стал.

## Глава 7

Я собиралась обедать у себя или, если этого мне не позволят, пропустить обед: не было никакого желания ни видеть дин Ланнверта, ни повторять то, что было за завтраком. Но немногим после полудня в дверь деликатно постучалась Нея и сообщила, что хозяин приказал накрыть мне в малой столовой.

— Только мне? — переспросила я.

— Да, нейди.

— Весьма любезно с его стороны, — я встала и отложила книгу.

Дин Ланнверт всё же сподобился прислать мне несколько романов. А вот на письменные принадлежности поспешил. Видно, боялся, что я найду способ отослать весть, и не догадывался, что я уже это сделала, правда, устно.

— Его сиятельство сейчас отсутствуют, я думаю, поэтому, — хотя я её не спрашивала, Нея сама высказала предположение.

— Отсутствуют?

А вот это было интересно.

— Да, нейди. С час назад вместе с нейдами изволили отбыть.

Святая Миена, спасибо тебе!

— Со всеми, впятером?

— Да, нейди, — Нея отвечала послушно, но на лице её появилась тень. Видимо, не была уверена, что можно вот так вот выкладывать мне всё, что происходит в поместье.

Чтобы не насторожить её, я не стала продолжать расспросы. Последовала в столовую — там и впрямь было накрыто на одну персону. С удовольствием, можно сказать, наслаждением даже, поела. Впервые за то время, что попала сюда.

А потом вернулась в сопровождении Неи к себе и сказала, что буду читать и дремать, и попросила, чтобы в ближайшие несколько часов меня не беспокоили.

А сама, дождавшись, пока шаги горничной затихнут в отдалении, осторожно выскользнула из комнаты и поспешила прочь.

Потратить зря такой шанс? Да никогда, клянусь именем Тинны Амелис эс-Рейборн!

Святая Миена не оставила меня, и на пути к покоям дин Ланнверта я почти никого не встретила. Только один раз мимо тихо, как тень, прокралась незнакомая горничная, но и она не посмела ни остановить меня, ни даже взглянуть мне в лицо.

Я сама не знала, что буду делать, когда доберусь до места. Шла по наитию, просто потому, что не могла бездействовать. Надежда была лишь на то, что обычно человек не запирает свои покои, когда уходит из дома — по крайней мере никому ни в Ордоне, ни в отцовском замке такая идея в голову не приходила. В замке всегда и безусловно запирались только подземные этажи: там находилась отцовская лаборатория.

Двери я узнала издалека, и сердце запоздало ёкнуло. В прошлый раз здесь скучал лакей, но сейчас было пусто. Ещё раз попросив защиты святой покровительницы, я прокралась к дверям и осторожно нажала на ручку.

Тихо, с еле слышным клацаньем дверь отворилась.

Внутри царил сумрак: шторы были задёрнуты, свет не горел. Я закрыла за собой дверь и несколько секунд стояла на месте, ожидая, пока глаза не привыкнут.

Это была та самая гостиная, где мы в прошлый раз ужинали. Я узнала стол — сейчас он был отодвинут к стене, и вместо канделябров и столовых приборов его поверхность загромождали книги и письменные принадлежности.

Удача! Я же могу позаимствовать здесь бумагу, перо и чернила. Впрочем, это на потом, когда я буду уходить.

Я крадучись пошла по краю, внимательно выискивая в тёмной обивке двери, ведущие в другие комнаты. Вряд ли в гостиной дин Ланнверт хранит что-нибудь по-настоящему важное.

Первая же, которая встретилась мне, вела в ванную комнату. Тут я уж осмелела и включила свет. Из чистого любопытства: хотелось хорошенько рассмотреть, какую роскошь приготовил себе дин Ланнверт.

Мои предчувствия не были обмануты, ванная комната и впрямь оказалась отделана по последнему слову техники. Если по сравнению

с домом в Ордене ванная в моих покоях здесь выигрывала, то ванная дин Ланнверта могла бы смело смотреть на мою с пренебрежительным фырканьем. Ванна — огромная белоснежная внутри и позолоченная снаружи, на выгнутых львиных ножках, сверкающая чистотой — стояла посреди комнаты, рядом на высокой, тоже позолоченной стойке, свисали синие и белые полотенца, чуть поодаль возвышалась полка с банными принадлежностями, а ещё поодаль, за роскошной, разрисованной в мальзийском стиле, тиграми и камышами, ширмой, по всей видимости, прятался туалетный уголок.

Безумно захотелось устроить дин Ланнверту какую-нибудь каверзу, и сдержала меня только мысль о том, что я не знаю, когда они вернуться. Пришлось оставить ванную комнату в покое и отправиться дальше.

Следующая комната оказалась спальней. Тут уже напротив, было царство тёмных тонов: винного шёлка и чёрного бархата. Мне стало неловко: тут так сильно пахло дин Ланнвертом. Не тот запах адолеев, вызывавший во мне какой-то глубинный страх, а запах его самого, терпкий, с лёгкой горчинкой, неожиданно приятный. Поймав себя на этой мысли, я тут же захлопнула дверь, но предательское воображение успело подкинуть картинку: я сама на этой постели, полностью обнажённая на чёрном бархате, белое тело светится алебастром — а дин Ланнверт напротив, не сводя с меня хищного взгляда, медленно расстёгивает пуговицы рубашки.

Ужасное, подлое, безрассудное воображение!

Слава богам, за следующей дверью, по всем меркам, должен был оказаться рабочий кабинет, и я уже мысленно потирала руки, приближаясь к ней. Обхватила пальцами ручку, собралась повернуть — и вдруг всё моё существо пронзила боль.

Я сразу отпрянула, испугавшись повторения того, что было сегодня за оградой. И вовремя — потому что голова закружилась от губельного запаха адолеев, а перед глазами бирюзовым пламенем взметнулась призрачная морда чудовища.

С его клыков капала фосфоресцирующая слюна, в глазах плясало вожделение. Неприкрытый голод — только требующий не тело, а душу. Но хуже всего было не это, а тот жуткий первобытный ужас, которое оно испускало.

Меня охватила мгновенная слабость, ноги перестали повиноваться, перед глазами всё помутилось. Не хватало воздуха, меня как будто душили. Непослушными руками я рванула ворот платья. Напрасно, облегчения это не принесло, свинцовая тяжесть навалилась на грудь, и меня медленно, но неуклонно потянуло в глубокую душную тьму.

Не знаю, каким чудом я спаслась. Наверное, всё та же святая Миена присмотрела за мной, иначе не могу объяснить то, что сознание озарило, словно вспышкой, и я вспомнила вдруг слова отца:

«Если когда-нибудь в жизни ты наткнёшься, станешь свидетельницей употребления или же против тебя будут направлены чары тёмной магии, запомни этот жест, это слово и этот магический приказ. Одновременное использование трёх элементов заставит тёмное порождение временно уйти. Пользуйся этим, чтобы бежать со всех ног, и старайся больше никогда не приближаться к этому месту или человеку».

Из последних сил я сложила пальцы, собрала остатки магии и не шепнула, скорее подумала:

— Изыди...

Оно взвыло, дико и отчаянно, полоснув по нервам не хуже отточенного лезвия. Растворилось, всасываясь в дверь.

Мне стало лучше, но пульс бился в висках, путал мысли. С трудом, цепляясь за стену, я поднялась и, пугаясь собственной тени, поспешно двинулась к выходу.

Еле-еле, на ватных ногах, взмокшая от страха, проковыляла по коридорам. Пусть демоны возьмут дин Ланнверта и его секреты! Я чувствовала себя так, словно с трудом избежала смерти. А может, именно так и вышло, и учение отца спасло мне жизнь.

Как бы то ни было, ясно одно: дин Ланнверт, конечно, не стал запирает свои покои, но и не оказался настолько прост, чтобы оставить их совсем без охраны.

Чтобы он провалился!

Пробираясь по главной лестнице, я заметила пролётом ниже мужчину, поднимающегося со стопкой книг в руках.

На звук моих шагов мужчина поднял голову, и я с безразличным содроганием поняла, что это Гнес. Его узкое с чётко очерченными скулами лицо при виде меня ощерилось вдруг в скабрёзной усмешке.

Он ускорил шаг, словно задумал догнать меня, но я была куда быстрее. Поднялась на свой этаж и юркнула в лабиринты коридоров.

Пусть себе несёт свои книги куда ему велено и не смеет ко мне приближаться.

Но это означает, что, скорее всего, все они — и дин Ланнверт, и его пособники — как раз вернулись. Как же вовремя я удрала.

Я тут же обещала сходить в храм и сделать святой Миене богатое подношение. А если то порождение тьмы не доложит обо мне дин Ланнверту, то вообще добавлю туда золотую цепочку.

Хотя если оно доложит, ни мне храм, ни святой Миене подношение от меня не видать как своих ушей. Дин Ланнверт просто сотрёт меня с лица земли.

Но всё это свидетельствует об одном: он точно отдался тёмным силам.

Безумец, он погибнет, это только вопрос времени.

Впрочем, о чём я беспокоюсь, ещё раньше с ним расправится мой отец. И он это заслужил! Он похитил меня, поливает оскорблениями, угрожает, поставил метку...

Но сегодня он так смотрел на меня... не как обычно, не как на грязную содержанку его заклятого врага или на способ добраться до него — а просто как на девушку Тинну, девушку, за которую он тревожится. И мне было так остро, мучительно жаль, что его светлые глаза однажды заволочёт тьмой, а его личная воля перестанет что-либо значить.

А ведь моя спина до сих пор помнит ощущение его горячих широких ладоней, а сердце трепещет, когда перед внутренним взором снова встаёт тот взгляд, чужие губы совсем рядом и обжигающее дыхание.

Я встала у окна и запрокинула голову. Да, вот так мы и стояли, я — глядя на него снизу вверх, и он — снедая меня взглядом, переполненным смесью самых разных чувств, от раскаяния и тревоги до... не знаю, до чего, но, кажется, безумно хотела бы узнать.

Мои постыдные мечтания нарушил звук отворившейся двери.

Сердце подпрыгнуло, и в тот краткий миг, когда я поворачивалась, я какой-то безумной частью души пожелала, чтобы это был дин Ланнверт — хотя я только что залезла в его покои, чуть не пробралась



в его кабинет, хотя, если бы он пришёл сейчас, мне бы точно не поздоровилось...

Но на пороге стоял Гнес.

От изумления я потеряла дар речи и только молча смотрела, как он ухмыльнулся, аккуратно закрыл дверь, запер её на замок и мягко, крадущейся походкой, наблюдая за каждым моим движением, направился ко мне.

Голос прорезался только потом.

— Что вы здесь делаете?! Подите прочь!

Я сама метнулась прочь от Гнеса, потому что слова не оказали никакого воздействия. Даже хуже — ухмылка на его губах всё ширилась.

— Цып-цып, — похабным тоном проговорил он, протягивая руки. Неожиданно сделал рывок и чуть было не схватил меня, в последний момент удалось уйти от прикосновения.

Он припёр меня к кровати, и я вскочила на неё, чувствуя себя полумойкой, увидевшей крысу. Тут же спрыгнула с другой стороны, кинулась к выходу. Почти успела повернуть замок, но тут Гнес настиг меня и грубо схватил за руки, отдирая от двери.

— Упорхнуть вздумала? — пыхтя, он рванул платье, обнажая меня до пояса.

Я закричала. Принялась отбиваться, но руки он крепко держал, а длинные юбки мешали лягаться.

Гнес оттащил меня к кровати, грубо толкнул на неё, а когда я упала, не мешкая, взгромоздился сверху.

— Вы пожалеете об этом! — крикнула я в раскрасневшееся лицо.

— С чего бы? — не дожидаясь, он с урчанием уткнулся мне в грудь, больно укусил кожу.

По телу прошла дрожь отвращения.

— Выслушайте! Мой отец даст вам всё, что угодно, — я боролась изо всех сил, пытаюсь скинуть его с меня, и одновременно продолжала убеждать. Хоть руки высвободить бы, тогда я попробовала бы повлиять на него магией... хотя после недавнего происшествия в покоях дин Ланнверта я не чувствовала в своих жилах ни толики магии.

— Например? — Гнес приподнял лицо, и в затуманенных вожделением глазах мелькнула жадность.

— Всё, что вы захотите, — прошептала я, пытаясь всем телом передать уверенность. — Деньги, титул, защиту. Высокое положение.

Один краткий миг Гнес размышлял, даже вожеление пропало из взгляда, он явно взвешивал за и против. Потом криво ухмыльнулся:

— М-м, заманчиво... Но нет. Твой папаша далеко, а Ланнверт рядом. Он щедро вознаградит меня, когда узнает, что ты Рейборн. И простит мне маленькую шалость, даже если тебе придёт в голову жаловаться. Но ты же не станешь жаловаться, а, цыпочка? Он только посмеётся над тобой, а то и пустит по рукам!

Он опустил голову в моё декольте, снова укусил — сильно, почти до крови, оставляя отпечаток зубов.

Я содрогнулась от боли и отвращения и вдруг услышала тяжёлую быструю поступь. Накатил беспричинный ужас. Я поняла, кто это, ещё раньше, чем узнала ядовитый запах адолеев.

Снова закричала, пронзительно, дико:

— Помогите!

Поступь остановилась. Гнес дёрнулся на мне, поворачиваясь к двери. Ухмылка на его лице уступила место испугу.

Раздался грохот, блеснула синим ослепительная вспышка, и тщательно запертая на замок дверь в один миг слетела с петель. В проёме стоял дин Ланнверт. Он был взбешён, грудь тяжело вздымалась, адолеями пахло просто невыносимо, тревожно и тошнотворно. Даже я испугалась, Гнес же застыл на мне, забыв убрать руки, не сводя расширенных глаз с дин Ланнверта.

— Я тебя предупреждал, — уронил тот.

В нём бушевала почти видимая ярость, а голос был ледяной, мёртвый. Только в глазах металось пламя бездны. Беспощадное и однозначное. Это был приговор.

Гнес вскочил, отступил от кровати.

— Ты... ты всё не так понял. Она пыталась соблазнить меня.

— Он лжёт, — глухо сказала я, приподнимаясь на кровати и отползая к изголовью.

Дин Ланнверт бросил на меня один-единственный взгляд — мрачный, потусторонний, наполненный свирепым бирюзовым светом.

Боги, да он же на грани. Почти не владеет собой.

Гнес это тоже, кажется, понял, потому что рухнул на колени и визгливо закричал:

— Пощады! Пощады! Я не виноват!

Дин Ланнверт вытянул вперёд правую руку.

— Фараиту! — прогремел его голос.

— Сейдж! Не надо! Это всё она! Ты просто не знаешь! Она Рейборн! Рейборн! Она его дочь!

Ну вот и всё. Я замерла на кровати, затаив дыхание. Сейчас он обернётся ко мне и убьёт меня одним взглядом, просто пригвоздит к кровати, как бабочку, и вытянет душу, отдаст своему ручному демону.

Словно отвечая моим мыслям, в воздухе медленно и пугающе соткался образ — огромная волчья голова с оскаленными зубами, с прижатыми злобно ушами и пылающим взглядом. Я почувствовала этот взгляд на себе и замерла, как мышь перед змеей. Демон ухмыльнулся, ощутив мой страх, и потянулся ко мне.

Я словно лишилась воли, просто молча смотрела, а душа вопила от ужаса.

Дин Ланнверт зарычал, одёрнул демоническую сущность:

— Только он!

Демон тоже зарычал, недовольно и голодно. Взвился вверх, несколько раз оборачиваясь вокруг своей оси. Вознёсся над Гнесом, прижавшимся к стене под окном, с лицом, искажённым гримасой страха.

С торжествующим хохотом демон ринулся вперёд, ввинтился в грудь Гнеса. Тот начал извиваться, хватаясь за горло, засучил ногами, каблуки застучали о пол. Дин Ланнверт смотрел на него с безжизненным лицом, только глаза горели демоническим пламенем.

Святая Миена, да он же убьёт его.

Но я, как околдованная, наблюдала, не в состоянии отвести взгляд. Гнес уже не сопротивлялся, только выл, глухо и покорно, на одной ноте, содрогаясь всем телом. Наконец он дёрнулся последний раз и затих.

Наступила оглушительная тишина.

— Выброси тварь на кладбище, — приказал дин Ланнверт.

Из трупа медленно, как поднимается уровень воды в болоте, потянулась бледно-бирюзовая дымка. Плавно сформировала уже знакомые мне черты волчьей морды. Но теперь она потеряла ту ауру голода. Демон был спокоен... сыт.

Дымка обняла труп, подхватила, словно убаюкивая, и растворилась. А дин Ланнверт повернулся ко мне.

Я вжалась в спинку кровати. Вот и наступила моя очередь. Не было даже мысли убежать: от него не убежишь. Я просто смотрела, как ко мне подходит моя смерть.

— Дочь... Рейборна? — повторил дин Ланнверт глухо и монотонно.

Я опустила взгляд, ничего не отвечая.

— Говори! — взревел он.

Я взмыла в воздух, подхваченная неведомыми силами. Ахнула, потеряв равновесие, взмахнула руками — и они тут же оказались заломлены назад, связаны невидимыми путами. Порванное Гнесом платье охотно поползло вниз, выставляя грудь напоказ. Я дёрнулась было прикрыться, но невидимые путы не позволили.

Дин Ланнверт поднял руку. Я сжалась, не понимая, что он хочет сделать. В следующий миг его ладонь легла прямым на метку на правой стороне груди, и я вздрогнула от пронзившего меня жара. От того места, где дин Ланнверт касался меня, шла волна неистового чувственного огня.

Я опустила глаза и с испугом увидела, как метка разрастается, захватывая всё больше и больше, переползает на центр груди, раскидывает лучи, пускает завитки по ключицам. Это было даже красиво — как цветок, запутавшийся в паутине. Переплетающиеся чёрные узоры, симметричные с обеих сторон.

Да, красиво... вот только это была демонская метка. Дин Ланнверт снова меня пометил, поставил клеймо. Как будто вновь пытался показать, что я — всего лишь принадлежащая ему вещь. За что, за какой проступок на этот раз? Неужели только за то, что скрывала имя? Теперь, если я что-то натворю, боль наказания станет ещё сильнее?

Державшие меня путы неожиданно исчезли, я покачнулась, неловко встав на твёрдую поверхность пола. Дин Ланнверт подхватил, не позволив упасть, тут же развернул спиной к себе, сжал шею сильными пальцами. Я застыла, чувствуя себя куклой в его руках.

Одно движение, одно лишь его желание — и он свернёт мне шею. Он только что убил Гнеса, он всё ещё не в себе. Я чувствовала, как он борется... и проигрывает.

— Ты лгала мне, — слышался нечеловечески свирепый свистящий шёпот. Горячее дыхание коснулось кожи. — Ты была у меня в кабинете. Ты заслуживаешь наказания.

Сердце упало. Он знает. Вот он, мой проступок, ну конечно же.

Неужели я сейчас умру? Святая Миена, пожалуйста, пусть он убьёт меня безболезненно. Я закрыла глаза, прося у отца прощения за эту слабость.

И тут вдруг почувствовала то, что просто не могла почувствовать — горячие губы на своей обнажённой спине.

Вздрогнула, как будто меня хлестнули плетью. Кожа покрылась крупными мурашками. Вот оно, настоящее клеймо, а не то, что было до. Это прикосновение прожгло меня до самого нутра.

Я чуть слышно всхлипнула, и дин Ланнверт поцеловал меня снова. Чуть ниже того места, куда пришёлся первый поцелуй. Теперь я ощущала их оба, двумя жгучими огненными клеймами. Ноги ослабели, я бы упала, если бы дин Ланнверт не перехватил меня за талию.

— Отпустите...

Его рука была как железная. А вторая прошлась по лицу, погладила щёку. Так нежно. Преступно нежно. Я снова всхлипнула, но не от страха. Скорее, от ужаса перед самой собой, перед своим поведением, перед удовольствием, которое невольно испытала от этого прикосновения.

— Ты... его... дочь... — дин Ланнверт произнёс медленно, словно пробуя на вкус.

Повернул меня к себе, и я застыла под его взглядом, как обращённая в камень. Он дышал очень бурно и тяжело, рывками. Один глаз горел демонским бирюзовым огнём, второй, светлый, сохранял опасный разумный блеск.

— Ты его дочь, и ты в моей власти, — он улыбался улыбкой безумца. — Какой драгоценный... роскошный подарок... Дочь. Не любовница, а дочь.

Я смотрела на него, как замороженная. Из самой глубины моего существа поднялось запретное желание — то же, что и в прошлый раз под его взглядом, предательское, постыдное...

Я бы скорее сгорела, чем дала бы ему знать о нём, но в глазах дин Ланнверта мелькнуло торжество, и он, стиснув пальцы на моём

затылке, впился в мои губы поцелуем. Звериным, диким, не спрашивающим моей воли. Он целовал меня не как обычно целуют девушку — скорее провозглашал свою власть, клеймил меня третьим, самым жестоким способом. Я дрожала в его руках крупной дрожью, безвольно повиснув, повинуюсь, подчиняюсь, — а он терзал мои губы, наполняя собой, своим запахом, своей подавляющей грозной аурой.

Нечестно, невообразимо... как он посмел!

Но он смел, и я совершенно против воли млела под жёсткой силой, под его напором, податливая и покорная, чувствуя, как внизу живота словно расцветает огненный цветок.

Негодяй... презренный негодяй, бесчестный отвратительный похититель... но как же сладко он целует. Так вот какие у него губы — требовательные, жёсткие, не оставляющие в покое. Продолжающие терзать, испытывать, одним поцелуем бросающие вызов... который я не в состоянии принять, перед которым сдаюсь без боя. Дыхание смешивается и пьянит, я ненавижу его за всё... всё ещё ненавижу, даже больше, чем прежде, особенно за то, что он делает со мной, за то, что не могу противиться. Это всё слабость, проклятая слабость, иначе бы я вырвалась. Я бы убежала или снова дала бы ему пощёчину, я бы сопротивлялась... но я не могла.

Дин Ланнверт резко оторвался от меня. Глаза бешено сверкали. Он бросил меня на кровать лицом вниз, навалился сверху, лишая возможности вздохнуть. Я глухо вскрикнула в покрывало, а потом услышала треск ткани — и юбка разошлась, прохладой обдало разгорячённую кожу. Некий твёрдый и горячий предмет коснулся меня сзади, и, боюсь, я догадывалась, что это за предмет, хотя прикосновение такого рода чувствовала впервые.

Утопая в запахе адолеев, я пыталась вывернуться, но пальцы дин Ланнверта стискивали меня до боли, места, до которых он дотрагивался, жгло пламенем, а под этим пламенем расцветало что-то первобытное, невыносимое.

Святая Миена, пожалуйста, помоги!

## Глава 8

### Сейдж дин Ланнверт

Дела шли с переменным успехом.

Рейборн словно закуклился, не подавая признаков жизни, хотя уже не мог не знать, что его любовница пропала. Шпионы доложили, что он встречался со старухой, та явилась к нему в замок, но разговор подслушать не удалось, узнали только, что вышла она в гневе.

А потом один парень попался, когда вёл наблюдение. Естественно, заклинание, которое я накладывал на каждого своего человека, убило его сразу, не дав ничего выболтать. Но Рейборн заполучил ещё одну ниточку, которую теперь будет распутывать.

Что ж, ладно, пусть распутывает. Уже скоро наступит пора встретиться с ним лицом к лицу.

Вот и хорошо. Я был уверен в своих силах, мне тоже уже хотелось завершить это долгое копошение, подкопы, подрывы. Он-то теряется, небось, куда в последнее время утекают заказы, почему прежние друзья теперь лишь издали приподнимают шляпы. Он как паук в середине своей паутины, чувствует, как обрываются где-то нити, и не понимает, в чём дело. И пропустит момент, когда нужно бежать.

О, это будет сладкая месть. Как же иначе, она копилась почти двадцать лет.

Я возненавидел его, когда потерял мать, когда она, пусть и живая физически, медленно сгорала от его проклятия. Иногда я жалел, что не погиб вместе с отцом от его руки. Лучше умереть, пытаюсь отомстить, чем жить так, как жил я.

Но всё это было не зря. Весь этот путь, что я прошёл — от сиротского приюта, где нас кормили помоями и побоями — до академии магии, до контракта с Фараиту — он весь был подчинён одной цели, уничтожить Рейборна. И вот я наконец подбираюсь к вершине. Дух спирает, по телу пробегает дрожь восторга. Ещё немного. Один шаг до цели. Я уничтожу его и займу его место.

Хочу видеть, как жизнь покидает его глаза. Но перед этим — хочу окунуть его в те же глубины боли и отчаяния, в которых побывал сам. Прежде чем убить его физически, хочу уничтожить его душевно.

Жаль, что куртизаночка всё же не так дорога ему, как я надеялся. Он не пытался отыскать её, хотя я подбрасывал ему ложные нити. Может, конечно, догадался, что это ловушка. Но раз догадался, то голову от горя и страха за неё не потерял. Впрочем, я и не надеялся. Это чудовище с рыбьей кровью не способно на такие эмоции.

А куртизаночка пока жила у меня, и я невольно начал ловить себя на мысли, что восхищаюсь ей. Её самообладанием, душевной силой, её умением держаться — совершенно непонятным в провинциальной простушке. Мне так же нравились её королевская осанка, спокойствие в любой ситуации, а особенно — гневные огоньки, которые иногда удавалось зажечь в её глазах.

Так и хотелось дразнить её всё сильнее и сильнее, доводить до негодования — уже не для того, чтобы она выдала что-нибудь о себе или Рейборне, дала намёк на какую-нибудь его слабость — а чтобы наслаждаться тем, как гнев красит её щёки, как бурно вздымается грудь, как она прикусывает нижнюю губу, словно для того, чтобы не сорваться и не наговорить гадостей.

Всего несколько дней, а я уже пал жертвой её обаяния. Может, это их врождённый талант? Может, их этому обучают? И злит мысль, что Рейборн спал с ней, что другой узнал её первым.

Правда, то, что она рассказывала о себе, создавало образ не куртизанки, а провинциальной девицы, павшей под обаянием толстого кошелька. Пансионат, жених ещё какой-то. Впрочем, по жениху она явно не сучала, слова лишнего не проронит.

Интересно, а жених в курсе, что его пташка давно не невинна? Я бы посмотрел на этого простофилю, уверен, он ничего не подозревает и с радостью пляшет под её дудку. Покупается на эти прелестные глаза, на полудетское личико. На фигуру... совсем не детскую, а взрослую, женскую, демонски притягательную.

Вот только не оставляло подозрение, что на мне она использует те же чары. Иначе почему так много занимает мои мысли?

Узнав от Фараиту о попытке взлома, я просто уверился в этом. Как ловко она подобрала момент, когда всех нас не было в поместье. Следила? Уже сдружилась со слугами?



Я постоянно ловил себя на том, что недооцениваю её, что отношусь как к обычной девушке — в то время как она, любовница Рейборна, явно следовала во всём его методам.

Хоть Фараиту и предупредил, что девица не смогла войти, я решил наказать её. Мне этого хотелось. Низменная часть моей натуры, которую демон так умело науськивал, была в восторге от мысли, как девушка станет отнекиваться, как будет умолять о пощаде. Я воображал её влажные глаза, вздымающуюся от трепета грудь — и пах наливался тяжестью.

Вот только подходя к её комнате, я услышал крик.

Кровь ударила в голову, я снёс дверь с петель и чуть не лишился рассудка, увидев её почти обнажённой на кровати под Гнесом. Этот стервец и так выводил меня из себя, перепортил мне всех горничных, я устал слушать жалобы слуг. Но кроме безудержной тяги к женскому полу в остальном он был хорош: хитёр, пронырлив, умел выяснять информацию. Именно ему я дал задание узнать всё по Келине из Ордона.

Но я забыл обо всём, увидев его на ней. Значимыми оставались только её искажённое страхом и отчаянием лицо, её нежная кожа под его лапищами, её недавний крик, ещё отдававшийся эхом в моих ушах.

И ведь я же приказал ему держаться подальше от неё. Он посмел нарушить мой запрет.

Я разом потерял голову.

Даже не помню, что именно я делал и говорил, боюсь, я потерял контроль, какой-то частью меня управлял Фараиту. Шептал: «возьми её», и в том состоянии это показалось мне самой естественной вещью, которая только могла быть. Почему я сам не подумал об этом? Конечно, нужно взять её, сделать своей, сломить её жалкое сопротивление.

Пришёл в себя уже тогда, когда опрокинул девушку на кровать. Она всхлипывала подо мной, пытаюсь вырваться.

Меня как сталью полоснуло. Что я делаю, чем я лучше Гнеса?

Я никогда не брал женщин силой. Это претило моей натуре, казалось низкой отвратительной подлостью. И тут я сам чувствую под собой горячее женское тело, слышу её всхлипывания, схожу с ума от желания.

Я отпрянул от неё, как монах от девицы. Она как будто ничего не заметила, продолжала лежать, только подтянула руку ближе ко рту и закусил костяшки. Лицо было залито слезами.

И я сбежал. Позорно. Не зная, что сказать ей, как можно утешить... испугавшись, что она возненавидит меня.

Единственное, на что меня хватило — послать ей служанку, чтобы помочь привести себя в порядок. А сам помчался к себе, разделся догола, опрокинул пару вёдер ледяной воды в умывальне, просто чтобы остыть. Только тогда умение рассуждать ко мне вернулось.

Только тогда я вспомнил, что сказал Гнес перед смертью.

Дочь Рейборна.

Неужели это правда? Одно говорило в пользу этого: её внешность была именно того типажа, который ему нравится: большие аквамариновые глаза, маленький ротик, золотисто-рыжие локоны. Я думал, он просто подобрал любовницу под свой вкус, но нет, дело было в другом — по всей видимости, она похожа на мать.

Но если Гнес сказал правду, в моих руках безумная ценность.

У Рейборна же нет детей. Я знал, что он пытался завести ребёнка, словно одержимый, платил любовницам вдвое, если те соглашались вынашивать. Но — словно проклятие над ним висело — то беременности оканчивались выкидышами, то младенцы умирали вскоре после рождения.

Единственная выжившая дочь должна быть безмерно ему дорога.

И дело даже не в том, что она наследница всего его состояния. Главное — что он дорожит ею. Это настоящий подарок, то, о чём я мечтал, когда начал искать его слабости.

Я покачал в руке бокал с вином — налил, чтобы немного успокоиться.

Зря прикончил Гнеса. Поторопился, второго такого же пронырливого так сразу и не найдёшь. Да ещё и надёжно связанного клятвой. Надо было узнать у него всё и только потом выносить решение. Но то, что он осмелился придержать при себе информацию, тоже было нехорошо.

Я вызвал к себе капитана людей Гнеса. Сообщил о его смерти и велел отчитаться по всем заданиям, что я давал Гнесу. Через полчаса я знал всё, что выяснил мой нерадивый слуга.

Оказывается, Рейборн, перед тем как пуститься во все тяжкие с любовницами, был женат. Всего однажды, на диомейской дворяночке из обедневшего рода. Та дворяночка и родила ему дочь, но всё держалось в строжайшей тайне. Чего людям Гнеса выяснить не удалось, так это того, почему Рейборн выгнал жену из дома, да ещё и вместе с драгоценным ребёнком.

Впрочем, тогда ещё Рейборн, видимо, не подозревал, что боги больше не подарят ему детей.

А она, его единственная дочь, теперь в моих руках.

При мысли об этом захватывало дух.

Тинна. Тинна Амелис эс-Рейборн, вот как её зовут по-настоящему. То-то мне казалось, ей совершенно не подходит то простенькое деревенское имечко, которым она представилась.

Но то, как она хранила тайну, ни разу не подала виду, терпела мои насмешки и издевательства — это вызывало восхищение. Как ей, должно быть, хотелось обелить себя — но природный ум и присутствие духа удержали, помогли сохранить маску.

Она чуть не обвела меня вокруг пальца.

Она — с теми её невинными глазами, с милым личиком — опасна.

Опасна, и вся эта её естественная магия, все её уловки — всё ей зачтётся. И то, что по её вине я лишился Гнеса, и то, что я невольно поддаюсь на её обман, думаю о ней больше, чем она того заслуживает... поступаю не так, как должен. И то, что она дочь Рейборна.

Особенно то, что она дочь Рейборна.

## Глава 9

### Тинна

Стоя у зеркала, я придирчиво рассматривала широкий ворот взятого у Неи тёмно-серого форменного платья. Клейма был почти не видно, только у самых плеч выглядывали тонкие чёрные усики узора, заходя на ключицы. Приложила белый кружевной платок, тоже одолженный у Неи. Нет, так ещё хуже, горничная горничной.

Невольно вспомнилось, как в пансионате девочки шептались, что некоторые особо страстные любовники оставляют следы поцелуев на коже своих любовниц.

Вот эта метка на моей груди как такой же поцелуй. Только хуже, куда хуже. Тёмная магия. Запятнала меня, как будто я сама ею занималась.

И в то же время от мысли, что это его магия, его знак, у меня начинала кружиться голова, и я сама с трудом понимала, от злости или от... другого. Проклятый дин Ланнверт.

Щёки снова зарделись, глаза моего отражения пугающе заблестели. Мне захотелось себя ударить.

Боги, Тинна. Вчера ты спаслась буквально чудом, не иначе как и впрямь вмешательством святой Миены, а сегодня уже снова думаешь о похитителе и краснеешь, вспоминая жар его рук?

И губ, боги, и губ.

Я дотронулась пальцами до собственных. Чуть припухшая горячая кожица под пальцами показалась шероховатой.

Проклятый маг. Как яростно он целовал меня. Никто никогда не целовал меня так.

А я-то думала, поцелуи Айлеса — вершина порока. Куда там, от тех поцелуев не пронизывало насквозь, не содрогалось всё внутри, не сжималось в такой сладкой запретной судороге. И дыхание дин Ланнверта — оно опаляло меня, воспаляло, превращало в кого-то другого, совершенно незнакомую мне Тинну.

Передёрнув плечами, я отошла от зеркала.

Боги, да не готова ли я, как безмозглая курица, влюбиться в собственного похитителя?

Нет, слава Миене, эта мысль показалась мне чуждой.

Нет, это не любовь.

Это просто что-то... что-то демоническое. Просто негодяй влияет на меня, хочет, чтобы я прониклась к нему чувствами.

Чем больше я себя уговаривала, тем больше казалось, что я ошибаюсь и дело вовсе не в этом. Но я не находила другого способа объяснить то смятение, что со мной в его присутствии творилось.

А ещё... я никак не могла решить, идти сегодня на завтрак или нет. От ужина вчера я отказалась. Просто не могла представить, как сяду за стол с человеком, который только что... Мало того что он убил своего соратника на моих глазах, так потом ещё позволил себе такое... чуть ли не...

Эта мысль казалась мне такой ужасной и порочной, что я не смела озвучивать её даже про себя. Но вот же — потом я полночи ворочалась на той самой кровати, где это чуть не произошло, и невольно воскрешала в памяти прикосновения его жёстких рук, свой страх и переполнившую меня в тот миг отчаянную смесь двух желаний: чтобы он остановился и чтобы продолжил.

Я так и не поняла, что случилось. Вернулся разум? Просто в один момент тяжесть его тела исчезла, раздались удаляющиеся шаги, и я осталась одна, растерянная, испуганная, почти смирившаяся, потерявшаяся в хаосе бессвязных мыслей и ощущений.

А минут через десять в снесённую с петель, криво повисшую дверь робко постучалась Нея. Уж не знаю, что она подумала, войдя и увидев меня в разодранном платье, с растрёпанными волосами, забившейся в угол кровати, но спросить ничего не посмела. Зато взгляд отводила очень многозначительно.

Интересно, как быстро все слуги в этом доме будут знать, что дин Ланнверт якобы сделал?.. Боги, какой позор. Стать мишенью всех сплетен — это ещё хуже, чем считаться куртизанкой.

Платье пришлось выбросить, заштопать его было бы невозможно, только накладывать заплатки на тонкую ткань. Хорошо, что Нея, пряча глаза, сама предложила мне одно из своих. Вчера я с радостью согласилась, а вот теперь, когда настало утро и меня позвали на

завтрак, вдруг засомневалась. Вопросы неминуемы, или, если не вопросы, то взгляды.

Когда же снова приедут девушки мадам Болевию? Привезут платья... и долгожданную весть от бабушки, возможно. Надо напомнить дин Койохе, но для этого придётся выйти отсюда... и встретиться с дин Ланнвертом снова. А я не знала, как смотреть ему в лицо.

Конечно, можно было остаться у себя, но это казалось мне признанием своего поражения. Одно дело не пойти к общему столу, когда переполняет гнев и отвращение, когда не хочется видеть лица этих людей, и совсем другое, когда это... смущение. Дикое, неуместное смущение. Я никак не могла перебороть это чувство.

Остаться у себя — как будто признать, что вчерашнее что-то для меня значит. Дать понять дин Ланнверту, что он задел меня глубже, чем я хотела бы, чтобы он думал.

Нея постучалась снова — я уже начинала узнавать её деликатный стук — и повторила, что меня ждут в малой столовой.

Я глубоко вздохнула, отбросила прочь кружевной платок и решительно вышла.

На пути в малую столовую я тысячу раз успела пожалеть и передумать, и мысленно сбежать снова в свою комнату, но шага не умерила и в помещение вошла довольно уверенно. Сразу прошла к своему месту и села, кивнув и вполголоса извинившись за опоздание. Тут же слуги внесли горячие блюда, зазвенели столовые приборы.

Я сразу уловила тяжесть в воздухе. Никаких вопросов, которых я так боялась, никаких издевательств, мужчины даже между собой почти не говорили.

Все видели, что стул Гнеса пустует, но никто ничего не сказал на этот счёт. Уже знают, что с ним произошло?

Улучив момент, я украдкой взглянула на сотрапезников. Дин Койоха поймал этот взгляд и приветственно кивнул, но лицо его показалось мне мрачным. Близнецы тоже выглядели так, словно над ними нависла некая грозная тень: почти не перебрасывались репликами, на меня не смотрели. Даже платье горничной осталось будто незамеченным.

На дин Ланнверта я не взглянула сама. Боялась встретиться с ним взглядом, боялась реакции собственного тела, того, что покраснею, что выдам себя.

В такой траурной обстановке трапеза завершилась. Я поблагодарила за еду, помедлила, сама не зная, чего жду.

Чего бы я ни ждала, этого не случилось. Дин Ланнверт ушёл первым, и это меня расстроило. Или, вернее, кольнуло в сердце неясным раздражением, то ли обидой, то ли ещё чем-то.

Словно пытаюсь заставить себя выбросить всё это из головы, я тоже поднялась и нагнала успевшего выйти в коридор дин Койоху.

— Нейд, — окликнула я его.

Он остановился, с лёгким удивлением посмотрел на меня. Я заставила себя умерить шаг, хотя мне хотелось подбежать к нему, схватить под руку и снова ощутить на себе тот же взгляд, каким он смотрел во время нашей вчерашней прогулки в саду. Хотелось снова почувствовать лёгкость — пусть на миг.

Мимо прошли близнецы, один из них взглянул на дин Койоху, другой — на меня. Я сделала вид, что не заметила.

— Я хотела спросить про платье... — сказала, подходя к нему вплотную. — Я понимаю, конечно, белошвейки приезжали только вчера... но нельзя ли их поторопить? Я согласна даже на готовое платье, пока заказанные не будут сшиты. И... мне не терпится скорее примерить их.

Дин Койоха несколько удивился, но кивнул:

— Хорошо, я поеду в город сегодня, заодно навещу салон, спрошу, когда они смогут приехать для примерки. И если вы настаиваете, думаю, они смогут подобрать вам что-нибудь готовое.

— Отлично, у них есть мои мерки, — я с облегчением проводила взглядом скрывшихся за поворотом близнецов. Только теперь осмелилась взять дин Койоху под руку. Он не сопротивлялся, но ощутимо напрягся.

Плохо. Неужели дин Ланнверт что-то сказал ему? Запретил общаться? Или сказал, что Гнес погиб из-за меня? Причины я не знала, но реакция тела дин Койохи была слишком показательной.

Я постаралась незаметно коснуться пальцами вены на его локте. Место не очень удачное, но лучше, чем ничего. Сосредоточилась и послала импульс тепла и приязни. А вслух сказала:

— Но я хочу примерку поскорее. Поторопите их, пожалуйста.

Он ответил не сразу, и я уже представила, что он думает обо мне. Что-то вроде: «какая взбалмошная, избалованная молодая девушка». Я на его месте думала бы именно так.

— Хорошо, найди Келина.

Я вздрогнула, невольно поднимая на него взгляд. Чёрные глаза смотрели немного грустно, но спокойно.

Он назвал меня Келиной. Значит, дин Ланнверт пока никому ничего не сказал. Почему? Решил придержать знание при себе? Или...

Сердце дёрнулось при шальном, слишком дерзком предположении: может, он забыл? Он же был не в себе тогда.

Но радость почти сразу померкла. Не стоит всерьёз на это надеяться. Мечтать и просить святую Миену-заступницу — да, а надеяться — пожалуй, нет.

— Нейд Ард, — я специально назвала дин Койоху по имени, для большей доверительности, — скажите, а вы тоже считаете графа Рейборна врагом?

Он замялся. Осторожно ответил:

— Я слышал разное о его методах... и не всегда согласен с их целесообразностью.

— Но вы сами, вам самому он сделал что-то плохое? Принёс какое-то горе?

Я ждала ответа с замиранием сердца. Мне очень хотелось, чтобы ничего такого не было. Хотелось верить, что даже если моё подлинное имя раскроется, дин Койоха останется так же расположен ко мне.

Он покачал головой:

— Лично мне — нет. Но Сейдж... Он мне по-настоящему дорог, и я слишком хорошо понимаю его мотивы.

— Ну да, вы правы...

Легче мне от этого не стало, но наш разговор почти сразу завершился. Оказалось, что дин Койоха уже должен уезжать. Я проводила его до ворот и помахала на прощание. Грустно вздохнула, когда чёрный мобиль скрылся среди клубов пыли.

Как бы мне хотелось сейчас ехать с ним, подальше от этого места, подальше от дин Ланнверта, пока тому не пришёл в голову изощрённый способ казни для дочери злейшего врага. Но, к



сожалению, пока я не узнаю, как можно избавиться от метки, это остаётся только мечтой.

Возвращаться сразу не хотелось, и я решила пройтись по саду. Присела на скамье среди кустов шиповника. Они прикрывали меня со всех сторон, и можно было представить, что я одна в целом мире. Закрыла глаза, поправила шляпку, чтобы солнце не попадало на кожу, и целиком отдалась размышлениям.

Побег. Только побег может меня спасти. Надеюсь, белошвейке не придёт в голову передавать весть от бабушки через дин Койоху. Он же мигом всё поймёт.

Удивительно, он явно благородный нейд, человек чести, неясно, что его держит рядом с дин Ланнвертом. Хотя он же сам сказал сегодня: дружба.

Какой же великой силы должна быть их дружба, что дин Койоха не страшится ни короля, ни моего отца. Ведь отец не пощадит ни одного из них. Когда он найдёт меня, мне будет жаль дин Койоху. А вот дин Ланнверта — ни за что!

Тут я услышала мужские голоса. Говорили громко, явно ничуть не ожидая, что их подслушивают. Я бы не среагировала, если бы не произнесённое с изрядной долей ненависти хорошо знакомое имя:

— Этот *омерте* Рейборн!

Грязное слово заставило меня вздрогнуть. Так называют потерявших себя под влиянием демонов. Но так как никто не связывается с демонами, будучи в здравом рассудке, слово употребляется только в переносном смысле. Но это ужасное ругательство, и мне было неприятно его слышать.

— Как ты думаешь, смерть Гнеса связана с ним?

— Предательство? Нет, у Гнеса были с ним свои счёты, не верю, что он мог предать.

— Тогда почему Сейдж убил его? Ведь не из-за девицы же? Сказал, за открытое неповиновение...

— Со временем узнаем. Или не узнаем. Но Сейдж не станет убивать зря.

— Если он всё ещё владеет собой...

— Тс-с! — шикнул второй, и мне показалось, он сделал это не потому, что испугался, что их услышат, а потому, что сам не хотел слышать.

Через время один из них снова заговорил. Голоса были очень похожи, так что я никак не могла различить, когда говорит кто.

— Как ты думаешь, мы правда сможем ему отомстить? Стоит держаться Сейджа? Или, пока не поздно, уйти и попробовать самим?

— Много мы напробуем без его силы... — ворчливо отозвался второй. — Нет, только вместе. Одни мы бы уже давно сдохли. Что, не помнишь, как Рейборн тебя чуть не прикончил? А ты ведь только щенок был, хоть и наглый без меры. Вызвать его на открытую дуэль, это ж надо было додуматься. Хотя и он хорош, видел же, что юнец зелёный, так нет — принял.

— Тогда мы не знали ни его слабых мест, ничего. А сейчас...

— А сейчас всё, что мы знаем и умеем, мы достигли только потому, что были вместе с Сейджем. Нет, нельзя уходить. По крайней мере пока есть надежда, что у нас всё получится. А если станет ясно, что дело швах — как снять заклинание, мы выяснили, тогда и слиняем.

Заклинание? Я невольно напряглась. О каком заклинании они говорят? Может, о моей метке?

— Да... ты прав.

— Я всегда прав, я же старше.

— Ты не старше, ты просто лезешь вперёд всегда. А я осмотрительный.

Они засмеялись, а я уже и без этой подсказки поняла, чей разговор слушаю. Близнецы.

Когда рядом послышался шум, как будто они собрались уходить, я сползла вниз и раздвинула ветви кустарника. Так и есть, это были близнецы, в одинаковых костюмах с иголки, и сами одинаковые, широкоплечие, светловолосые, с улыбками на лицах. Красавчики с подтянутыми фигурами и длинными ногами.

Вот только судя по разговору, у них тоже есть что предъявить графу Рейборну.

Боги Авендаса, чем дальше я здесь нахожусь, тем больше понимаю, как мало на самом деле знаю об отце. Точнее, знаю его только с одной стороны, домашней. И хочется, чтобы всё это оказалось ошибкой, и уже никак невозможно поверить, что всё действительно может оказаться всего лишь ошибкой.

Страшно подумать... смогу ли я смотреть на него прежними глазами? Суровый, но справедливый, умный, сильный... он,

оказывается, может быть и беспощадным, и жестоким. Но я не верю, что он действовал так без причин.

С другой стороны, какая может быть причина, чтобы убить женщину, мать дин Ланнверта. Или это ошибка?

А что он сделал близнецам?

Почему-то мне не хотелось этого знать.

Что ж, буду надеяться, что дин Ланнверт решит держать моё происхождение в тайне так долго, насколько возможно.

Вернувшись к себе, я обнаружила непривычный переполох. Двое молодых широкоплечих слуг сняли с петель дверь и рассматривали косяк и сами петли, вырванные с мясом. Один покачивал головой.

Я остановилась, озадаченная. Видимо, дин Ланнверт распорядился, чтобы дверь починили — за это спасибо. Но я намеревалась немного поразмышлять в тишине, пораздумывать над способом побега, а этого мне явно не дадут. Хотела было проскользнуть, чтобы взять для прикрытия книгу и пойти снова в сад, но меня остановил невесть откуда выскочивший дворецкий.

— Нейди, ваши вещи перенесли в другие покои, — он тут же позвонил в колокольчик, и через полминуты перед нами предстала Нея. — Проводи нейди в её комнаты.

Та поклонилась и обратилась ко мне:

— Пожалуйста со мной, нейди.

Заинтригованная и слегка сбитая с толку, я послушалась. Работы обещают затянуться? Что ж, ничего не поделаешь. Но куда же меня переселили?

Мы спустились на один пролёт, пошли по длинному крытому переходу — и смутное ощущение узнавания подсказало мне ответ. Горло сдавила невидимая ледяная рука.

Это же покои дин Ланнверта. Точнее, не они, а соседние... стенка в стенку!

— Пожалуйста, моя нейди, — открыв дверь, Нея присела в поклоне.

Я помедлила лишь самую малость. Нет смысла устраивать скандал горничной, она ничего не может изменить. Разбираться нужно с хозяином.

Пройдя внутрь, я остановилась, оглядываясь. Темно. Темно и роскошно, тяжёлые портьеры, бархат, тот же винный шёлк и золото, что в покоях дин Ланнверта. Явно задумано как единый комплекс.

Боги, что он затеял, поселив меня совсем рядом с собой? Надеюсь... ничего такого... от чего бы сердце могло подпрыгнуть к горлу и судорожно там забиться, как сейчас. Я метнула взгляд в смежную стену. Кажется, за ней его гостиная... или ванная?

Дождавшись, пока горничная уйдёт, я принялась исследовать помещение. Сюда уже перенесли мой нехитрый скарб, в том числе книги, они были аккуратно расставлены на полках полупустого шкафа. Так же, как и у дин Ланнверта, покои состояли из нескольких помещений: общая гостиная, умывальня, тёмная, тревожная спальня со высокой покрытой чёрными покрывалами кроватью, небольшая комнатка с креслами и столиком у окна.

Не обнаружив смежной двери, я повеселела. Почему-то мне казалось, что дин Ланнверт не преминет воспользоваться моим безвыходным положением. Его извращённое мышление способно на многое.

Но — раз двери нет, и мы всего лишь соседи, возможно, я слишком плохо о нём думала.

Обедала я одна, ужинала — вместе со всеми, но дин Ланнверт не появился. Я осмелилась спросить — как бы в никуда — где же он, но дин Койоха только любезно ответил, что, вероятно, дела не позволили присоединиться.

Близнецы выглядели уже веселее, чем утром, снова подшучивали надо мной, задавали неуместные вопросы. Сразу заметили, что я сменила платье горничной на обычный наряд городской девушки: дин Койоха привёз мне несколько готовых платьев.

К сожалению, вести для меня у него не оказалось. Я с замиранием сердца любопытствовала, как там мои платья, не передавали ли мне что-нибудь на словах — но дин Койоха лишь с улыбкой ответил, что платья будут готовы для примерки через два дня и уже совсем скоро я их увижу.

Мне же было не до смеха. Удалось девушке из салона передать весть или нет? Навестила ли она бабушку или решила не взваливать на

себя лишние заботы? И поверила ли ей бабушка, сообразила ли дать знать отцу? Слишком много вопросов и ни единого ответа.

Вечером в своих новых покоях я читала в кровати книгу и невольно прислушивалась к тому, что происходит за стеной. Если мои предположения верны, спальня дин Ланнверта располагалась как раз там, и слух изо всех сил пытался уловить признаки его присутствия. Или отсутствия.

Если поначалу я только обрадовалась, за весь день ни разу его не встретив, то теперь это начинало казаться мне зловещим. Разве может подобный дин Ланнверту человек тратить время напрасно? Ни за что. И чем дольше он пропадает, тем выше вероятность, что он придумывает нечто совсем ужасное.

Тут мне послышался некий стук со стороны моей гостиной. Я встрепенулась, по позвоночнику пролилась струйка холода. Кто там? Я боязливо спустила ноги с кровати.

Дверь в мою спальню распахнулась в этот самый момент. Я чуть не вскрикнула, а в следующий миг узнала вошедшего.

— Вы!

## Глава 10

— А вы рано решили отойти ко сну, — с кривой улыбкой заявил дин Ланнверт. Он был полностью одет, в чёрную шёлковую рубашку и тёмно-серые брюки, покачивался на каблуках охотничьих сапог и мерил меня хищным недобрым взглядом.

— Что вам нужно? — в одной лишь тонкой ночной рубашке я чувствовала себя обнажённой. Хотелось съёжиться, юркнуть под защиту ватного одеяла и зажмуриться, как будто от этого дин Ланнверт мог раствориться в воздухе.

— Вы сами мне и нужны, — он, бесцеремонно вдавливая каблуки в ковёр, быстро подошёл ко мне и схватил за руку выше локтя. — А ну-ка идёмте со мной.

Не слушая возражений, не обращая внимания на сопротивление, он вытащил меня из спальни, потащил к выходу.

Неужели я забыла запереть дверь? Не может быть. На двери в спальню замка не было, но входную я заперла крепко, ещё и проверила потом.

Когда дин Ланнверт подтащил меня к ней и скинул крючок, я убедилась, что была права. Но как же тогда этот отвратительный человек очутился здесь?

— Как вы вошли?

Дин Ланнверт лишь свысока усмехнулся.

— Это мой дом, — напомнил он ледяным тоном. — Я имею право входить, куда только захочу.

— Но не в те покои, где вы поселили незамужнюю девушку, — огрызнулась я. — Или вас некому было обучить правилам приличия?

Его глаза сузились и полыхнули злобой. Я запоздало сообразила, что его родители рано умерли, он вырос сиротой и действительно некому было обучать его этикету.

— Правила приличия? — прошипел дин Ланнверт в ответ. — Вы, кажется, считаете себя гостьей? Позволю себе напомнить: вы моя пленница.

Он открыл дверь на противоположной стороне коридора, и я вздрогнула, увидев тускло освещённую лампами тёмную лестницу, ведущую вниз.

Оттуда несло запахом склепа. Я инстинктивно напряглась, упёрлась руками в косяк, и дин Ланнверту пришлось приложить усилия, чтобы пропихнуть меня внутрь. Дверь за нами гулко захлопнулась.

Меня бросило в дрожь. Даже не потому, что здесь было куда холоднее, чем в коридоре — мне просто было страшно, я не понимала, куда дин Ланнверт ведёт меня, что собирается делать. Казнить? Пытать, узнавая какие-то секреты? Или просто замучит, чтобы отомстить отцу?

Мы спустились невероятно долго, я устала цепляться за стены и нащупывать носком ступеньки. Дин Ланнверт больше не держал меня, но шёл сзади, почти вплотную. Стоило замедлить шаг, как жар его тела и его запах окутывали меня, пугая и волнуя.

Наконец мучительный спуск закончился, и мы оказались... в подземелье? В подвалах?

Это был широкий зал с колоннами, тёмный, студёный, внушающий беспредельный ужас. Ноги заледенели, ступив на каменный пол, я ахнула от пронизывающего холода.

— Что такое? — раздражённо спросил дин Ланнверт, но посмотрев, как я съёжилась, выругался сквозь зубы и, ничего не говоря, подхватил меня на руки.

От неожиданности я чуть не вскрикнула, показалось, что падаю — и только взмыв в воздух на его сильных руках, поняла, что происходит. Сердце бешено заколотилось, норовя выпрыгнуть из груди, я затаила дыхание, но было уже слишком поздно — знакомый запах с ноткой горечи уже проник в мои ноздри, завладел мной изнутри, взбудоражил, заставив кожу покрыться мелкими острыми мурашками.

Взгляд плавал, касаясь то тщательно отглаженных уголков чёрной рубашки дин Ланнверта, то его крепкой мощной шеи с выступающим кадыком, то норовил скользнуть ниже, в приоткрытый, как будто хозяин страдал от жары, ворот. Я опасалась поднять глаза выше его гладко выбритого подбородка и жёстко сжатых губ с хорошо знакомой складочкой справа, опасалась даже дышать чересчур громко, как будто,

если я хранила бы тишину, дин Ланнверт мог забыть о моём существовании. Он тоже молчал и только размеренный стук его каблуков далеко разносился по пустынному помещению.

Он был невероятно горячий. И удивительно сильный. Нёс меня так, как будто я ничего не весила. И вряд ли он сейчас будет убивать меня, иначе не стал бы беспокоиться о моих ногах. Но мне всё равно было страшно.

А увидев то, что ждало впереди, я вообще дёрнулась, инстинктивно пытаюсь убежать.

Это была непонятного, но от этого не менее пугающего предназначения конструкция, больше всего похожая на раму для кровати, установленную перпендикулярно полу. Высокая железная решётка с цепями наверху. Едва завидев её, я рванулась, но дин Ланнверт, словно ожидал такой реакции, перехватил меня за талию и резко толкнул к этой самой решётке.

— Стоять! — его рык напугал меня и действительно заставил застыть на месте на какой-то миг.

А потом стало слишком поздно — поверх моей талии протянулась цепь и щёлкнул замок.

— Что вы делаете?! — отчаянно закричала я, снова рванулась — загремела цепь, но решётка осталась неподвижной.

Дин Ланнверт молча поймал мою кисть, поднял над головой, и щелчок замка повторился. То же самое ожидало вторую руку, хотя я и пыталась изо всех сил не позволить ему этого.

Следом дин Ланнверт опустился на колени, и я почувствовала прикосновение его горячих рук к щиколоткам. Снова дёрнулась, закричала — совершенно бесполезно, конечно. В этом подземелье я могла рваться и кричать сколько угодно, никто не придёт меня спасать, никто даже ничего не услышит.

Прикосновения рук сменил холодный металл, потом дин Ланнверт приподнял одну за другой мои ступни, и я ощутила подошвами мягкий ворс. Стало теплее.

— Спокойно, — хрипло произнёс дин Ланнверт, выпрямившись. — Я только хочу задать вам несколько вопросов. Ответите честно, ничего не утаив — всё будет хорошо.

В следующий миг, словно противореча своим собственным словами, он взялся за ленты моей ночной рубашки и ослабил их. Я



ахнула, чувствуя, как ткань спадает с плеч. Хорошо, что мои руки были воздеты над головой, иначе я осталась бы обнажённой. А так — только метка показалась во всей красе.

Глаза дин Ланнверта потемнели. Он провёл пальцами по узору, на миг задержал. Я дрожала от его прикосновений. Мне было страшно, как будто он мог вонзить пальцы наподобие кинжалов, распороть мою кожу, вынуть горячее, истекающее кровью сердце.

— Первый вопрос, — начал он хриплым полушёпотом. — Назови своё полное имя и возраст. Учти, если ты солжёшь, тебе будет очень больно.

Он не шутил. В глазах плескалось непреклонное намерение добиться своего. Любыми способами, пусть даже причинив мне боль, преступая все правила чести, угрожая совершенно беззащитной девушке.

Лгать было бессмысленно.

— Тинна... — сказала я прерывающимся голосом. — Амелис... эс-Рейборн. Двадцать лет.

И замерла, ожидая приступа боли, хотя сказала всё верно.

Пауза.

Дин Ланнверт кивнул. Пугающе улыбнулся.

— Молодец, малышка, — шепнул с убийственной нежностью. — Следующий вопрос: каков твой магический уровень?

Я знала, о чём он спрашивает, отец рассказывал об общепринятой градации магического дара. Всего четыре категории, от «сосна» — наивысший, до «ландыша» — самого низшего, практически номинального.

Мой собственный дар располагался именно в последней, низшей, категории. Не видя смысла лгать, раз уж дин Ланнверт догадался вообще о наличии дара, я тихо ответила:

— «Ландыш».

Но он почему-то сузил глаза и весь как будто заледенел:

— Не лги мне.

Словно отвечая его словам, по ключицам полыхнуло огнём. Я вскрикнула, бросила взгляд на грудь, ожидая увидеть, как чёрная метка пылает раскалённым узором, но ничего такого не было.

— Твой уровень? — прорычал дин Ланнверт, склоняясь надо мной вплотную.

Я поймала его пронизывающий взгляд и вдруг поняла.

Это не метка и не решётка судят, солгала я или сказала правду. Это решает сам дин Ланнверт.

Если мои слова кажутся ему правдой, он ничего не делает, если кажется, что я лгу — отдаёт приказ.

Вот подлец!

С другой стороны, если я буду убедительной, это значит, что я могу не говорить ему правды. Но боль и страх мешали сосредоточиться. Что мне отвечать ему, если он не верит?!

— «Ландыш»! — выкрикнула я и съёжилась от ожидания новой боли.

— Я же сказал, не лги!

И боль действительно полыхнула, резко, как будто грудь облили расплавленным оловом. Я закричала, из глаз брызнули слёзы. Почти сразу боль утихла, но я, судорожно хватая ртом воздух, дрожала на ослабевших ногах. Только цепи удерживали меня в вертикальном положении.

— Повторяю вопрос, — тихо сказал дин Ланнверт. Его лицо было совсем рядом, светлые глаза буравили меня. — Не понимаю, почему ты упрямисься? Это всего лишь вопрос о твоём уровне.

Мерзавец!

Может, сказать ему, что я «ясень»? Или хотя бы «шиповник»? Этому он с лёгкостью поверит!

Но я почему-то не хотела лгать, хотела, чтобы он знал правду, чтобы знал, что я не лгала с самого начала. И что мой дар действительно небольшой.

Я помотала головой и прерывающимся голосом сообщила:

— Сколько бы ты ни спрашивал, я «ландыш», и это не ложь. Хоть на куски меня разрежь, я не скажу иначе! — на последнем слове голос взвился, забился под невидимыми подвальными сводами.

Дин Ланнверт тоже закричал на меня:

— Не дурачь меня! Твой отец Хранитель Хрустального жезла, ты не можешь быть «ландышем»!

— Но я «ландыш»! Не все же обязательно наследуют дар их родителей! И моя мать даром не обладала!

Небольшая пауза, сомнение в ледяных глазах.

— Это правда? — наконец спросил дин Ланнверт.

Зажмурившись, как будто таким образом я могла спастись от боли, я упрямо ответила:

— Правда!

Сцепила зубы, схватилась закованными руками за решётку. Главное — перетерпеть, боль длится недолго.

Но вместо очередной огненной ласки пришёл новый вопрос:

— В чём выражается твой дар, что тебе даётся легче всего?

От удивления я распахнула глаза. Поверил? Или просто смирился, решил не проверять границы моего «упрямства»?

По лицу было ничего не понятно, дин Ланнверт снова надел непроницаемую маску.

Как же мне не хотелось отвечать на этот вопрос. На один долгий миг я задумалась, не солгать ли.

Мой дар относится к числу самых не любимых людьми — потому что он влияет на их чувства. Я не могу ни убить, ни обогреть, ни показать красочную иллюзию, ни обратить воду в пламя. Зато я могу внушить любовь или ненависть. Могла бы, будь мой дар хотя бы на уровне «ясеня» или «шиповника». Всё, что мне доступно на самом деле — лишь немного укрепить человека в уже существующих чувствах.

— Отвечай!

— Управление эмоциями...

Краткий миг длилась непонятная пауза. Потом дин Ланнверт шумно втянул в себя воздух. Глаза его заблестели, словно он наконец нащупал верную нить.

— Ты влияешь на меня? — спросил он тихо и вкрадчиво.

— Нет!

— Не лги! — прорычал он, хватаясь за решётку, тряхнув её со всей силы, так, что цепи зазвенели. — Я же чувствую! Ты влияешь, запутываешь, сводишь меня с ума. Чего ты добиваешься? Может, Рейборн сам тебя подослал?

Я не успела даже ответить на это безумное, достойное истинного помешанного предположение — метка полыхнула снова.

Стены зазвенели от моего крика. Я с запоздалым удивлением поняла, что крик приносит облегчение. Чем сильнее я кричала, тем легче было терпеть. Дин Ланнверт схватил меня за волосы, вынуждая поднять голову, уставиться прямо в его отливающие бирюзой глаза.

— Ты сумасшедший, полоумный... — прошептала я, чуть не плача от боли. — У тебя одна навязчивая мысль в голове... Твой демон сводит тебя с ума!

Зрачки дин Ланнверта пульсировали — как тогда в кабинете. Гипнотизировали меня, прожигая насквозь, увеличивались и уменьшались. Я тяжело дышала, прикованная к решётке, но не сломленная.

Флёр безумия в глазах дин Ланнверта начал медленно растворяться. Его заменила ещё более странная дикая смесь: уверенность в том, что я лгу, что искусно играю свою роль... какое-то невозможное эхо моей же боли, ненависть, подозрительность... и неприкрытое желание.

Как смел он смотреть на меня так! Так... по-животному яростно, неистово, с болезненной жадностью. Я ненавидела его в этот момент: за боль, что он причинил мне, за неверие, за страх, который по его вине испытывала — но эта чудовищная смесь заставила всё во мне замереть, сердце затрепетать, а где-то внизу живота — сильно, томительно сжаться.

Его пальцы, вцепившиеся в мои волосы, вдруг ослабили хватку, мягко, нежно скользнули по затылку, заставляя тысячи мурашек помчаться по коже. Я, как околдованная, не смогла отвести взгляда от глаз дин Ланнверта, тонула в невероятной смеси его чувств, падала стремительно в чёрную бездну. Губ коснулось горячее дыхание, решётка застонала от увеличившейся тяжести, лязгнула, содрогаясь — это дин Ланнверт приник ко мне со всей мощью его крупного сильного тела — и поцеловал. Поцеловал исступлённо, властно, ненасытно, так, что я затрепетала, распятая на решётке, зажатая между ней и его телом.

Безумный поцелуй... безумный, как всё, что он делал, на грани озверения и просто на грани, на острой, режущей, ледяной, как хрустальный кинжал, грани. Каждое движение его губ, его языка, то атакующего, подчиняющего, подавляющего малейший намёк на сопротивление, каждая передышка между очередным, злым и одновременно распаляющим, подталкивающим к самому краю поцелуем, каждый жаркий вдох и выдох... и решётка, скрипящая под нашим весом, лязгающие цепи, пальцы дин Ланнверта, то гладящие, то больно впивающиеся в мой затылок, по-хозяйски направляющие мою

голову — так, как ему было удобно — всё это сводило с ума вернее, чем демонская магия. Я почти не дышала, вернее, дышала только им, его запахом, его страстью, его животным желанием. Его напор вскружил меня, сломил все запреты, снёс барьеры. Не знаю, почему он обвинял меня в магии, когда сам поступал так со мной, как будто мог управлять моими чувствами, как будто намеренно распался. Брал мои губы, мой рот, на миг отпускал и снова атаковал, заставляя плавиться от жара его тела.

Не знаю, как долго продолжался этот неистовый поцелуй, но наконец дин Ланнверт немного отстранился. Самую малость, так, что я почувствовала его твёрдое тело, его тяжёлое дыхание прохладой гладило мне лицо, и я видела, как сильно бьётся жилка на его крепкой шее. Ощущая на себе жаркий взгляд, я только и делала, что гипнотизировала эту жилку, боясь поднять глаза.

Ничего не говоря, дин Ланнверт отщёлкнул застёжку на моей правой руке, потом на левой. Освободил ноги. Снял цепь с талии, и затёкшее в одном положении тело подвело, я потеряла равновесие, неловко упав прямо на своего мучителя. От стыда, что он видит меня такой жалкой, я тут же отвернулась, хотела было встать, но ноги дрожали, сделались совершенно ватными. Дин Ланнверт, опять не сказав ни слова, подхватил меня и понёс наверх.

Я не пыталась вырваться. Я была слишком растеряна, смущена, напугана, моё собственное тело, разгорячённое и томительно желающее большего, сводило меня с ума. Закрыв глаза, я пыталась успокоить дыхание, расслабиться — насколько это было возможно в руках дин Ланнверта. Подъём показался мне мучительно долгим — по узкой, едва освещённой тусклыми лампами лестнице, наполненной тяжёлым дыханием дин Ланнверта и моим бешеным, отдающимся в ушах сердцебиением.

У меня было ощущение, что меня жестоко пытали, хотя, если судить объективно, всё, что сделал дин Ланнверт — это привязал меня к решётке и заставил несколько раз испытать болезненные ощущения. Возможно, при желании я бы даже могла их некоторое время терпеть, если бы задалась целью действительно солгать ему. Но меня так сильно выбило из колеи всё это: осознание, что я полностью в его власти, что он считает, что я влияю на него, тот дикий безумный, совершенно внезапный поцелуй. Дин Ланнверт словно задался целью

свести меня с ума, потерять все ориентиры, и я то дрожала от страха, то всё внутри скручивалось от невероятного притяжения. Даже когда он мучил меня, он оставался для меня привлекательным, мне нравилось его твёрдо вылепленное лицо, чувственные губы, мощная шея в раскрытом вороте чёрной рубашки.

Он казался мне зверем. Злым жестоким хищником, и при всём этом дико притягивающим хищником. Я вконец потерялась в себе и в своих ощущениях.

Наконец дин Ланнверт открыл дверь, вынес меня в коридор и спустил с рук перед дверью в мои покои. Он даже не слишком запыхался, хотя проделал весь этот путь вверх по лестнице с грузом на руках. Открыл дверь, но почему-то не торопился отпустить меня, молча сверлил взглядом. Под этим жарким яростным взглядом я снова залилась краской. Рванулась, мечтая скорее сбежать, но дин Ланнверт быстро перехватил меня за талию, прижал к стене, придавил собой. Во взгляде у него было что-то невыносимое: безумный блеск, признание своей слабости, какая-то непонятная мольба, которую я не могла разгадать — и я смотрела в его глаза и тонула в их тёмной глубине.

На этот раз я поняла, что он собирается сделать. Поняла и всё равно осталась на месте, как будто он и впрямь околдовал меня.

Он коснулся моих губ так удивительно нежно, так осторожно, что я затаила дыхание. Невольно приоткрыла рот, впуская его. С трудом заставила себя остаться на месте, не податься вперёд, требуя большего, особенно когда его пальцы нагло переплелись с моими, по-хозяйски захватив в плен. Дин Ланнверт словно изучал меня, мои губы, мою реакцию. Я прикрыла глаза, не выдержав его настойчивого взгляда, но продолжала чувствовать его на себе.

Это был не такой зверино-дикий поцелуй, как внизу, это было изучение, проба границ, попытка выяснить, как далеко вообще можно зайти. И в то же время этот поцелуй был полон тягучей, расплавленной, как жидкое олово, нежности, отчаянного желания обладать. А хуже всего было то действие, которое на меня оказывала эта своевольная дерзкая ласка.

Как-то внезапно мы стали не смертельными врагами, не похитителем и его пленницей, а просто мужчиной и женщиной, и мужчина открыто признавался в своей слабости, а женщина безропотно принимала это признание, принимала и жаждала. Хотелось

продлить этот миг перемирия навечно, но в сознании вдруг появилось строгое лицо отца, в ушах прозвучал его голос: «Тинна. У меня слишком много врагов. Будь осторожна. Будь очень осторожна».

Я вздрогнула, приходя в себя. Оттолкнула дин Ланнверта, вырвалась, забежала в комнату, обернулась и с отчаянием крикнула прямо ему в лицо:

— Я вам не девица лёгкого поведения! Оставьте меня в покое! Негодяй!

Он стиснул челюсти, глаза полыхнули. Испугавшись, я тут же закрыла дверь и приникла к ней всем телом, словно ожидая, что он начнёт ломиться, словно мой вес — который он только что с лёгкостью нёс на руках — мог помешать ему ворваться, если он того захочет.

Но дин Ланнверт не стал ни врываться, ни отвечать что-либо на мою брошенную в запале фразу. Я услышала стук его каблуков, а потом звук открывшейся и закрывшейся двери.

Ушёл к себе.

Накатившее облегчение словно вынуло из меня стержень. Я почувствовала одуряющую слабость, приникла лбом к двери, да так и сползла по ней вниз, и свернулась калачиком, обхватив ноги руками.

Отец... пожалуйста, вытащи меня отсюда поскорее. Вытащи, пока я... пока со мной не случилось что-то такое, о чём я безумно пожалею.

\*\*\*

Не помню, как я засыпала, помню только, как ворочалась на подушке, всё снова и снова чувствуя на себе жадные, наглые руки дин Ланнверта, пронизывающий взгляд его светлых глаз, горячее дыхание и требовательные поцелуи. Раз за разом он обнимал меня, прижимал к стене, накрывал ртом мои губы. Только в воображении не отпускал так легко, раздевал, покрывал поцелуями грудь и живот, а потом опускался на колени между моих раздвинутых ног и долго, уверенно ласкал языком самую потайную часть моего тела.

Я и презирала сама себя за подобные мечтания, и не могла перестать. Он слишком сильно действовал на меня, как настоящий

афродизиак, кружил голову своим напором, своей внутренней силой, привлекал меня, как огонь привлекает глупого мотылька. Стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором опять вставали его потемневшие от желания глаза, и сладко ёкало в груди, распространяя по всему телу волны томительного, пугающего меня самую жаркого огня.

Я проворочалась без сна всю ночь, пока за окном не начало светлеть и птицы не защебетали в саду. Только тогда уснула неожиданно спокойно и безмятежно. А когда снова открыла глаза, большие настенные часы напротив кровати показывали уже половину десятого утра.

Я подскочила, садясь. Проспала завтрак? Или Нея ещё не приходила меня будить?

Здесь, в новых покоях, я могла просто не слышать стука во входную дверь. Нужно перестать закрывать её, ведь уже ясно, что дин Ланнверт может войти в любое время.

Эта мысль вызывала протест и одновременно нечто вроде боязливого предвкушения. Как стыдно, Тинна! Мысль о том, что мужчина может в любое время зайти, должна была вызывать страх. Что со мной творится здесь, в его плену?

Ещё подходя к ванной, я услышала плеск воды. Странно, неужели звуки из комнат дин Ланнверта доносятся так легко? Или я вчера позабыла завернуть кран? Какая расточительность!

Испугавшись, я рванула дверцу в ванную комнату — и замерла на пороге. Прямо передо мной шла загораживающая уборную ширма, а дальше стоял умывальник с зеркалом над ним — и перед этим зеркалом сейчас дин Ланнверт — в одном низко повязанном на бёдрах полотенце, ещё весь мокрый — придирчиво трогал лезвием подбородок в мыльной пене.

Я чуть не вскрикнула. А может, и вскрикнула, потому что дин Ланнверт вдруг обернулся ко мне и смерил меня ледяным взглядом.

Молниеносно выскочив и захлопнув дверь, я прижалась к ней спиной. Сердце бешено билось в груди. Святая Миена, это что же... это что же такое происходит?! Почему дин Ланнверт стоит в моей умывальне и бреется как ни в чём не бывало?! Что же он, перепутал комнаты?



Или... догадка сверкнула, словно молния. Дело не в том, что дин Ланнверт снова без спросу пробрался в мои покои. И потайной двери никакой нет. Просто у нас общая умывальня!

Боги, мне ведь даже не пришло в голову, что в ней могут быть две двери, я её просто не осматривала. Мельком подумала, что она очень похожа на ванную дин Ланнверта, только расположение зеркальное. А оно вовсе не было зеркальным, это была одна и та же комната, на которую я смотрела из разных точек!

О-о-о, он у меня за это поплатится! Поселить меня не только в соседних покоях — а в общих, с общей же ванной! Это же как нужно не ставить ни во что правила приличия, не думать о моей репутации...

Тут я криво усмехнулась.

Моя репутация? Разумеется, он о ней не думает. Хуже того, он только обрадуется, если сможет погубить её, погубить меня в глазах общества.

Хорошо, что обществу Диомеи и её столицы Раны я и так не была представлена — нечего губить. А в Ордоне наша семья занимает не такое уж высокое положение.

Я бы думала дальше и не знаю, до чего довели бы меня эти мысли — но в этот момент дверь за моей спиной распахнулась, с лёгкостью отодвигая меня саму, как бы я ни упиралась. На пороге показался дин Ланнверт — в том же шокирующем виде, в каком и был, разве что смыл пену для бритья и красовался теперь чисто выбритым подбородком.

Я замерла на месте, не зная, куда девать взгляд — потому что он так и норовил прилипнуть. То к странной метке на груди дин Ланнверта, на том же самом месте, что у меня, и, кажется, с тем же самым узором, только белой, словно выжженной на золотистой коже. То к плоскому животу с пластинами мышц и узкой дорожкой волос, ведущей к паху, то к усыпавшим рёбра белым шрамам, которые не портили его, а вовсе наоборот — делали ближе, земнее, реальнее.

По-моему, я даже забыла, как дышать. Нужно было уйти, гневно осадить его, возмутиться неподобающим поведением, но я, как замороженная, продолжала изучать его тело.

Когда я, спохватившись, подняла взгляд, дин Ланнверт смотрел на меня сверху вниз и нагло улыбался. Нагло, вальяжно, расслабленно —

он даже прислонился к косяку, словно не было ничего на свете интереснее, чем наблюдать за моей реакцией.

Я моментально вспыхнула. Отвернулась и решительным шагом направилась в спальню. Раз уж воспользоваться умывальной я сейчас не могу, посижу почитаю и подожду, пока он закончит.

Дин Ланнверт не останавливал меня, но его взгляд я чувствовала спиной. Он обжигал и будоражил, подталкивал обернуться.

Слава богам, когда через пятнадцать минут я тихонечко подобралась обратно к двери ванной, внутри уже никого не было.

Я воровато зашла и медленно начала осматривать помещение. Вторая дверь обнаружилась в том самом месте, на котором я её помнила. Белая в белой стене — неудивительно, что я не заметила её при беглом осмотре. И всё же, как низко, как подло с его стороны!.. Как будто мы супруги...

Щёки невольно полыхнули жаром при этой мысли, и я вспомнила его тело, покрытое маленькими капельками воды, белое полотенце на сухощавых бёдрах, сильные руки, как-то почти высокомерно, пренебрежительно сложенные на груди. И взгляд, его дерзкий, невыносимый, раздевающий взгляд.

К сожалению, я не нашла на двери ни замка, ни даже щеколды. Из-за этого мыться пришлось очень быстро, постоянно оглядываясь в сторону половины дин Ланнверта. Немного успокаивала мысль, что стойка с полотенцами и банными халатами, которую я старательно пододвинула на нужное место, помешает ему сразу увидеть меня — но ведь это же дин Ланнверт. Он с огромной радостью застанет меня обнажённой и будет смеяться, любясь, как я краснею и пытаюсь убежать.

## Глава 11

На завтрак я всё же немного опоздала. Остальные уже начали, и, подойдя к столовой, я расслышала негромкий перестук столовых приборов и звон бокалов. И ещё тихую речь вполголоса.

Я остановилась, прислушиваясь. Пусть говорят, что подслушивать благородной девушке негоже, но сейчас я лазутчица в стане врага. К тому же, в глубине души мне самой очень хотелось знать, о чём они разговаривают, когда меня нет рядом.

— ...на королевский приём, — донёсся обрывок фразы дин Ланнверта. — Поставлю Рейборну ультиматум.

— Ты всерьёз? — я узнала голос одного из близнецов. — Сам же отговаривал от открытой конфронтации, мол, слишком опасно.

— Теперь у меня появился козырь. Не скажу пока, какой именно, ещё слишком рано.

Я вся внутренне сжалась. Он говорит обо мне, ошибки быть не может. Это я его козырь и возможность поймать отца на крючок его отцовских чувств.

— Мы же одна команда, ты нам не доверяешь? — голос соратника звучал недовольно. Второй близнец тут же поддакнул.

— Дело не в этом, просто сейчас ещё рано. Закрыли этот вопрос, он не обсуждается.

— ...как скажешь, — стук приборов возобновился.

Я ещё некоторое время стояла неподвижно. Дин Ланнверт не хочет говорить обо мне. Почему? Боится, что разгласят, подозревает предательство? Или просто не хочет, чтобы об этом знал кто-либо ещё, хочет оставить мой секрет себе, владеть им единолично?

В таком случае мне нужно как можно теснее подружиться с близнецами и выведать у них, о той ли метке они вели речь и как её снять. Пока они не узнали, что я дочь ненавидимого ими Рейборна.

Сзади послышалось шарканье: слуги понесли горячее. Я притворилась, что запнулась, поправила совершенно не требовавший этого подол и шагнула в светлое помещение столовой. Окинула взглядом собравшихся.

Дин Койоха, как всегда, безмятежный и невозмутимый. Двое одинаковых светловолосых, в синих костюмах, близнеца. И дин Ланнверт, со своим жёстким пристальным взглядом. Четверо таких разных и в то же время по-своему привлекательных мужчин. Четверо врагов графа Рейборна и его бедной дочери.

Я сделала книксен и молча заняла своё место.

После завтрака я отвела в сторону дин Койоху. Тот удивился, приподнял брови, верно, ожидая, что я снова стану докучать ему вопросами о платьях — но на этот раз меня беспокоила совсем другая вещь.

— Погода такая хорошая, вы не хотели бы прогуляться по саду?

— С превеликим удовольствием, — дин Койоха подал мне руку.

Я молчала, пока мы не оказались на месте и я не завела его в укромный уголок, со всех сторон загороженный пышными кустами. Там нервно облизнула губы и разом, чтобы лишить себя пути отступления, спустила платье с плеч.

Дин Койоха вспыхнул густым смуглым румянцем — как-то моментально, враз. Бросил по сторонам растерянный взгляд.

— Посмотрите же, — возмущённо шепнула я ему. Повела плечами, указывая на то, что хотела ему показать — разросшуюся цветочным узором чёрную метку.

Он наконец взглянул. Губы его сложились в маленькое «о». Он даже приподнял руку, как будто хотел коснуться, и в последний миг одумался, опустил, не дотронувшись.

— Вам знакома эта метка?

— Да, нейди Келина, — со смущением он справился, но теперь на благородном лице появилось сожаление. — Это изобретение Сейджа. Клятва верности и гарантия одновременно. У нас у всех стоят подобные. Правда, узор несколько меньше.

Он, чуть-чуть помедлив, расстегнул пуговицы светло-зелёной рубашки. Я не удивилась, увидев на правой стороне груди чёрную метку, похожую на ту, что дин Ланнверт ставил мне вначале.

— Что она требует и запрещает? — уж вряд ли дин Ланнверт ограничил соратникам передвижения по поместью.

— Беспрекословного подчинения, — это, видимо, был ответ на первый вопрос. — Если Сейдж сочтёт нужным, он может приказать

нам что угодно, и эта клятва заставит нас подчиниться, пусть даже мы бы этого не хотели. К его чести, должен добавить, что пока он ни разу этим не воспользовался. А взамен он делится с нами всем, что ему удаётся узнать, показывает свои разработки, обучает. Каждый из нас принял это условие добровольно.

Восхваления в адрес проклятого наглого дин Ланнверта встали мне поперёк горла. Заносчивый подлец! Только и может, что пускать пыль в глаза.

— Да что бы он мог без его демона, — презрительно фыркнула я.

Но дин Койоха покачал головой:

— Не говорите так. Сейдж — гений. Я очень жалею, что он соблазнился легкодоступной силой, пошёл на такой ужасающий шаг. Если он не справится, в один прекрасный день этот город... может быть, даже эта страна — будет лежать в руинах.

Надеюсь, он преувеличивает. В конце концов, есть мой отец, есть армия короля — разумеется, одного разбушевавшегося мага, пусть даже одержимого демоном, враг остановят.

Но я всё же спросила, подразумевая приступы ярости дин Ланнверта:

— Вы боитесь этого?

— Нельзя не бояться, находясь с ним бок о бок.

— Тогда вы, должно быть, пытались выяснить, как можно избавиться от этого? — я положила руку на свою грудь, уже скрытую под тканью платья.

— От метки? — дин Койоха так явно удивился, что стало ясно: подобная мысль ему и в голову не приходила. — Нет, ни разу. Я верю Сейджу, до сих пор он успешно доказывал своё самообладание.

Наверное, потому, что на глазах дин Койохи не убивали Гнеса. И одежду на нём не рвали. И в подземелье не водили, чтобы приковать к решётке.

К сожалению, все эти мысли пришлось оставить при себе. Что ж, значит, придётся надоедать близнецам. И неплохо бы выяснить, почему они ненавидят отца. Но перед этим...

— Нейд Ард, а скажите... эта самая метка, только как бы вывернутая наоборот, белая — что это означает?

Меня никак не оставляло воспоминание об идентичном узоре на груди дин Ланнверта. С чего бы ему ставить метку на себя самого?

Дин Койоха некоторое время размышлял, потом поднял глаза.

— У меня есть только одна версия, — сказал он. — Это эффект от использования заклятия отражения, рефлексус. Но где вы её видели?

— Заклятие отражения? — его вопрос, как очень неудобный, я пропустила мимо ушей. — Расскажите подробнее.

— Обычно используется, чтобы создать связь между двумя заклинаниями. Например, чтобы проверить, как оно действует на подопытного.

Я уже начала понимать, но никак не могла поверить.

— И что, оно передаёт всё с той же силой?

— Зависит от того, какого размера рефлексус и куда он нанесён. Если размер идентичен, а заклинание наносится непосредственно на кожу, то да, маг ощущает то же, что и подопытный.

Дин Койоха пустился в рассуждения о типах заклинаний, но я слушала вполуха. Невыносимый негодяй дин Ланнверт!

Мне стало стыдно. Это значит, когда я кричала у решётки, выгибаясь от боли, он чувствовал то же, но не дёрнул и бровью? Какой же слабой он, должно быть, меня посчитал! Неудивительно, что свернул допрос на половине, наверное, решил, что его методы для меня слишком суровы. Впрочем, это как раз было верным суждением.

— Нейд Ард, — я вспомнила об ещё одном вопросе, который во что бы то ни стало хотела прояснить. — Скажите, а почему графа Рейборна ненавидят близнецы?

— Мейнор и Аджер? Это опять деликатная история, — дин Койоха смутился. — Боюсь, я не могу рассказать об этом девушке.

— Умоляю, расскажите! — я схватила его за руку. — Клянусь, это не пойдёт дальше меня.

— Нет, не уговаривайте, прошу вас, — дин Койоха выглядел несчастным. Но моя магия уже потихоньку начала действовать, и постепенно лицо его просветлело. — Хорошо, я расскажу вам, но обещайте слушать это как страшную сказку. Дело в их сестре. У них была старшая сестра, которую они очень любили. Необыкновенная красавица, высокая, стройная, золотоволосая. Она блистала в свете. Граф Рейборн... воспылал к ней нежными чувствами. Похитил и некоторое время силой удерживал в своём замке. Наконец она понесла. Но, увы, запретные заклятия и эксперименты, которые он ставил над ней, прервали и её жизнь, и жизнь нерождённого ребёнка.

Я отшатнулась, как поражённая молнией. Не может быть. Этого просто не может быть. Похищение? Удерживание силой? Запретные эксперименты над беспомощной беременной женщиной? Нет, это какой-то кошмар, придуманные для удовольствия детские страшилки!

— Ну вот, вы огорчены, вы напуганы. Прошу вас, забудьте о том, что я только что рассказал. Это всё вас совершенно не касается, вся история уже поросла быльём.

О нет. Судя по услышанному мной разговору близнецов, их ненависть ещё полыхает ярким пламенем. И меня это касается ещё как. Ведь это мой отец...

Больше всего пугало то, что я уже не могла с уверенностью заявить: всё это ошибка.

Мне срочно необходимо выбраться отсюда и наконец поговорить с отцом. Спросить у него начистоту, сколько правды в этих слухах, действительно ли на совести его такие ужасные вещи?

Странный, совершенно неожиданный здесь звук нарушил мои лихорадочные размышления. Это был женский смех и голос — довольный, мурлыкающий, протяжный:

— Ну же, Се-ейдж...

От отвратительной интимности этой фразы по мне как будто проехала железная борона. Аж передёрнуло. Это ещё кто?

Выглянув, я увидела на дорожке идущую к дому парочку. Дин Ланнверт, высокий, стройный, с прямой спиной — и повисшая у него на руке незнакомка в мужском костюме. Серые замшевые штаны вульгарно обтягивали её ноги и задницу. Какое бесстыдство!

Над ухом раздался голос дин Койохи:

— О. Мелина пожаловала.

— Кто она такая?

Он смутился, но ответил:

— Ну... нечто вроде его наречённой.

Не отдавая себе отчёта, я сжала кулаки так, что ногти впились в мякоть ладоней. Очнулась от боли.

Наречённая! У этого мерзавца, позволяющего себе такие неслыханные вольности, оказывается, есть наречённая!

Я надеялась больше не услышать ничего о заявившейся в поместье женщине, но когда сошла в малую столовую на обед, с

отвращением увидела её за столом. К тому же по правую руку от дин Ланнверта, на месте, которое обычно занимал дин Койоха!

Она тоже, видимо, не ожидала встретить тут незнакомку. Вульгарный смех замер, и она с любопытством уставилась на меня густо подведёнными глазами.

Я с радостью отметила, что она не очень красива. Худая, с резкими чертами лица, с чересчур длинным носом — совершенно ничего особенного. Зачем дин Ланнверту жениться на ней? Неужели за ней дают богатое приданое?

Она, видимо, тоже заинтересовалась мной.

— Кто эта прелестная пташка? — спросила у дин Ланнверта глубоким грудным голосом. И, как будто этого было мало, положила свою ладонь на его руку, расслабленно лежавшую возле тарелки.

Дин Ланнверт сначала пронзил меня острым взглядом, а потом как ни в чём не бывало ответил:

— Её имя Келина. Она здесь временно.

Я вспыхнула. Какой многозначительный и ничего не объясняющий ответ!

— Я отлично знаю диомейский и вполне могла бы ответить на ваш вопрос сама, — я бросила холодный взгляд на нахальную дамочку. Собиралась смутить её — ибо как она смела допустить такую невежливость: говорить обо мне в третьем лице, когда я сама здесь присутствую — но женщина лишь усмехнулась в ответ.

— Маленькая дерзкая пташка, — с удовольствием повторила она. — Ты её обучаешь? У неё есть дар?

Дин Ланнверт только покачал головой.

— А-а! — протянула она. — Тогда ясно, почему милая девочка так ершится. Она не привыкла к тому, как мы, маги, общаемся между собой! — и она засмеялась в голос.

Ну конечно!

Как же я не поняла сразу. Кто ещё, кроме магички, может с такой беспардонностью носить мужской наряд и так свысока общаться, не ставя ни во что правила приличия. Только маги, которым титул даётся по факту окончания магической академии. Вот и выходят в свет такие магички, ничего не смыслящие в этикете, ведущие себя на равных с мужчинами, без образования и манер!



Я почувствовала превосходство. Пусть мой дар невелик, образование я получила блестящее. И уж ни за что не позволю себе такого вызывающего, недостойного поведения.

Но она меня злила. Ужасно злила. В ней раздражало всё: то, как она смеётся, грубо и вульгарно, то, как размешивает сахар в чашке, громко звеня ложечкой, то, что она охотно участвует в разговоре, хотя приличной девице в компании мужчин подобало бы хранить молчание. И, наконец, то, как она то и дело позволяет себе дотронуться до руки дин Ланнверта. А тот сидит, как будто так и надо, не одёргивает её, не стряхивает руку, вообще не проявляет никакого недовольствия!

Ещё меня раздражали намёки на их связь, которые не переставая делали близнецы. Женщина — Мелина — только смеялась и отвечала той же монетой, а мне кусок в горло не шёл. Неужели дин Ланнверт и впрямь женится на этой... отвратительной, ужасной, неотёсанной...

— Так на приём вы идёте вместе? — спросил один из близнецов, мгновенно переключая меня на другую тему. Я наострила уши.

— Да, я для того и приехала сегодня. Сейдж вызвал, чтобы я была его спутницей.

— Весь королевский двор будет у ваших ног.

— От смеха от ваших манер, — прошипела я сквозь зубы. Тут же пожалела о своей невоздержанности: разговор стих, все взгляды уставились на меня.

— Что-что ты сказала? — поинтересовалась Мелина с кривоватой усмешкой.

— Я сказала, что уверена, вы будете блистать сегодня при дворе, — я вернула ей улыбку — ту самую равнодушно-высокомерную улыбку, которая помогла мне выжить в пансионате среди змеиных интриг девиц на выданье.

Не думаю, что эта грубая мужикообразная женщина может мне что-то противопоставить.

— А девочка остра на язык, — один из близнецов подмигнул мне, а другой засмеялся.

Противная Мелина застыла, меряя меня пристальным, уже далеко не тем снисходительным взглядом. Усмешка сползла с её губ, а в моей душе воцарился покой.

К сожалению, ненадолго, потому что после обеда я увидела её в роскошном тёмно-красном платье, садящейся в мобиле у парадного входа. Дин Ланнверт, тоже разодетый, в вышитом золотом мундире, брюках с лампасами, вычищенных до блеска сапогах, с выправкой не хуже генерала, подавал руку, помогая спутнице взобраться на подножку. А эта Мелина совершенно бесстыдно приподняла юбки. Взгляд дин Ланнверта скользнул по показавшейся в разрезе ножке, он скабрёзно ухмыльнулся и что-то сказал.

Я тут же отвернулась и раскрыла книгу, которую читала. К сожалению, буквы прыгали перед глазами, ничуть не желая проникать в разум, а уши только и делали, что ловили звук мотора, шуршание шин по дорожке, скрип раздвигающихся ворот.

Уехали.

Почему-то было невыносимо неприятно думать о том, как дин Ланнверт пойдёт с ней под руку по мраморным полам королевского дворца. Как, должно быть, обнимет, кружа в танце, положит широкую горячую ладонь на её талию, привлекая к себе, как она будет закусывать губы в его объятиях, как встретятся их взгляды... Отвратительно. Они совершенно не подходят друг другу — он явно аристократ, а она? Деревенская доярка!

Ох, я совсем не о том думаю. Дин Ланнверт же собирался сегодня поставить ультиматум отцу.

Чем злить эту Мелину, я бы лучше должна была войти к ней в доверие. Может, удалось бы уговорить её помочь мне. Но почему-то одна мысль о том, чтобы воспользоваться помощью этой низкой доярки, вызывала во мне отвращение.

Я попыталась представить, как дин Ланнверт подходит к отцу на приёме. Если моя весточка дошла, отец уже знает, что именно дин Ланнверт меня похитил, если нет... то это известие застанет его врасплох. Интересно, встречал ли он дин Ланнверта раньше? Думаю, да, ведь отец нередко посещал магические академии. Может, в обычной жизни они даже любезно раскланиваются и пожимают друг другу руки. Но сегодня все маски будут сброшены.

Если дин Ланнверт пошёл на такой шаг, значит, он готов к открытому сражению. Не боится ни гнева короля, ни мести отца. Дин Койоха назвал его гением, но мой отец тоже гений. Не знаю, кто вышел бы победителем из их дуэли.

Но дин Ланнверту и не нужна дуэль, она ведь почти никогда не заканчивается смертью. Он хочет уничтожить отца морально, лишит всего, что он имеет, опустит на дно отчаяния. И только потом убить.

Это значит... он хочет лишит отца доверия короля, звания Хранителя Хрустального жезла... и, наверное, меня. Я одновременно и способ шантажировать отца, заставить его поступать так, как нужно дин Ланнверту, и способ отомстить ему. И если через мои страдания он сможет заставить страдать моего отца — не вижу причины, по которой он этим не воспользовался бы.

Весь тот день тянулся ужасно медленно и тоскливо. Я бродила по территории поместья, побывала во всех уголках, в которых раньше не была, кормила лошадей яблоками, которые дал мне улыбчивый конюх, даже поиграла с близнецами в неожиданно обнаружившийся в поместье бильярд — но туча, тяжело осевшая на сердце, никак не желала рассеиваться. Я с мучительным нетерпением ждала, когда дин Ланнверт вернётся и привезёт с собой мой приговор, итог беседы с отцом.

Но шло время, наступила ночь, а он никак не показывался.

Я сидела у себя и читала, когда в коридоре наконец послышались шаги. Вздвогнув, отложила книгу. Я специально не стала удаляться в спальню или в маленькую комнату, чтобы застать дин Ланнверта. Хотела поговорить с ним, убедить пойти с отцом на мировую, убедить, что месть никому не принесёт счастья.

Кошки царапали на душе при мысли, что он вообще не вернётся, пойдёт ночевать к той невыносимой вульгарной женщине. Слава богам, он всё же образумился.

Но неуместную радость тут же прогнал женский смех.

На миг у меня перехватило дыхание. Он притащил эту дрянь сюда! В свои покои! На ночь глядя!

Это было ужасно. Как он вообще мог так поступить со мной? Привести женщину в соседние со мной комнаты? Вынудив меня слышать всё, что там происходит?

Наверное, я должна была уйти в спальню, закрыться, спрятаться под одеялом, молясь, чтобы за стенкой не слышался скрип кровати, но я оставалась в гостиной, даже невольно подошла чуть ближе к

двери, прислушиваясь. Не хотела слышать, но старательно наострила слух.

Из коридора доносилась тихая речь, мурлыкающие нотки женского голоса, слегка насмешливый, сухой голос дин Ланнверта, его характерный «кхакающий» смех. Говорили оба слегка протяжно и неразборчиво, как будто осушили не одну бутылку вина, прежде чем прийти сюда. Потом послышался стук соседней двери, и звуки затихли.

Я несколько раз глубоко вздохнула. Внутренний голос уговаривал идти спать. Но другой, невесть откуда взявшийся, искушающий голос иной Тинны, твердил, что нужно воспользоваться этим шансом.

Они в соседних покоях! У нас смежная ванная! Если они будут сидеть в гостиной, а не сразу отправятся в спальню (эта мысль вызывала во мне почти физическое отвращение), то я смогу услышать их разговор. Возможно, выясню что-нибудь об отце.

Эта вполне рациональная мысль удивительно совпала с совершенно не рациональным чувством, невесть когда завладевшим мной, цепко угнездившимся в душе, переворачивающим вверх дном все мои тщательно соблюдаемые донине принципы. Чувством, которому я сама не могла и не хотела дать название.

Руководствуясь этой жгучей смесью, я крадучись пересекла тёмную ванную комнату и застыла у двери в гостиную дин Ланнверта.

Смех и голоса стали слышнее, но смысл разобрать я не могла. Приникла к тонкой деревянной преграде, так, чтобы дверная щель приходилась прямо под ухо.

— Вина? — послышался тихий, но отчётливый голос дин Ланнверта.

— Было бы неплохо, — мурлыкающий ответ Мелины.

Шаги, лёгкое, едва уловимое сотрясение досок пола под тяжестью мужчины.

— Ты отлично держалась сегодня.

— Да ну тебя. Сама знаю, что мне далеко до тебя и до всех, кто впитал манеры с молоком матери.

Молчание. Звук наливаемой жидкости. Шаги, скрип кресла. Видимо, дин Ланнверт обошёл столик и сел на своё место.

— Ну... за нас, — её голос. Какой-то неприятно вкрадчивый, влезающий в душу. Послышалось звяканье бокалов.

«За нас»! Какая пошлость!

Мне представилось, как Мелина смотрит поверх бокала на дин Ланнверта, смотрит снизу вверх, может быть, облизывает губы. А он невольно следит за движением этих губ, и, негодяй, не имеет ничего против!

— Сегодня ты сверху? — спросила она с острым вызовом, насмешкой и почти не скрываемой страстью.

Дин Ланнверт суховато рассмеялся:

— Как пожелаешь.

Его голос тоже стал ниже, повеяло животным желанием. Меня передёрнуло от отвращения.

Святая Миена, они сейчас точно отправятся в спальню! Сверху — это что вообще такое? Не знаю, но догадываюсь, что ничего хорошего!

Ну уж нет. Подобного разврата я не допущу. Не здесь! Хотят заниматься этими ужасными вещами — пусть идут подальше!

Стиснув зубы, я решительно нажала на ручку двери.

## Глава 12

Моё появление явилось для них полнейшей неожиданностью. Дин Ланнверт, сидевший в кресле спиной ко мне, обернулся не сразу, зато Мелина заметила мгновенно, чуть не выронила бокал, некрасиво выпучила глаза и издала какой-то странный звук, то ли вскрик, то ли хрип.

Мельком отметив интимный полумрак, бутылку вина на столе и два бокала, я перешла в наступление. Да только волнение не позволило остаться спокойной, и вместо проникновенной речи я выдала:

— Вы слишком громкие... Я не могу спать... Как вы смеете вообще, верх неприличия...

В голове у меня всё перемешалось, сердце пыталось вырваться из груди. Я сама замечала, как дрожит мой голос, но ничего не могла с этим поделать.

Я хотела выгнать отсюда их обоих. Мне были противны и ненавистны они оба, и она, с такой невероятной наглостью усевшаяся в кресле, и он, притащивший её сюда. Но от волнения я не находила нужных слов, никак не получалось казаться хладнокровной, хотелось закричать и затопать ногами.

— Что? — на лице Мелины появилась кривая усмешка. — Что она говорит? Что она тут вообще делает? Сейдж?

Только тут дин Ланнверт повернулся. Лениво взглянул на меня. Я ощущала его взгляд, но встретить его напрямую боялась. Боялась — или, вернее, не желала, потому что он всегда действовал на меня, как оружие, пронзал насквозь. И я боялась, что не выдержу, зальюсь краской и убегу.

Чтобы избавиться от этого чувства и добавить себе уверенности, я сжала кулаки и, усмиряя дрожь, повысила голос:

— Повторяю! Хотите заниматься вашими дрянными делишками, выберите для этого другое место! Мне неприятно это слышать! Это отвратительно, омерзительно, вам должно быть стыдно!

— Да она тронулась, не иначе! — Мелина фальшиво улыбалась, бросала взгляды на дин Ланнверта, словно просила поддержки, но тот

неотступно смотрел на меня.

Никто и не пытался сдвинуться с места. Меня словно ледяной водой окатили. Это конец, я проиграла. Сейчас они просто выставят меня отсюда и посмеются. Стыд густой пунцовой волной залил лицо. Но я всё равно буравила взглядом Мелину, отступить было выше моих сил.

А в кольце на её пальце красный камень разгорался угрожающим пламенем. Готовится использовать на мне какие-то чары?

— Ладно, пожалуй, мы и правда засиделись.

Это прозвучало так неожиданно, что мы обе, одновременно, посмотрели на дин Ланнверта. А тот спокойно поднялся из кресла, подошёл к Мелине и подал ей руку:

— Ты ведь помнишь, где твои комнаты? Провожать не нужно?

— Как... это понимать? — оставаясь сидеть, она лишь пристально уставилась на дин Ланнверта. — Ты прогоняешь меня? Не её? Сейдж!

Я молчала. Мне нечего было сказать. Формально она была права, она была его невестой, наречённой — а кто такая я? Всего лишь девушка, которая «тут временно». Которая вдруг посреди ночи ворвалась в покои дин Ланнверта с криками и неясными требованиями. Ещё и одета в ночную рубашку, которая, хоть и до щиколоток, плотная, пышная и полностью прикрывает тело — тем не менее, всё равно остаётся ночной рубашкой.

Мне стало ещё стыднее, оказывается, у этого чувства была своя градация. Что должна была подумать Мелина? Своим приходом я как будто призналась в том, что я его любовница.

Но это же вовсе не так! А он — он то ли подыгрывает, то ли специально вводит Мелину в заблуждение.

Но я не могла ни заговорить, ни уйти. Я чувствовала себя как сторожевой пёс: я должна была прогнать чужую женщину со своей территории во что бы то ни стало.

— А-а! Так ты с ней спишь, с этой малюткой? — игнорируя протянутую руку дин Ланнверта, Мелина вскочила. Лицо её исказилось, в голосе не осталось ни следа тех мурлыкающих соблазняющих ноток.

Я ничего не ответила. Поздно уже пытаться сохранить моё доброе имя. Пусть эта женщина думает, что хочет.

— Так бы сразу и сказал! — она разразилась злым хохотом. — Всё ясно! — ловко обогнув кресло с другой стороны, так, будто нарочито не хотела коснуться дин Ланнверта, Мелина прошла к выходу.

Остановилась на пороге, обернулась, и мне показалось, что её взгляд пронзил меня насквозь, не хуже остро заточенного копья. В нём были злость, ненависть, ревность, высокомерие — убийственный коктейль. Я ждала, что она пустит напоследок отравленную стрелу, такая, как Мелина, просто не могла бы уйти молча, — и дождалась.

— Ну я подожду, пока ты наиграешься. Не впервой, чего уж! — хоть она и обращалась к дин Ланнверту, смотрела только на меня. Злобно сверкнула глазами и наконец ушла.

Дин Ланнверт невозмутимо закрыл за ней дверь. Повернулся.

Вот тут, во внезапной тишине, наедине с ним, мне стало по-настоящему страшно. Возбуждение схлынуло, цель была достигнута — и на меня накатило сокрушительное осознание.

Боги, что я натворила!

Я метнулась, нащупала за спиной ручку двери, повернула её — но сбежать в спасительную темноту не успела. Дин Ланнверт настиг меня, развернул к себе лицом, поставил руки по обе стороны от моего тела, прижимая к стене, и я почувствовала жаркое дыхание, смешанное с запахом вина. Поспешно отвернулась. Сердце судорожно колотилось, щёки заливал удушливый жар. Было страшно посмотреть дин Ланнверту в лицо.

— Куда же ты? — промурчал он мне в ухо. Губы мимолётно коснулись кожи, и по мне лавиной хлынули мурашки. — Ты же сама сюда явилась.

От его близости со мной делалось что-то не то. Нет, он всё-таки воздействует на меня. Может, неосознанно, не отдавая себе самому отчёта. Может, у него тоже есть дар управления эмоциями? Или это просто его харизма, его дикая первобытная мужская привлекательность?

— Пустите... я пойду спать.

Да, верно. Я же только хотела, чтобы они утихомирились. Добилась своего, вот и прекрасно. Теперь остаётся лишь тихо улизнуть.

Вот только рука дин Ланнверта мешала. Краем глаза я видела наполовину закатанный рукав, переплетения тугих сильных мышц,



короткие золотистые волоски на коже — всё это добавляло смущения. Испуганно метнулась взглядом в сторону и наткнулась на расстёгнутый на пару верхних пуговиц ворот, в котором виднелся побледневший узор «рефлексуса» — и дальше пластины гладкой безволосой груди, которая бешено вздымалась.

— Как я вообще должен всё это понимать? — хищно и вкрадчиво поинтересовался дин Ланнверт. Низкий голос заставил задрожать что-то глубоко внутри. — Вы меня ревнуете?

Я вспыхнула. Гнев и смущение заставили меня поднять взгляд, с негодованием уставиться в прозрачные глаза дин Ланнверта. На его губах плясала усмешка, но в глазах плавало что-то неукротимое, тёмное.

В следующий миг дин Ланнверт подался вперёд и поцеловал меня. Так же, как делал обычно всё: по-свойски, уверенно и напористо. Я пискнула, как мышка. Он вмиг заполнил меня собой, завладел, лишая сопротивления, и я часто, поверхностно дышала, дрожа в его объятиях, остро и томительно переживая реакцию собственного тела, утопая в его запахе, чувствуя, как внутри всё скручивается в ответ на требовательные движения его языка и губ.

Только мысль о том, что, если бы я не пришла, он бы, наверное, точно так же целовал бы Мелину, заставила меня опомниться.

— Пустите! — я забилась, рванулась.

Дин Ланнверт разомкнул объятия, чуть отодвинулся, меряя меня холодным спокойным взглядом. Только грудь его сильно и резко приподнималась, доказывая, что в душе у него далеко от покоя.

— Я вас не держу, — ответил он подчёркнуто церемонно. — Пожалуйста.

Не дожидаясь дальнейших фраз, я повернулась и устремилась прочь.

Но не успела сделать и пары шагов, как дин Ланнверт настиг меня, поймал, обнял, прижимая к горячему твёрдому телу. Повернул к себе лицом, по затылку скользнули сильные пальцы, а рот снова накрыли его губы. Я упёрлась руками в его грудь, отталкивая, но дин Ланнверт целовал меня настолько яростно, настолько страстно, настолько отчаянно, как будто оторваться от меня значило потерять жизнь. И я невольно поддалась его напору, вцепилась в его рубашку и закрыла глаза.

Самое настоящее безумие — вот так целоваться с врагом в тёмной ванной, терять себя под исступлённой лаской, забывать обо всём, кроме чужого дыхания, чужих прикосновений, силы в крепко сжимающих руках.

Я правда ненормальная... «тронутая», как сказала та женщина. Но почему он прогнал её? Почему сейчас целует меня? И так требовательно и неистово, как будто он тоже сходит с ума, как будто я влияю на него почти так же сильно, как и он на меня.

Дин Ланнверт на миг отпустил меня, растерянную, тяжело дышащую. Я застыла, плохо соображая, а он молниеносно распустил ленты на моей ночной рубашке. Ткань скользнула по коже, спадая с плеч, я вскрикнула, пытаюсь подхватить её, но рукава спеленали руки, а поверх легли ладони дин Ланнверта. Мучительный стыд ожёг щёки. Выше пояса я была полностью обнажена, и взгляд дин Ланнверта гладил моё тело. Через его приоткрытые губы вырывалось тяжёлое дыхание. Этот пристальный, жадный, почти физически ощущаемый взгляд меня абсолютно заморозил, я перестала отбиваться и только молча смотрела на его лицо, на смену выражений, борьбу желаний, которая так явно на нём читалась.

А потом какое-то из желаний победило. Дин Ланнверт ожёг меня быстрым взглядом, словно пытался прочесть мысли, и медленно склонился к моей груди, коснулся губами плеча. Я вздрогнула, словно на меня поставили клеймо. Почему-то его прикосновения всегда ощущались именно так, как новая метка, знак принадлежности.

Крепко сжимая меня, он целовал моё плечо, ключицу, грудь — медленно, нежно и горячо. Я видела склонившуюся к своей груди светловолосую голову, чувствовала горячее дыхание, прикосновение настойчивых губ. И вздрогнула от ослепительной вспышки наслаждения, когда его рот накрыл сосок.

Почему-то я совсем не ожидала этого, такой остроты чувств, такой внезапности. Когда я касалась себя (а я иногда позволяла себе это невинное удовольствие), всё ощущалось куда глуше и приземленнее. Да, приятно, но не настолько, чтобы ноги вдруг задрожали, а тело будто пронзила огненная стрела. Но почему-то осознание, что это делает он, что дин Ланнверт сейчас, здесь, в темноте позволяет себе такие откровенные ласки и я их принимаю — всё это сводило с ума и стократно множило ощущения.

— Идём, — хрипло сказал дин Ланнверт, поднимая голову. У него был безумный взгляд.

Не дожидаясь ответа (а я бы и не могла дать ему ответа, потому что его слова прошли мимо моего сознания), он нагнулся, подхватил меня на руки и куда-то понёс.

Только тут я очнулась. Брыкнулась, упёрлась руками в его грудь:

— Пустите! Немедленно... Вы не можете...

Мои возражения оказали на него не больше действия, чем весенний ветерок на вековые скалы. Дин Ланнверт пронёс меня через гостиную, пинком открыл дверь в спальню, прошёл ещё пару шагов и опустил на кровать. Я невольно вздрогнула от прикосновения ледяного шёлка к обнажённой спине, мгновенно покрылась крупными мурашками, соски встопорщились. Дин Ланнверт навис надо мной, не позволяя вскочить, и приник губами к моей шее. Я тихо ахнула от импульса, пробежавшего по коже.

— Не смейте! — собрала все внутренние силы, чтобы остановить его. — У меня есть жених! Я ему верна!

Сама не знаю, почему я вспомнила об Айлесе. Он ничуть не занимал моих мыслей, пока слово «жених» само не прыгнуло на язык. Только потом я почувствовала раскаяние: ведь это правда, я обещалась ему когда-то, а сейчас — лежу на кровати в спальне дин Ланнверта, под его тяжёлым телом, изнываю от его поцелуев и безумно хочу продолжения. Как это низко, как нечестно по отношению к Айлесу. Пусть даже, святая Миена свидетель, я не по своей воле попала в плен, не по своей воле дрожу от прикосновений дин Ланнверта, это просто какой-то странный эффект, наваждение, дурное безумие, отравляющее кровь.

— Нет у тебя никакого жениха, — тихим зловещим шёпотом отозвался дин Ланнверт. — Запомни это! — он смотрел мне прямо в глаза и словно пил до дна сумасшедшим взглядом. — Ты моя. Хочешь ты или нет, ты моя, ты станешь моей. Ты навсегда останешься здесь!

Он говорил тихо, низко, с рычащими нотами, как будто угрожал. Я заледенела. Дин Ланнверт словно принял какое-то решение за то время, что мы не виделись, и всё теперь оказалось иначе, наши отношения безвозвратно изменились. Но как — я понятия не имела.

— Ты говорил с отцом, — торопливо озвучила я свои выводы. — И что? Он от меня отказался?

Эта мысль хлестнула меня, как плеть. Отец не мог бы так поступить. Более того, мне бы и в голову не пришла такая возможность — раньше. А сейчас я, хоть и не хотела в это верить, первым делом подумала именно об этом.

Но дин Ланнверт, улыбаясь пугающей дикой улыбкой, покачал головой:

— Никто не предлагал ему выбора.

— Как это? Разве ты не собирался сегодня пойти с ним на сделку? — было странно беседовать на серьёзные темы с мужчиной, который прижимал меня к кровати, который только что покрывал моё тело поцелуями, но я уже была полностью захвачена другими мыслями.

— Откуда ты знаешь? Маленькая шпионка. Да, собирался. Передумал. Передумал... — он наклонился вперёд, щекоча мои губы дыханием, а потом вдруг резко перекатился, укладывая меня на себя.

Я растерялась, вдруг очутившись сверху, издала какой-то невнятный возглас, который дин Ланнверт тут же поймал ртом, одновременно крепко взяв за затылок, не позволяя уйти от поцелуя. Я дёрнулась, чувствуя себя пойманной птицей, ощущая, как его язык своевольно вторгается в мой рот, как быстрее бежит по жилам кровь, как... как твердеет нечто и без того достаточно твёрдое, на чём я лежала.

Не отпуская моего затылка, другой рукой дин Ланнверт задрал подол ночной рубашки. Я попыталась освободиться от сковывающих движения просторных рукавов, хотела остановить его, но не успела, его широкая горячая ладонь по-хозяйски прошла по бедру, раздвинула ноги, и моя промежность напрямую почувствовала сводящий с ума жар и твёрдость его паха.

Я часто и напряжённо задышала. Прямо в губы дин Ланнверту, потому что он не переставал целовать меня, лишь ненадолго отпуская и снова приныкая к моему рту, атакуя его, бесчеловечно покоряя. Нам нельзя было делать то, что мы делали. Это верх неприличия, я обещана другому, дин Ланнверт не мой жених. Да и жениху я никогда не позволяла настолько откровенной ласки.

А потом, я ведь совсем не знаю, дин Ланнверт делает это со мной потому, что я это я, или потому, что я дочь своего отца? Потому, что, обесчестив меня, он сможет хоть немного, но отомстить ему? Эта вторая мысль отрезвила меня куда сильнее, я затрепыхалась, пытаюсь

вырваться из плена его тела, упёрлась руками в грудь, выскользнула из-под прижимавшей затылок ладони.

— Хватит... это чересчур... вы заходите слишком далеко.

В тишине спальни горячий шёпот прозвучал слишком страстно, как будто на самом деле я хотела продолжения. Может стать, это и на самом деле было так.

— Я захожу? — спросил дин Ланнверт низко и хрипло. — Помоему, это ты сегодня только и делаете, что повсюду заходишь... слишком далеко.

Его глаза лихорадочно блестели в темноте, словно предлагая мне посмеяться над сомнительной шуткой. Я ничего не ответила. Осторожно слезла с него, поправила ночнушку. Дин Ланнверт закинул руки за голову и лежал, наблюдая за мной.

— Ты меня хочешь, — сказал он вдруг очень уверенно.

— Как вы смеете, — я невольно покраснела. — Ваши намёки омерзительны. Я невинна.

— Физически — может быть. Но в глубине души ты глубоко порочна, маленькая развратница. Я тебе докажу, что ты хочешь меня.

В один миг он расслабленно лежал, а в следующий уже набросился на меня, опрокинул, задрал подол, коленом заставил раздвинуть ноги. Я закричала, вырываясь. Дин Ланнверт заткнул мне рот поцелуем, поймал руки и вздёрнул над головой, прижимая к кровати. Целовал меня жадно и страстно, пока я не расслабилась, видя, что он не делает больше ничего ужасного. Потом перехватил мои запястья одной рукой, а другой стал сквозь ночную рубашку гладить грудь, бёдра — медленными успокаивающими движениями.

Эта ласка тоже показалась мне довольно безопасной, а ещё довольно приятной. Я лежала спокойно, пока вдруг его пальцы не коснулись самого сокровенного местечка. Дёрнулась от неожиданно острых ощущений, но дин Ланнверт, словно ожидая этого, тихо зашептал что-то нежно-успокоительное, а потом снова поцеловал меня в губы. Его рука продолжала удерживать мои руки, а пальцы второй медленно ласкали промежность.

Я задрожала от нахлынувших ощущений. Это было так... необычно. Жаркие требовательные поцелуи и одновременно такая откровенная, бесстыдная, такая обжигающе приятная ласка внизу. Его пальцы двигались нежно и уверенно, то массировали круговыми

движениями, то атаковали вздыбившийся бугорок, средоточие моих нервов, то гладили чуть ниже, скользя по ткани тонких трусиков.

— Ты мокрая насквозь, маленькая врунишка. Говоришь, что не хочешь меня? — голос дин Ланнверта звучал непривычно бархатно.

Я непроизвольно дёрнулась, сводя ноги, когда он, одним махом приподняв мою попу, ловко стянул с неё трусики.

— Ш-ш-ш, спокойно, — он удержал мои бёдра раздвинутыми. Погладил внутреннюю поверхность, местечко совсем рядом к тому, что только что ласкал — и резко склонился вперёд, припал губами.

Мне показалось, я схожу с ума. Это было странно, невозможно, недопустимо — то, что он делал. И это было так остро, чувственно, безумно приятно, что я, вместо возражений и попыток оттолкнуть его, только тихо застонала. Непривыкшее к такой ласке тело откликалось с ошеломляющей готовностью, я задыхалась от накрывающих с головой ощущений, цеплялась за скользкое покрывало, шире разводила ноги, непроизвольно стремясь навстречу прикосновениям.

Внутри себя я ощутила чужие пальцы, сначала один, потом второй, движущиеся сперва медленно, изучающе, потом всё быстрее и требовательнее — и когда они внутри задевали какую-то точку, по всему телу прокатывались волны безумного наслаждения. Язык дин Ланнверта танцевал вокруг самой чувствительной области, давил, поглаживал, порой неистово терзал, с каждым разом всё сильнее приближая миг наивысшего блаженства. Ласки внутри и снаружи усиливались, становились всё более исступлёнными, остервенелыми, пока я, судорожно хватая ртом воздух, не содрогнулась в мощных, но неистово приятных конвульсиях.

На краткий миг всё померкло в глазах. А когда ко мне снова вернулась способность видеть, дин Ланнверт уже лежал рядом, удобно устроившись на боку и подпирая рукой голову.

— «Дрянные делишки». Так ты сказала, да? — он поднёс к моему носу блестящие, влажные от моей же любовной смазки пальцы, а когда я в смущённом негодовании отвернулась, тихо захохотал. — Не нахожу, чтобы всё это казалось тебе таким уж отвратительным и омерзительным.

О чём он? Я не успела спросить вслух, как вспомнила. Я же сама чехвостила их с Мелиной почём зря — именно этими самыми словами.

Ужасный дин Ланнверт, конечно, не мог упустить случая посмеяться надо мной.

Но после только что испытанного у меня не было никакого желания и дальше воевать. Мне даже язык не повиновался. Пусть говорит, что хочет, о боги, это было так...

Но дин Ланнверт не унимался.

— Ты когда-нибудь трогала мужчину здесь? — он взял мою руку и положил себе на пах. Я попыталась отдернуть руку, но он не дал. Под моей ладонью чувствовалось нечто большое... твёрдое.

Свободной рукой дин Ланнверт расстегнул пуговицы брюк. Я закусила губу и со смятием и трепетом смотрела туда, где вот-вот должно было появиться... то самое.

Нет, я никогда не трогала и даже не видела этот предмет. Только на картинках, которыми обменивались втайне пансионерки, с сопутствующими этому взрывами смеха и румянцем на щеках. А ещё у мраморных юношей с идеально вылепленным телом — маленький краник под аккуратным кустиком каменных волос.

То, что я увидела сейчас, походило на тот краник — да и на нарисованные мужские части не больше, чем слепленный ребёнком земляной пирожок походит на торт на королевском приёме. Этот... предмет — был большой, настоящий, даже какой-то угрожающий, он вызывал одновременно смущение и желание прикоснуться. Тёмно-розовая от прилившей крови головка смотрела прямо на меня, словно бросая вызов. Я невольно облизнула губы.

— Дотронься, — тихо сказал дин Ланнверт.

Я смятенно посмотрела на него, потом снова вниз. Дин Ланнверт аккуратно приблизил мою ладонь к этому... зверю, но не до конца, как будто хотел, чтобы я сделала это сама.

Смущение залило щёки таким горячим, как расплавленное олово, румянцем, что мне казалось, они пылают не хуже факела в ночи. Смущение и любопытство — два демона свили гнездо в моей душе и никак не давали покоя, терзали, подталкивая к действию.

Я шевельнула кистью, как бы прося дин Ланнверта отпустить меня, и его пальцы неторопливо разжались. Осторожно, подушечкой указательного пальца, я коснулась смотрящей на меня головки. Она оказалась на удивление шелковистой, но упругой, прогибалась под давлением.

Дин Ланнверт выдохнул сквозь зубы, и я взметнула на него испуганный взгляд:

— Больно?

Как посмотрела, так и не смогла отвести взгляд. У него в глазах была бездна. На меня никто никогда не смотрел так. Яростно, жадно, с явной ноткой безумия, и вместе с тем затягивающе нежно. Тысяча разных чувств, как в котле Райаса, короля преисподней.

Лицо дин Ланнверта рассекла кривая усмешка:

— Нет.

Он снова взял мою руку, направил пальцы к тому месту, где крылья головки смыкались и вниз вела тоненькая перемычка.

— Вот здесь, — выдохнул он, и его дыхание коснулось моего лица. — Коснись здесь. Да, вот так. М-м, молодец, малышка. Маленькая развратница. Моя маленькая развратница.

В следующий миг он вдруг вздёрнул меня вверх и поцеловал. Пальцы впивались в затылок, причиняя мне боль, но почему-то эта боль словно множила ощущения, делала поцелуй ещё острее и чувственнее. Потом дин Ланнверт снова рванул ленты моей ночнушки, содрал лёгкую ткань, отбросил в сторону. Я не успела вскрикнуть, сделала попытку прикрыться, но он сразу опрокинул меня на кровать и накрыл своим тяжёлым мощным телом. Раздвинул колени, поместился между ними, и я почувствовала промежностью жар его мужского органа. Он ткнулся во влажный ноющий вход, начал медленно продвигаться внутрь.

Я отчаянно забилась:

— Нет! Не надо!

Дин Ланнверт замер, сверля меня тёмным взглядом. Он жарко, тяжело дышал.

Я закусила губу. Если он не остановится, сама я не смогу ничего сделать. Ни сбросить его с себя, ни убежать, ни как-то помешать. Могу разве что попробовать повлиять на него с помощью своего дара, но для этого нужно время, дин Ланнверт успеет похитить мою невинность.

— Я не хочу... так... без освящения... без любви.

На глазах закипали непрошеные слёзы — от страха, от ощущения, что я попала в ловушку. А, может, от того, что между нами никогда не будет этой самой любви, мы враги, дин Ланнверт никогда не поведёт меня к венцу — да я и сама не представляла такое возможным. И ни за



что не сжалится, ведь это часть его мести, дочь его злейшего врага — абсолютно беспомощна, дрожит под ним полностью обнажённая, в его единоличной власти. Как просто ему сейчас обесчестить меня, причинить боль одновременно и мне, и моему отцу.

Но он, выругавшись сквозь зубы, приподнялся на руках, освобождая меня от плена своего тела. Я сжалась в комочек, а он, тяжело опустившись рядом, потребовал:

— Тогда так. Дай руку.

Не дожидаясь, пока я двинусь, поймал сам мою ладонь и уверенно опустил её на вздыбленный мужской орган. Я резко втянула в себя воздух: это было так неожиданно. И так странно — ощущать кожей ладони эту часть его тела, горячую, твёрдую, с обвивающими ствол венами.

— М-м, вот так... да, — дин Ланнверт водил моей рукой, быстро, сильно, резко, не останавливаясь, вверх-вниз. Его глаза заволокло туманом, но взгляд следил за мной всё так же неотступно.

Я опустила глаза на то, что он ласкал моей рукой. Невольно приоткрыла губы, как будто хотела лизнуть выглядывавшую головку, и даже не испугалась, когда услышала хриплый, с присвистом полувздых-полустон. Движения дин Ланнверта ускорились, он снова застонал, а в следующий миг упругий орган под моей рукой задёргался и в воздух выплеснулась белая жидкость. Я вздрогнула от неожиданности, но не отвела глаз и почему-то с жадностью смотрела, как головка выплёвывает остатки семени, как оно растекается по рубашке дин Ланнверта, как его крупная рука наконец разжимается и моя получает свободу.

Дин Ланнверт сыто, удовлетворённо вздохнул. Потом одним резким движением стащил с себя рубашку, протёр пах и бросил её куда-то на пол. Снял брюки — и те тоже отлетели в сторону. Следом настала очередь покрывала, и так смятого и скомканного от нашего противоборства. А напоследок дин Ланнверт повёл рукой, и по стенам, по окнам, по двери пополз тёмно-зелёный переливающийся узор. Он мгновенно затянул комнату шёлком, превратив её в украшенную изнутри коробку.

— Что это?

— Магия. А то некоторые только и норовят засунуть повсюду свой любопытный нос. А теперь спать, — чётко сказал дин Ланнверт и

по-свойски притянул меня к себе.

Я положила голову на его широкую грудь, всё ещё ощущая меня совершенно растерянной, смущённой, невероятно взволнованной.

Поставил магические запоры. Бойся за кабинет? Там такая мощная защита, я и в прошлый раз спаслась чудом. А может, он просто не хочет выпускать меня из своей спальни? Хочет... чтобы я пробыла с ним до утра?

Его сердце стучало ещё слишком сильно и быстро, но постепенно успокаивалось. А я долго не могла уснуть.

Дин Ланнверт уже дышал размеренно и тихо, а я всё лежала, уставясь в темноту, слушая его дыхание, чувствуя, как поднимается и опускается его грудная клетка, и молилась святой покровительнице.

Святая Миена, спаси и сохрани. И подскажи, дай знак — что это происходит со мной? Или, может быть, с нами обоими?

## Глава 13

Когда я проснулась, дин Ланнверта уже не было рядом, а запирающее заклинание исчезло. В первый миг я не поняла, где нахожусь, почему окно расположено в противоположной стене, потом всё вспомнила — и непроизвольно натянула одеяло на нос. Боги, какое счастье, что дин Ланнверт проснулся раньше. Не представляю, как бы я смотрела ему в лицо.

Что мы натворили вчера? Невозможно, невообразимо...

Но мы не дошли до конца. Я всё ещё чиста. Физически, как он вчера сказал. Правильность его слов отдалась во мне тягучим стыдом. Он прав, пусть я не знала ещё мужчину... полностью... в мыслях я перешла ту границу тысячи раз. Я и впрямь моральная распутница. То, что вчера это не случилось до конца — ничего не значит. Почти ничего. Всё равно мне не следовало позволять ему это, не следовало так горячо и самозабвенно отдаваться его ласкам, млеть от его поцелуев. Мы не только не муж и жена, но и враги, никогда не сможем быть вместе.

Но меня так сильно тянуло к нему. От одного взгляда на вызывающий изгиб его верхней губы внутри у меня словно начинали бурлить пузырьки шампанского, ударяя в голову. Мне нравились его руки, его плечи, его тело — я вспомнила, как вчера он мигом, без малейшего стеснения, избавился от одежды, и снова покраснела от томительного желания.

Я не понимала его. Я его боялась. Я видела, что он хочет меня, и в то же время кристально ясно сознавала, что нам никогда не быть вместе, что ни один из нас этого не желает в общепринятом смысле. Он хотел меня, чтобы отомстить отцу. Возможно, немного потому, что я привлекала его как женщина.

А я? Почему его хочу я? Неужели я действительно настолько развращена, до глубины души — что желаю его как мужчину без оглядки на обстоятельства?

Всё это было слишком сложно для меня, чтобы прийти к однозначному ответу.

Я осторожно, прикрываясь одеялом, выбралась из постели, подхватила с пола ночную рубашку, быстро надела. Воровато нажала на ручку двери и прислушалась к тому, что происходит снаружи.

Шум воды, доносящийся со стороны ванной комнаты, сразу подсказал мне, где дин Ланнверт. Тогда я быстрыми тихими шагами пересекла гостиную, выбралась через парадный выход, пробежала по коридору и скользнула к себе. На всякий случай придвинула к двери в ванную пуфик потяжелее. Для дин Ланнверта это, конечно, не преграда... но мне хотелось хотя бы символически возвести стену между нами.

Но он не пришёл, ни через ванную, ни через парадную дверь. Хотя наверняка сразу заметил, что меня нет, когда вернулся в спальню.

Растерянность, запоздалый испуг, страх, что его отношение ко мне изменится, что теперь он будет считать меня легкомысленной, грязной, терзали меня всё утро. Я даже подумывала остаться в своих покоях, не выходить на завтрак, но это было бы проявлением слабости. Нельзя сбегать от неудобной действительности.

Однако завтрак прошёл на удивление мирно.

Близнецы, как обычно, перешучивались, дин Койоха, успокоение моей души, окатил меня привычной лаской чёрных глаз, Мелина открыто игнорировала. На дин Ланнверта я не смотрела сама, боялась, что зальюсь краской и это меня выдаст. Только вслушивалась в его суховатый, чуть надменный голос, каждый раз невольно вздрагивая, когда дин Ланнверт начинал говорить. Мне всё казалось, он вот-вот обратится ко мне и скажет что-то, ясно показывающее, где я провела эту ночь. Но он ни разу не сказал обо мне ни слова, ни обиняком, ни напрямую.

Мелина заняла место рядом с дин Ланнвертом и старалась вести себя как ни в чём не бывало, но её выдержки явно не хватало: то дрогнут руки, то огреет меня ненавидящим взглядом, то голос нервно задрожит, задавая дин Ланнверту очередной ничего не значащий вопрос. Она несколько раз пыталась ужалить меня, подбирая фразы, намекающие на их тесную связь, но дин Ланнверт реагировал спокойно и холодно, слегка недоумённо, и на этом фоне Мелина со всеми её попытками смотрелась ещё более жалкой.

К концу завтрака мне даже стало немного стыдно за неё: и близнецы, и дин Койоха заметили, что с ней творится что-то неладное.

И если дин Койоха со свойственным ему благородством сделал вид, что ничего не понимает, то близнецы тут же завалили её насмешками, мол, голубки поссорились? Он тебя не удовлетворил вчера? Он что, не похвалил твою причёску?

Не скажу, что мне было приятно это слышать, но я сохраняла невозмутимость, чинно отрезала ножом кусочки мяса и отправляла в рот, притворяясь, что разговор ничуть меня не задевает.

Сразу после завтрака мы, как испуганные крысы, разбежались в разные места. Дин Ланнверт встал первым, Мелина сразу бросилась за ним, дин Койоха сказал, что поедет в город, а близнецы отправились кататься на лошадях по округе. Я хотела было попроситься с ними, но не была уверена, как поведёт себя метка. Пришлось сходить за книгой и привычно направиться в сад.

Выходя на лестницу, я услышала сзади шаги. Характерную быструю поступь, как будто идущий вбивает в пол гвозди. Походка дин Ланнверта. Мгновенно прохватило жаром, я невольно ускорила шаг. За весь завтрак я так и не посмотрела в его сторону, хотя несколько раз ощущала на себе его взгляд. Или мне казалось, что ощущала.

У меня не хватало духу встретиться с ним. Не сейчас, пусть пройдёт ещё немного времени. Тем более не хотелось видеть его с Мелиной. Хоть её шагов я не слышала, они могли просто утонуть в его чеканной поступи.

Я выскочила на галерею и на миг задумалась, идти прямо или вниз. Сад внизу, но дин Ланнверт наверняка тоже направляется к выходу. Лучше пропустить его, потом спущусь.

И я пошла через галерею в другой коридор, подавляя желание оглянуться. Но тут среди прохода выросла магическая переливающаяся решётка из зелёных прутьев. Я отпрянула, услышала за спиной шаги, в панике повернулась и увидела подходящего дин Ланнверта. Отступила к самой решётке, невольно хватаясь за прутья. А дин Ланнверт, не скрывая усмешки, подходил ближе.

В первый миг я обрадовалась, потому что он был один. Во второй — сердце попыталось выпрыгнуть из груди, потому что он зажал меня в тупик и смотрел на меня, как хищник на добычу.

— Тебе идёт решётка, — сказал он бархатным голосом, подходя и упираясь руками в прутья рядом с моей головой. — Может, поставить

в спальню? Хочу приковать тебя обнажённой.

Я залилась румянцем. Ничего не ответила, но, думаю, он и не ждал ответа.

Дин Ланнверт опустил взгляд на мои губы, и выражение его лица из насмешливого стало мечтательно-задумчивым. Я поняла, что он собирается делать, ещё до того, как он нагнулся и в самом деле поцеловал меня. Полузадушенно пискнула, ощущая его настойчивые губы. Магическая решётка стояла крепко, ничем не хуже настоящей, дин Ланнверт всем телом прижимал меня к ней. Руками он держался за прутья, не дотрагиваясь до меня, но прикосновения его плотного мускулистого тела было более чем достаточно. Я явственно ощущала, как нечто в той области, которая вжимается в мой живот, крепнет и растёт.

Дин Ланнверт отпустил меня внезапно. Одновременно исчезла и решётка, так что я пошатнулась, потеряв опору. Он поймал меня и некоторое время молча смотрел в моё лицо потемневшими глазами. Потом развернул, с возмутительной бесцеремонностью шлёпнул по попе и сбежал по лестнице вниз. Я подскочила к перилам, хотела что-то крикнуть ему вслед, но, поймав чужой ненавидящий взгляд, застыла.

Подняла глаза. С другой стороны галереи, этажом выше, стояла одетая для выхода Мелина и сверлила меня злобным взглядом.

Я напряглась. От этой ревнивой стервы можно было ожидать чего угодно. Особенно учитывая то, что она магичка и может убивать на расстоянии. Вряд ли, конечно, она осмелится на это... хотя то, что после моей смерти дин Ланнверт наверняка накажет её, было бы слишком слабым утешением. Но и просто так сбежать с поля боя я была не в силах.

Молчаливая дуэль взглядами продлилась недолго. Мелина фыркнула, показала мне грубый жест, которым обычно извозчики доносили друг до друга чужую неправоту, резко повернулась на каблуках и бросилась вниз по лестнице вслед за дин Ланнвертом.

— Сейдж! погоди! Я с тобой, — донёсся до меня её нарочито громкий голос.

Я мысленно пожала плечами, выждала, пока они удалятся на достаточное расстояние, и тоже спустилась. Мобиль как раз выезжал в открытые ворота. Тоже, значит, поехали в город.

Ну и пожалуйста. Хочет дин Ланнверт кататься с драгоценной наречённой — пусть катается. Только пусть тогда и не мечтает о том, чтобы снова устраивать мне... каверзы!

Чувствуя себя всеми брошенной, я заняла любимое местечко в саду и провела несколько часов, то читая книгу, то придумывая новые способы побега, то пытаюсь повлиять на метку своими жалкими силами (совершенно безуспешно).

А потом, вместе с довольным дин Койохой, который их и привёз, прибыли белошвейки.

Мне казалось, их первый визит случился так давно, я уже успела отчаяться и разувериться в том, что моя весть дошла, что с трудом вспомнила, какие надежды возлагала на них. Но ту самую девушку-белошвейку я узнала. Правда, уединиться с ней вышло далеко не сразу, а сведения, которые она принесла, ничем меня не обрадовали.

Да, она нашла дом пожилой нейди, о котором я говорила, передала всё нужное, нейди поблагодарила её и щедро вознаградила. Больше она ничего не знает.

Я растерялась. Ладно то, что бабушка не передала ответной вестки, можно понять. Я ведь якобы просила не искать меня. Но то, что уже прошло несколько дней, а со мной до сих пор никто не связался, отец так и не нашёл меня — это заставляло волноваться. Никто белошвейку ни о чём не расспрашивал, а ведь я надеялась, родные смогут узнать от неё, где я.

— Что-нибудь случилось? — спросил дин Койоха, когда девушки салона мадам Болевио уехали. — Вы выглядите расстроенной. Платья не пришлись вам по вкусу?

— Нет-нет, с ними всё хорошо, — я улыбнулась и взяла его под руку. — Я в восторге, посмотрите, какая красота, — я как раз надела одно из новых, которому хватило одной примерки, и девушки тут же, у меня на глазах, довели его до полной готовности. Мне очень понравился его нежно-бежевый цвет, рукава-фонарики и карамельного цвета отделка.

Дин Койоха окинул меня быстрым взглядом:

— Вам очень к лицу. Вам всё к лицу, — он улыбнулся, словно извиняясь за неожиданный комплимент. А потом озабоченно спросил: — Сейдж... не слишком докучает вам? Я слышал, он переселил вас поближе к себе?

Он смотрел испытующе, как будто готов был кинуться на защиту моей чести. «Поздно...» — шепнул внутренний голос.

Чувствуя, что розовею, я покачала головой:

— Благодарю за вашу тревогу.

Дин Койоха, обычно такой уравновешенный и невозмутимый, на этот раз никак не желал униматься.

— Я ему повторял, чтобы он оставил вас в покое и... — он вдруг взял мою ладонь, перекинутую через его локоть, и нежно пожал обеими руками. — Зовите меня в любое время, если почувствуете себя в опасности.

Его чёрные глаза показались мне взволнованными. А руки, сжимавшие мою ладонь, были чересчур горячи.

Боги, да он влюблён в меня, что ли?

Это открытие меня ошеломило. С одной стороны, это замечательно — влюблённый мужчина с большей готовностью согласится помочь девушке в беде. С другой — я совершенно не находила в себе ответных чувств. Не больше общечеловеческой симпатии.

Вот дин Ланнверт взволновал меня с первого взгляда, не знаю уж почему, виной тому его демонская харизма или издевательский пронизывающий взгляд, или манера вести себя, или внешность. Если так судить, то в последнем пункте дин Койоха не сильно ему уступал, он был почти такого же роста, прекрасно сложен, и его немного экзотичная для наших мест внешность уроженца юга сразу привлекала внимание.

Впрочем, не та ситуация, чтобы я могла позволить себе щепетильность. Если дин Койоха и впрямь влюблён — или влюбляется — в меня, это необходимо использовать.

В прошлый раз, когда я просила его помочь мне бежать, нас прервал дин Ланнверт. Сейчас его нет — это большой шанс для меня. Или лучше просить дин Койоху передать весть отцу? Пусть хотя бы анонимно отправит письмо. В таком случае риск для него будет минимальным.

Я только открыла рот, чтобы попросить, как внизу раздался шум.

Причём это был какой-то необычный шум, непривычный для этого тихого дома. Слышались яростные крики, кто-то требовал позвать целителя, кто-то возражал, что в таком случае целитель не



поможет и нужен специалист по проклятиям. Но больше всего меня насторожил — вернее, стегнул по нервам, заставил кровь в жилах заледенеть — высокий причитающий голос Мелины:

— Сейдж! Се-е-ейдж!

Я не помню, как спускалась, как летела вниз по ступенькам. Тяжёлая дубовая дверь отворилась легко, словно бумажная, солнечный свет на миг ослепил, и мне пришлось прищуриться, чтобы разглядеть собравшихся.

Первым в глаза бросился чёрный мобиль, потом незнакомый водитель в фуражке и при усах, стоящий у задней дверцы, почёсывая в затылке, как будто недоумевая, что теперь делать, и взволнованные, растерянные близнецы, обступившие машину. Не рассуждая, я пролезла между ними и заглянула внутрь.

Сердце чуть не остановилось. На заднем сиденье сидела заплаканная Мелина, а на коленях у неё покоилась бессильно запрокинутая золотоволосая голова. Я зажала рот, чтобы не ахнуть или не закричать, другой рукой впилась в бортик мобиля. Весь мир закружился перед глазами, и только лицо дин Ланнверта оставалось в фокусе.

Он был мертвенно бледен, глаза закрыты, кадык отчётливо выступал на крепкой шее. Но хуже всего было то, как от него пахло — запретной тёмной магией, безумным запахом адолеев. Не тем, что уже стал мне привычным, а каким-то иным, зловещим, чёрным, вкручивающимся в ноздри, леденящим кровь.

Этого не может быть! С ним же только что всё было в порядке. Буквально несколько часов назад он был совершенно здоров, смеялся надо мной, устраивал магические трюки! Что произошло?!

— Рейборн, Рейбо-о-о-орн! — завывала Мелина. — Я убью его! Убью!

Я вздрогнула. О чём она? При чём здесь отец?

Один из близнецов, поймавший мой безумный взгляд, пояснил:

— Рейборн проклял его. Тёмная магия. Достал же как-то, проклятый демон.

В ушах у меня зашумело, ноги подогнулись, я с трудом устояла. Отступила от мобиля, как будто Мелина сейчас могла накинуться на меня и закричать, что я дочь Рейборна.

Нет, нет... это не может быть отец. Отец не использует такие вещи.

Но только вчера дин Ланнверт сказал ему, что я у него. И что он не отдаст меня.

— Ты чего? — спросил второй близнец.

Я, не отвечая, покачала головой. Надо какое-то объяснение... придумать срочно... Но в голове была настоящая круговерть, я ничего не соображала. Запах адолеев навевал тошноту, мне казалось, я сейчас потеряю сознание.

На плечи легли тёплые руки. Над ухом послышался голос дин Койохи:

— Нейди Келина... вам нехорошо? Конечно, вы не привыкли к такому... Давайте я вас уведу.

Нет, я хочу остаться!

Я чуть было не сказала это вслух. Бросила взгляд на собравшихся, будто искала в ком-нибудь сочувствия, помощи, указания, как надо поступить. Но здесь у меня не было доброжелателей. Мелина смотрела как волчица, готовая загрызть, но не подпустить. Один из близнецов — чересчур пристально, как будто что-то заподозрил. И я смирилась.

Смирилась, но сердце рвалось туда, назад, сходило с ума, стучало так бешено, что перед глазами всё шло кругом.

Тёмная магия. Это не лечат. И по ней нет специалистов.

Святая Миена, пожалуйста, сделай так, чтобы это был не мой отец.

И, пожалуйста, пожалуйста, не позволяй дин Ланнверту умереть.

## Глава 14

Дин Койоха не увёл меня далеко, почти сразу я извинилась, сказала, что поднимусь к себе, попросила его вернуться к дин Ланнверту. Он послушался, а вот я только сделала вид, что иду вверх, к себе, а сама села на галерее в начале коридора, прячась за портьерой. Мне казалось, часть меня осталась там, снаружи у мобиля, рядом с дин Ланнвертом, и если я уйду слишком далеко, нить натянется, раздирая в ключья мою душу.

Место оказалось удобным, и через пять минут я увидела, как слуги осторожно переносят дин Ланнверта в зимний сад на первом этаже. По всей видимости, чтобы приглашённым осмотреть больного целителям не пришлось далеко ходить.

Не утерпев, я спустилась, когда приехал первый из них, тихонько вошла следом в зимний сад и притаилась среди пышной листвы. Даже отсюда слышался запах проклятия, запах адолеев. Дин Ланнверт лежал на кушетке в окружении эвкалипта и финиковых пальм, Мелина сидела рядом, у изголовья, растирая его большую безвольную руку, дин Койоха — чуть поодаль, оседлав высокий круглый стул с резной спинкой. Один из близнецов стоял за кушеткой, а второй прогуливался и разглагольствовал вслух, пока целитель спешно осматривал больного.

Почти сразу выяснилось, что помочь целитель и впрямь не в силах. Так же вышло и со следующими двумя, которые пожаловали в течение получаса. Даже специалист по защите от тёмной магии, который приехал последним — его явно нашли с большим трудом, их было всего несколько человек на всю столицу — покачал головой.

— Я впервые вижу такое. Исключительно мощное и гибельное проклятие. Оно поражает разум жертвы, порождает видения, бред... горячку, — темноволосый невысокий мужчина тщательно подбирал слова. — Я не в силах снять его, только отсрочить действие. Но я вижу, здесь уже побывал целитель, и самое необходимое уже сделано. Мне очень жаль.

— Так что, ничего нельзя сделать?! — резко спросил один из близнецов, кажется, Мейнор.

Специалист ещё раз покачал головой:

— Прогноз неутешителен. Единственное, что я могу вам посоветовать — это потребовать мнения других целителей и защитников от тёмной магии. Возможно, кто-то поймёт, как это снять, — было слышно, что он сам не очень верит в то, что говорит, что это лишь утешение, чтобы близким проклятого не пришлось сидеть сложа руки, ожидая его смерти. — Если способ снять заклятие не найдётся в ближайшее время, то он умрёт через несколько суток.

Умрёт.

В моём сознании это слово отозвалось как приговор — а Мелина взвыла в голос, оглашая зимний сад бессвязными воплями. Специалист попытался утешить её, сказал, что прогноз не на сто процентов верен, а дин Ланнверт молод и силён, и, может статься, его организм справится своими силами — но, боюсь, Мелина не поверила этому точно так же, как я.

К тому времени я уже поняла, подслушивая, что дин Ланнверт попал под действие проклятия в одной из своих деревень.

Утром от крестьян была жалоба на порчу, в леске неподалёку обнаружили следы ритуала, и дин Койоха ездил к ним разбираться. Выслушал жалобы, обследовал остатки ритуала, понял, что самому ему не справиться, и доложил дин Ланнверту. Именно туда последний и направлялся, когда поймал меня на лестнице.

Я сразу подумала, что порча как раз могла прикрывать проклятие, которое атаковало дин Ланнверта, но дин Койоха и Мелина оба утверждали, что порча была заковыристой, но самой обычной, без следа тёмной магии. Ещё настораживало то, что рядом с дин Ланнвертом никого не было, хотя сам момент происшествия Мелина не видела.

Они все, похоже, были уверены, что это дело рук отца, но у меня немного отлегло от сердца, когда я поняла, что самого Рейборна никто не видел и всё это только предположения.

После того как не сумевший помочь специалист по тёмной магии уехал, близнецы и дин Койоха отправились обследовать место происшествия. Проводив их взглядом, я тихонько сбежала к себе.

Находиться рядом с бессознательным дин Ланнвертом и Мелиной, которая то рыдала, то кричала, то бросалась ему на грудь и беззастенчиво целовала прямо в губы — было непереносимо. Мне хотелось прогнать её и вместо неё сесть рядом, самой держать его за руку, проверяя пульс, вытирать пот со лба, молиться, чтобы он переборол болезнь.

Хотя всё это вряд ли ему поможет. Вот если вспомнить всё, что я знала о защите от тёмной магии... Да, глупо надеяться, что справлюсь там, где оказался бессилён специалист, но я не могла ничего не делать.

Если так подумать, отец хорошо разбирался в защите от тёмной магии. До сих пор я думала, что это только во благо. Но если ты умеешь защищаться, то, наверное, можешь проклясть и сам?

Но если это и впрямь отец... сейчас, когда дин Ланнверт в таком состоянии, может, это шанс если не сбежать, метка не позволит, то хотя бы забраться в кабинет дин Ланнверта, поискать мой амулет связи. Ведь где-то мои вещи должны храниться, так почему не там, в святой святых?

Если я доберусь до отца, то смогу попросить его о помощи. Он обязательно снимет проклятие.

Я не успела добраться до кабинета. Прошло совсем немного времени, как в коридоре послышались шаги. Я насторожилась: шли несколько человек, и, судя по звуку, направлялись они сюда. Что такое? Вряд ли дин Койоха с близнецами успели вернуться — следовательно, это Мелина.

Дверь распахнулась без стука, и я убедилась в правоте своих предположений. На пороге, некрасиво, по-плебейски уперев руки в бока, стояла Мелина, а за её спиной виднелись две рослые горничные.

Я удивилась. Только что она рыдала и убивалась, а теперь выглядит так, словно наконец нашла виновную. Как будто стоит справиться со мной, как дин Ланнверт сразу магическим способом выздоровеет.

— Так, давайте берите её вещи и несите, куда я сказала, — скомандовала она, не утруждая себя приветствием.

Я поднялась с кресла и выпрямилась, расправив плечи, как учили в пансионате.

— Извольте объясниться, — проронила холодным тоном.

— Шиш тебе, а не объяснение, — она скрестила руки на груди и с превосходством уставилась на меня. — Теперь это мои покои. Я должна быть рядом с Сейджем. Берите её вещи и уносите, — последнее относилась к горничным.

Берите и уносите?!

Чтобы Тинна эс-Рейборн потерпела подобное обращение?!  
Никогда!

Нет, я не собиралась вцепляться Мелине в волосы (хотя мысленно с удовольствием представила, как выдираю ей лохмы). Я справлюсь с ней по-другому.

— По какому праву вы тут распоряжаетесь? — для начала решила напомнить, что она такая же гостья, как я. — Меня сюда поселил сам хозяин, не думаю, что ему понравится такое самоуправство.

— Думает она! — Мелина оскалилась. — Пока он без сознания, я за него отвечаю. Я тебя к нему не подпущу!

Она вела себя как хозяйка в доме. Может быть, она имеет для этого основания, как его невеста — слуги это знают, вот и слушаются. А может, слугам просто всё равно. Одно ясно: с ней разговаривать бесполезно. И не только бесполезно, но и опасно — она же магичка, кто знает, что взбрѣдет ей в голову, неровен час — и попытается усмирить меня с помощью магии.

Поэтому я спокойно сказала горничным:

— Проводите меня к мажордому, — и первая выскользнула из комнаты.

Слава богам, девушки, похоже, решили не вступать в разборки между двумя гостьями хозяина, не принимать открыто чью-либо сторону и послушно последовали за мной. Мелина кричала нам что-то вслед, но, к счастью, не пыталась остановить.

Надо надеяться, она не унижится настолько, чтобы самой перетаскивать мои вещи.

Нашла мажордома, я дала ему понять, что пока хозяин не пришѣл в себя, всем распоряжаться должен мажордом, а не Мелина. В итоге мне удалось отстоять свои комнаты (могла ли я подумать, что придѣт час, когда я буду защищать право жить рядом с дин Ланнвертом?), но Мелина долго шумела в соседней гостиной и по полу скрежетало что-то тяжѣлое — видимо, она забаррикадировала дверь ванной примерно так же, как я сама со своей стороны сегодня утром.

К вечеру я нашла в общей гостиной на втором этаже дин Койоха. Он, уставший, развалился на диванчике в коридоре и то ли дремал, то ли раздумывал так глубоко, что не сразу отреагировал на мой зов. Я расспросила его о результатах исследования, но дин Койоха покачал головой:

— Ничего полезного... увы.

Я отвернулась. Попыталась утешить себя тем, что зато и доказательств участия моего отца тоже не нашли. Утешение было слабым.

Специалист говорил, дин Ланнверт продержится всего несколько суток. Я просто должна, обязана помочь ему. Никто в этом доме не знает столько о тёмной магии, сколько я, дочь Олара Рейборна.

— Если он не придёт в себя... — мысль вырвалась вслух.

— Разве это не в ваших интересах? — вдруг отозвался дин Койоха — тихо и безэмоционально.

— Я не хочу, чтобы он умер!

Дин Койоха повернулся ко мне. Его чёрные глаза смотрели очень внимательно, как будто пытались прощупать душу.

— Я... — он запнулся, но продолжил: — Я только хочу предупредить. Простите мне эту назойливость и нескромность. Но... это демонское очарование. Не верьте ему. Это опасно.

Я застыла.

Я и сама это понимала. Дин Ланнверт сразу привлек меня к себе, сразу заинтересовал — именно своей жизненной силой и харизмой — которые на самом деле лишь следствие его одержимости?

Рука дин Койохи — крепкая, широкая, с выступающими венами — легла на мою. Я чуть не вздрогнула от ощущения его тёплой чуть шершавой кожи. Почему-то молча смотрела, как он осторожно, словно боясь причинить мне боль, сжимает мою ладонь.

— Не влюбляйтесь в него, — шепнул дин Койоха совсем тихо, на грани слышимости.

Святая Миена, это что же, мои чувства — как на ладони? Чем, когда же я выдала себя?

Его жаркий взгляд смущал меня. О боги. До сих пор тепло в его глазах казалось мне просто частью его доброго характера, но сейчас...

Словно отвечая моим мыслям, дин Койоха снова заговорил:

— Я не намного хуже Сейджа. Я не имею дела с тёмной магией, я безопасен. Я не настолько талантлив, но целеустремлён. У меня есть небольшое состояние. Я могу обеспечить вам хорошую жизнь.

Боги Авендаса! Это он что же, предложение мне делает?!

Я вскочила. Щёки полыхали, губы дрожали — и голос тоже дрогнул, когда я ответила:

— Сейчас не время и не место, чтобы говорить об этом...

Дин Койоха молча, спокойно смотрел на меня. Я быстро пожелала ему хороших снов — и сбежала.

Я проснулась посреди ночи, не понимая, что меня разбудило. Лежала с открытыми глазами, всматриваясь в темноту, вслушиваясь в звуки. Тихий стрёкот насекомых за окном, редкие крики какой-то ночной птицы — ничего подозрительного. Скрип разошедшегося дерева. Снова тишина — и доски пола вздохнули под чьими-то тяжёлыми шагами.

Я подскочила на кровати. Уставилась на дверь в гостиную, словно ожидала, что она вот-вот раскроется.

Кто ходит там? Посреди ночи?

И где именно? По моей гостиной... или по спальне дин Ланнверта?

Мелина всё же настояла на своём и ухитрилась остаться рядом с дин Ланнвертом: его уложили в отведённых ей комнатах. Раз я не позволила ей выгнать себя, она нашла другой способ указать мне своё место. Но кто тогда бродит в ночи по соседним покоям?

Я спустила ноги с постели. Брошенная рядом меховая шкура приятно пощекотала ступни. Осторожно, не переставая прислушиваться, я подошла к двери.

Мелина пришла отомстить? Вряд ли, тогда я проснулась бы с рукояткой кинжала в груди. Или, раз она магичка, от какого-нибудь убийственного заклинания. Да и шаги показались мне не девичьими.

Тем не менее мне стало не по себе. Жаль, что нет никакого оружия, даже моих амулетов. Разве что могу попробовать забить нападающего книгой.

Я подождала ещё некоторое время, а потом, набравшись смелости, разом толкнула лёгкую дверь.



Взору открылась тёмная гостиная. На первый взгляд абсолютно пустая.

Не удовлетворившись беглым осмотром, я запалила керосиновую лампу и обошла комнату, всматриваясь в каждый уголок. Сердце судорожно билось, но руки не дрожали. Я мысленно похвалила себя за самообладание. На самом деле душа ушла в пятки, я была готова закричать от любой вдруг резко двинувшейся тени, которые в изобилии отбрасывала моя же лампа. Но наконец я уверилась, что в моих покоях посторонних нет.

Значит, ходили по спальне дин Ланнверта? Я с сомнением взглянула на отодвинутую от двери в ванную кушетку. Перед тем как принять душ, я освободила себе дорогу. Но, помнится, Мелина перетаскивала мебель, так что этот путь наверняка закрыт. Остаётся идти через коридор.

Я осторожно выглянула наружу. Почти сразу сердце сильно ёкнуло в груди: дверь покоев дин Ланнверта была отворена.

Чувствуя себя самой настоящей шпионкой, я выскользнула в коридор и, крадучись, подошла к открытой двери. Тщательно прислушалась. Ни звука. Ни звука, ни всполоха — или внутри никого нет, или неизвестный обладает зрением кошки.

— Кто здесь? — решив застать его врасплох, крикнула я громко и угрожающе и, выставив руку с лампой вперёд, отчаянно бросилась в приоткрытую щель.

И застыла, поняв, что здесь тоже никого нет. Оставались следы устроенного Мелиной беспорядка, к двери ванной и впрямь был перетащен тяжёлый дубовый стол, поверх нагромождены книги и бумаги. Дверь в спальню дин Ланнверта плотно закрыта.

Зато последняя — в кабинет — стоит нараспашку!

В голове в одно мгновение промелькнули самые разные теории — и опровержение для каждой из них.

Дин Ланнверту стало лучше, он поднялся?

Ну да, и решил в полной темноте покопаться в своём кабинете.

А кто тогда? Умелый вор, узнавший, что хозяин при смерти?

Вор, который смог снять демонскую печать на двери? Нет, слишком невероятно.

Может, Мелина? Вдруг у неё есть право входить туда?

Но опять же, зачем тогда в потёмках?

Может, ещё не поздно разбудить кого-нибудь, например, близнецов, дин Койоху?

Последняя мысль показалась мне очень здоровой, но в следующий миг я решительно приподняла лампу.

Уговаривая себя, что если бы опасность грозила бы мне, то и вламывались бы ко мне, а не в опустевший без хозяина кабинет, осторожно потянула на себя ручку двери. Полуоткрытая, она с лёгкостью подалась, и я увидела широкий стол и несколько шкафов с книгами и свитками. За столом стояло высокое чёрное кресло с подлокотниками. В стороне стоял другой стол, с поверхностью, на которой удобно чертить мелом — у отца был похожий, и я сразу узнала стол для черчения ритуальных схем. Несколько таких схем висели, пришпиленные к стене.

Кабинет был совершенно пуст. Зато на столе стояла небольшая масляная лампа, как будто кто-то услужливо оставил для меня свидетельство своего посещения.

В следующий миг, узнав цепочки и кольца, поблёскивающие рядом небольшой горкой, я ахнула.

Мои амулеты.

Забыв об осторожности, я быстро поставила принесённую с собой лампу на край стола и принялась перебирать драгоценности. Нашла защитные амулеты, усиливающие, атакующие, даже ладанку с изображением святой Миены. Поднесла её к губам и молча возблагодарила покровительницу.

Не обнаружила я только амулет связи. Как будто неизвестный решил, что это будет уже чересчур. Боялся, что я вызову отца?

Но кто же это сделал? Кто вообще мог такое сделать — снять печать с двери, знать, где именно дин Ланнверт хранит мои вещи — выложить вот так услужливо, горкой... и разбудить меня, чтобы я немедленно всё нашла.

Теперь я была почти уверена, что меня разбудили специально.

Я, тщательно рассматривая и проверяя каждое колечко, каждую цепочку и заколку, вернула амулеты на законные места. По мере того, как горстка драгоценностей становилась меньше, взгляд привлекла бумага, на которой они лежали. Узор показался мне знакомым.

Я всмотрелась.

Сердце дёрнулось и застучало, как сумасшедшее.

Это же метка. Это схема метки и... объяснение, как её снять!

Я прижала лист бумаги к груди.

Боги сжалились надо мной! Это же путь к свободе!

Неужели дин Койоха?

Только он знал, что я хочу сбежать. И он, кажется, думает, что дин Ланнверт уже не очнётся. Последняя мысль отозвалась внутри болезненной судорогой.

Ну уж нет. Мы ещё посмотрим.

Теперь, когда ко мне вернулись мои амулеты, моя уверенность была крепче железа.

Я повернулась, вышла из кабинета, затем из гостиной дин Ланнверта, аккуратно прикрыв обе двери. А потом, вместо того, чтобы направиться к себе — вскинула голову и, не скрываясь, зашагала по коридору.

Уверена, кем бы ни был вернувший мне мои амулеты, он никогда в жизни не угадал бы, как я ими распоряжусь. Он сделал всё, чтобы я бежала сегодня, в ночи, когда хозяин поместья не сможет мне помешать, не пустится вдогонку. Не удивлюсь, если выйдя к воротам, обнаружу там привязанную лошадь под седлом.

Но я не могла сбежать, оставив дин Ланнверта умирать. Может быть, я и пожалею об этом, но ещё больше я пожалею — и никогда не прощу себе этого — если сейчас уйду.

Где располагаются комнаты Мелины, я знала.

Спит она или не спит, это уже не важно. С моими амулетами я чувствовала себя способной сразиться с целым полком магичек.

На двери и впрямь оказалось заклятие. Довольно простенькое, видно, было поставлено больше для порядка и, возможно, для того, чтобы слуги не шастали без спроса. Любой маг снял бы его щелчком пальцев. Вот для человека без дара это уже стало бы труднопреодолимым препятствием.

Трудно, но не невозможно, особенно когда дар, пусть и маленький, всё же есть, а к нему умение работать с амулетами.

Я выставила вперёд правую руку. На безымянном кольцо силы, на среднем — фокусировка, браслеты работают в качестве накопителей. Теперь левая — ощупать невидимые нити магии, распознать основные

узлы. На ней только небольшое колечко, помогающее сконцентрироваться, и оберег, сейчас ненужный.

Ну вот и всё. Определить ту ниточку, на которую завязано заклятие, осторожно потянуть — и всё плетение послушно расплзлось нитями силы, впиталось в накопители. Магическая энергия лишней не будет.

Дверь тихо отворилась. Внутри горел слабый свет: Мелина оставила лампу. В ноздри ударил сладковатый запах женских духов и каких-то то ли притираний, то ли средств для умывания. Ваниль, карамель, что-то тягучее и вязкое, липкое, как сама Мелина.

Кровать стояла здесь же, в другом углу просторной комнаты. Просторной, но довольно сильно захлавленной — одеждой Мелины и прочими вещами. Что-то в груди недовольно, как разбуженный посреди зимы медведь, заворочалось, когда я поняла, что они лежат на кровати вместе: дин Ланнверт, бледный, с закрытыми глазами — и Мелина с ним рядом, абсолютно беззаботно спящая, отвернувшись в другую сторону.

На миг я даже растерялась. Я готовилась сражаться, а она вместо того, чтобы выполнять роль сиделки, спокойно спит! А ему ведь явно нехорошо, на лбу снова выступил пот, дышит неровно, явно страдает.

Ну раз так... мне это только на руку.

Я осторожно подошла к кровати, вытянула ладонь прямо над лежавшей Мелиной. На расстоянии мои силы действуют хуже, но прикасаться к ней не хотелось.

Усиленный амулетами дар мгновенно углубил её сон, чуть сдвинутые брови разгладились, губы расслабились, в уголках даже как будто появилась безмятежная улыбка. Пусть себе спит и видит, что выходит замуж за дин Ланнверта, или ещё какую-нибудь чепуху. А у меня дела поважнее.

Я обошла кровать, встала перед дин Ланнвертом. Краем покрывала утёрла ему лоб. Положила руку на голову и зашептала расслабляющее заклинание. Убедившись, что ему немного полегчало, удовлетворённо кивнула.

Так. А теперь...

Мне стало страшно, по телу прокатилась глубинная дрожь, пришлось приказать себе успокоиться. Уверенности, что моя идея сработает, не было никакой. Да и идея была так себе — просто логика

и мысль о том, что клин выбивают клином. И те крупницы знаний о тёмной магии и тёмных сущностях, которые я впитала с детства.

Для начала...

Я взяла безвольно лежавшую вдоль тела руку дин Ланнверта. Обычно такая горячая, сейчас она показалась мне слишком прохладной, как будто он уже завис на той грани, из-за которой не возвращаются. Мотнув головой, отогнала несчастливые мысли. Осторожно, преодолевая тошноту, сразу ударившую под дых, стащила с его среднего пальца кольцо с огромным сапфиром.

Кольца магов — это особая статья. Настоящим сильным магам нет нужды полагаться на многочисленные усилители и накопители, как мне, обычно они используют один-два перстня. Зато такой перстень служит ключом ко всем чарам, он одновременно и помогает сфокусироваться, и усиливает, и хранит отпечаток самых часто используемых заклинаний.

На любом моём пальце перстень дин Ланнверта болтался, как обруч на столбе. Я продела в него большой, прихватила остальными, чтобы не сполз, вытянула руку перед собой и решительно произнесла:

— Фараиту!

То, насколько безумным был этот поступок, я осознала сразу. Навалилась почти непереносимая тяжесть, в ноздри хлынул запах ядовитых цветов, голова закружилась. Я словно летела стремглав в бездну, потеряв ориентацию, потеряв память о том, что хотела сделать. Мир сузился до размеров безжизненного лица дин Ланнверта. Но, возможно, именно его лицо и стало для меня наилучшим якорем.

Спасти его. Спасти, вытащить из пожирающей его тьмы, избавить от ведущего к смерти заклятия. Только я могу помочь ему. Нет, даже не так. Если я не справлюсь сейчас, мы оба умрём. Значит, я могу только удержаться, пройти по канатному мосту над чёрной пропастью — или умереть.

Сотканная из страданий и дыма, чужой боли и памяти волчья морда очутилась передо мной. Приветственно оскалилась, смрадомдохнула в лицо.

«Пришла... пришла... моя... моя-а...»

Я слышала его не словами, не мыслями, скорее обрывками чувств. Безумная дикая жажда, упоение смертью, желание поиграть со мной, вывернуть наизнанку и выпотрошить, всё это, доведённое до пика,

яркое, кристально чистое — было абсолютно нечеловеческим. Чуждая демонская сущность, пришедшая в этот мир только для того, чтобы жрать.

— Фараиту!

Первое и главное во взаимодействии с сущностями — знать его имя, тот набор символов, который используется для привязки. Это уже половина успеха, особенно вместе с перстнем хозяина. А вот остальное зависит от силы духа.

К счастью для меня, не силы магии. Именно поэтому тёмная магия становится таким соблазном для магов с небольшим даром. Но и остановить таких легко, даже если они срываются.

Смогу ли я устоять, не пожрёт ли мою душу Фараиту, я не знала. Но пути назад уже не было.

Демон то ярился и выл, то соблазнял меня картинками возможного будущего, показывал, как многое станет мне доступно, какие люди будут у моих ног. Бесцеремонно проникал в самые дальние уголки сознания, вытаскивал на свет самые тайные желания.

Когда-то мне казалось очень несправедливым, что боги отмерили мне лишь малую толику дара. Я до сих пор помню разочарование в глазах отца, когда в шесть лет он впервые протестировал меня. Он, конечно, пытался не показать этого, утешал меня — возможно, и себя самого — что дар развивается со временем, что результаты первого тестирования не приговор. Сама я отнеслась к этому больше как к забавной игре, но реакция отца запомнилась. Именно потому, что он слишком отчаянно пытался утешить меня. Думаю, ему тяжело было перенести, что его единственный ребёнок не получил его самого главного богатства. Но из-за этого я тоже почувствовала себя ущербной и весь вечер тихонько проревела в подушку в своей комнате.

Позже, став старше, я почти забыла об этом — тем более что я столько лет провела вдали от отца. Но сейчас, из-за воздействия Фараиту те полузабытые чувства вспыхнули ярче пламени.

«Давай же... — шептал бесплотный голос, — прими меня... стань единым со мной... ты будешь сильной, твоё имя станут помнить поколениями... ты сможешь спасти любого заболевшего, вылечить сотни людей, накормить тысячи, сделать счастливым каждого... моя сила станет твоей, я буду подчиняться, я стану твоими руками...»

Стать сильной магичкой. Доказать отцу, что я достойна его имени. Что в моих жилах не зря течёт его кровь. Сохранить и преумножить его славу.

Создать мир без недугов и нищеты. Мир, где детям не придётся слишком рано терять матерей, угасающих от неизлечимых болезней. Где нет сирот, нет голодных, нет умирающих прежде срока.

Идеальный мир с цветных рисунков для простонародья. Льстивая лживая сказка.

«Глупая девица!.. — демон зарычал, но тут же зашептал елейно-сладко, подсовывая в воспоминания лицо дин Ланнверта, его пылающий взгляд, его требовательные губы на моих губах: — Ты же хочешь, чтобы он был здоров? Хочешь, чтобы твой отец когда-нибудь пожал ему руку? Ты можешь вылечить его, если примешь меня. Примирить их обоих. Избавить его от одержимости. Ты вернёшь его в обычную жизнь...»

— Нет!

Нет. Я бы хотела избавить его, освободить от демона, вернуть демона в бездну. Но я знаю, какая цена потребуется за это. И знаю, что я, в отличие от дин Ланнверта, не выдержу долго под беспрестанным давлением голодного демона. Но на мгновение мысль о том, чтобы пожертвовать собой, освободив перед этим дин Ланнверта, показалась мне безумно соблазнительной.

Ведь если сорвусь я, то остановить меня будет куда проще, чем дин Ланнверта.

Я мотнула головой. Нет, это мираж, иллюзия. Я не выдержу вообще несколько. Демон пожрёт меня прямо сейчас, если я хоть на миг поддамся.

— Сними с него проклятие!

Демон взвыл, дыша мне в лицо зловонным запахом бездны. Волчья пасть безобразно распахнулась, кинулась на меня — и застыла, не в состоянии атаковать держателя кольца.

«Я пожру тебя... глупая девица... вообразила, что сможешь командовать мной...»

Я сосредоточилась. Не обращать внимания. Важна только цель. Тогда, в прошлый раз, я проиграла демонской силе, но сейчас — сейчас у меня есть мои амулеты, кольцо дин Ланнверта и знание.

— Фараиту! Заклинаю тебя твоим именем, повинуйся!

Визг сущности полоснул меня почти физически ощутимой болью. Перед глазами посыпался фейерверк сухих искр, на грудь навалилась тяжесть. Закусив губу, стиснув зубы, я противостояла, вытягивая вперёд руку с кольцом, из последних сил удерживаясь на ногах.

Столкновение воли, на душевном надрыве, вытягивая себя всю, всю себя превращая в сгусток желания, упорства, негибаемой уверенности. Я устою. Я выдержу. Я смогу.

И в какой-то миг демон уступил. Дал слабину, продавливаясь под силой кольца. Горестно взвыл, когда узы кольца крепко обхватили его, спеленали, заставляя повиноваться. Я чувствовала его неукротимую ярость, желание крушить и буйствовать — но глухо, сквозь пелену подчинения. Чувствовала, как он не желает делать то, что я требую, но всё же висит над дин Ланнвертом, превращается в бирюзовую дымку, впитываясь в его грудь и голову.

Я не боялась, что он сделает хуже. Узы не позволяли ему воспротивиться, сделать назло, вопреки моему желанию. Но с каждым мгновением мне становилось нехорошо, я стремительно теряла силы. Слишком много их ушло на противостояние. Ноги дрожали всё больше и больше, пока я не потеряла равновесие и не осела на пол прямо там, где стояла.

— Что ты здесь делаешь, воровка, взломщица?! Как ты сюда попала? Как ты вообще посмела?!

Не понадобилось даже поднимать голову, чтобы понять, кому принадлежит этот пронзительный, рвущий барабанные перепонки голос. Видимо, мощные магические возмущения разбудили Мелину, даже невзирая на усиленный сон. А я, кажется, ненадолго лишилась чувств, потому что ослепительно полыхавший сапфир в кольце дин Ланнверта погас и помертвел. Фараиту ушёл.

Я метнула испуганный взгляд на дин Ланнверта. Мне показалось, или он стал дышать немного легче?

Убедиться не удалось, потому что Мелина, словно дикая фурия, вскочила с кровати, выкрикнула заклинание, и ко мне метнулись кроваво-алые ленты. Они оплели мои руки, шею, вздёрнули вверх, так, что я зависла, опираясь на носки. Горло сильно сдавило, в глазах мгновенно потемнело.

Боги, она сейчас убьёт меня. Просто задушит. И никакие амулеты мне не помогут, потому что я вычерпала себя всю.



— Как ты попала сюда?! — повторила Мелина звонким злым голосом. — Кто тебе открыл?

Не отвечая — а ленты и не позволили бы мне ответить, — я лишь тянулась вверх, пытаясь вырваться и одновременно не потерять сознание от нехватки воздуха. Я прощалась с жизнью, когда раздался негромкий, охрипший, как будто им долго не пользовались, мужской голос:

— Псы Райаса, что тут происходит? Мелина!

Смертоносная хватка ослабла. Зато пронзительный вопль Мелины словно набрал силы, зазвенел в ушах, отражаясь многократным эхом.

— Сейдж! О боги... ты пришёл в себя?! Сейдж! Боги услышали мои молитвы!

Боги услышали.

Не боги услышали, а я пришла и сделала, подумала я, валясь кулём. Сознание стремительно ускользало. Последним, что я почувствовала, были чьи-то сильные руки, поднимавшие меня с пола, и хорошо знакомый, какой-то родной запах адолеев.

## Глава 15

Я пришла в себя довольно быстро. По крайней мере, я так подумала, потому что дин Ланнверт всё ещё нёс меня на руках — но были мы уже в моих комнатах, точнее, в спальне.

В себя я пришла, но притворилась, что всё ещё в обмороке. В мыслях царил сумбур. Беспокорство за дин Ланнверта, который только что вернулся к жизни, а уже таскает меня на руках, переплеталось со страхом и неуверенностью. Боги, он неминуемо заметит мои амулеты. И... разве ему можно уже так напрягаться? Проклятие и впрямь снято?

Шёлк покрывала лёг под спину. Дин Ланнверт положил меня на кровать и негромко спросил:

— Ты в порядке?

— Да, — я открыла глаза, рассудив, что нет смысла притворяться. Горло побаливало, наверное, останутся следы. Но чувствовала себя я нормально, разве что одолевала невероятная слабость.

— Тогда подожди. Мне нужны объяснения, — едва сказав это, дин Ланнверт поднялся и вышел.

Дверь закрылась. Я непонимающе посмотрела ему вслед, а потом, опомнившись, принялась снимать амулеты. Надеюсь, он не успел их увидеть.

Слабость не позволяла двигаться, и я недолго думая ссыпала драгоценности в щель между матрасом и изголовьем. Они с тихим шорохом скользнули вниз. Я улеглась на подушку и выдохнула.

Вот сейчас был бы прекрасный шанс сбежать, если бы не проклятая слабость. Я чувствовала себя как варёное тесто, руки и ноги не поднимались. Надо отлежаться и только потом думать о побеге.

Но куда ушёл дин Ланнверт? Неужели отправился требовать этих своих объяснений от Мелины? Она уж ему объяснит!

Я снова заволновалась, беспомощно уставилась на дверь. Прямо хоть беги за ним — да никак. Оставалось лежать и гипнотизировать дверь, прислушиваясь к звукам.

Дин Ланнверт вернулся минут через десять. Он, похоже, всего лишь принимал душ: мокрые волосы топорщились, на плечах висело полотенце. И он был одет в одни лишь полотняные штаны.

Я отвела глаза от покрытого капельками торса. Невольно задержала дыхание, когда дин Ланнверт сел рядом и его взгляд скользнул по моим плечам, только и торчавшим из-под одеяла.

— Я слушаю, — по-королевски проронил несносный маг. — Что произошло?

— А что ты вообще помнишь? — я решила зайти издалека.

Дин Ланнверт поморщился.

— Попался, как зелёный пацан, — сказал он с досадой. — Он обвёл меня вокруг пальца. Не знаю, как, но он ухитрился полностью скрыть своё присутствие.

— Ты о ком? — сердце забилося быстрее. В груди заняло плохое предчувствие.

— О Рейборне, о ком же ещё, — дин Ланнверт бросил на меня нечитаемый взгляд. — Кто ещё мог достать меня через защиту, да ещё и тёмной магией. Во всей Ране есть только один человек, способный на такое.

— Ты его видел? — я не могла поверить, но знала, что дин Ланнверт не станет обманывать меня. Ему незачем это делать.

— Нет, но это точно был он. Отпечаток его магии я узнаю даже на том свете.

— Может, это его ученик? Или кто-то специально подражал его магии? Может, кому-то третьему выгодно, чтобы вы враждовали?

— Глупости. Не старайся обелить своего отца, птичка. У него есть основания желать моей смерти.

Неожиданно ласковое обращение заставило меня замолчать. Особенно вкупе со смыслом всей фразы. Я знала, что дин Ланнверт ненавидит отца. Но не догадывалась, что это может быть взаимно. Мне казалось, отец даже не подозревает о его существовании, и тем более не может желать ему смерти.

— Что это за основания? — спросила я, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Тебе неинтересно, это мужские игры.

— Скажи... пожалуйста.

Дин Ланнверт пожал плечами, чуть вздохнул, как будто досадуя на моё навязчивое любопытство. Монотонно заговорил:

— Я обложил его по всем фронтам, я увожу у него заказы, я убиваю его людей, день за днём загоняю его в угол. Я очень давно на него охочусь. Я его самый главный соперник, птичка. Деньги, положение, имя — я отрываю от него по кусочку. Но пока что мне не удавалось ранить его в самое нутро. Он очень тщательно хранит то, что ему по-настоящему дорого. Но теперь у меня есть ты, — дин Ланнверт вдруг протянул руку и коснулся моего лица.

Я поспешно отвела глаза. От этого прикосновения меня словно облило лавой.

— По-моему, ты ошибся. И я сама тоже. По-моему, я вовсе не так дорога отцу, как ты думаешь. Ведь иначе он бы не оставил... меня здесь.

Дин Ланнверт тоже ничего не ответил, только хищно и загадочно усмехнулся.

— Так что именно произошло? — пытливо спросил он. — Я помню, как он достал меня... а потом ничего толком не помню, — он поморщился, — пока не очнулся от вашей базарной склоки.

— Базар... — я задохнулась от возмущения. Потом поймала в его глазах искорки смеха. Ах негодяй! Да он смеётся надо мной. — Ваша невеста меня чуть не задушила, мессир!

— Невеста?

— Невеста, наречённая, мне всё равно, — я пожала плечами и отвернулась. Это слово, свидетельствовавшее об их близости, меня ранило.

Точно, я и забыла, она же его невеста. У неё есть права на него. Почему он тогда сидит здесь, со мной? Шёл бы утешать свою драгоценную!

— Почему «невеста»? — дин Ланнверт вдруг усмехнулся. — Кто тебе такое сказал?

Я метнула на него непонимающий взгляд. Кто именно сказал, я уже и забыла, то ли дин Койоха, то ли близнецы, постоянно отпускавшие шуточки на тему их близости. Да и поведение Мелины говорило само за себя.

— Мы с ней учились вместе, — это прозвучало почти как оправдание.

— Только учились? — недоверчиво спросила я.

— Только или не только, какая разница, — дин Ланнверт поморщился. — Меньше слушай её. И ты расскажешь наконец или нет? Или мне идти расспрашивать Мелину? Это ведь сделала ты? Сняла проклятие. Как? Мне нужно знать.

Под его пытливым взглядом я чувствовала себя как на плахе. Вытянула из-под одеяла руку. На ней всё ещё красовался чудом не слетевший его перстень.

— Вот... собственно, это всё, — я стянула его, положила на протянувшуюся навстречу широкую ладонь. — Я приказала ему... твоей тёмной сущности.

— Ты приказала? — дин Ланнверт сделал ударение на первом слове. Быстро надел кольцо на законное место и перехватил мою руку, не давая убрать обратно под одеяло.

У меня невольно загорелись щёки от интимной близости этого прикосновения. Я сбилась с заготовленной реплики:

— Д-да... вспомнила... демоны свободно обращаются с тёмными чарами.

— Это верно, но как ты смогла ему приказать? — дин Ланнверт смотрел на меня так, словно у меня выросли рога. — И как тебе вообще пришла в голову такая опасная идея?

— Зато она сработала, — я вырвала руку и всё же спрятала её под защиту тёплого одеяла.

— Ты... нет, ты не понимаешь, — дин Ланнверт разгорячился как-то вдруг, схватил меня за плечи, затряс. — Это какое-то чудо, что она сработала, что Фараиту не сожрал тебя! Девчонка, ты вообще понимаешь, куда ты лезешь? Ты могла умереть — и куда худшим способом, чем ты можешь себе представить! И... и я не понимаю, зачем? Почему ты вообще решила помочь мне?

Он нависал надо мной, заставив невольно вжаться в подушку и крепче прижать к груди одеяло. Глаза сверлили меня, не отпуская ни на миг, сверкали, метали молнии.

А ведь это страх. Он кричит потому, что испугался за меня. Запоздалый страх.

И я вдруг перестала бояться сама. Родились какие-то другие чувства, придающие уверенность, окрыляющие, уносящие туда, откуда нет возврата. Я выпростала руку, погладила дин Ланнверта по щеке.

Успевшая отрасти щетина, ещё не заметная глазу, чуть кольнула ладонь.

Он перехватил её, сильно, до боли сжал. И всё это не отпуская взглядом моих глаз. Помотал головой. Повторил:

— Почему ты спасла меня? Я твой враг. Твой и твоего отца. Почему? Говори!

Голос был жёсткий, а взгляд — взгляд совершенно отчаянный. Безумный. Требующий, пронзительный, ранящий взгляд.

— Я думала, ты умрёшь, — шепнула я. Внутри стало так горячо, почти нестерпимо, как будто проснулся вулкан, как будто я сгорала в собственном огне. Он посмеётся надо мной сейчас. Вывернет всё наизнанку, сравнит с Мелиной или назовёт идиоткой. Он, конечно, прав, затея была и впрямь идиотская. Но я не могла уйти, сбежать, оставив его умирать.

Дин Ланнверт молчал, а потом резко спросил, отпуская мою ладонь:

— Я тебе дорог?

Вопрос не успел отзвучать, а я — ответить даже самой себе, как дин Ланнверт перебил:

— Молчи! Ты лжёшь. Скажи, что ты всё лжёшь. Ты Рейборн. Ты хочешь только поймать меня, посадить на крючок лживых признаний.

Я только покачала головой.

— Меня действительно... вытацила ты? Если это правда... это ведь правда? — спросил он лихорадочно и, не дожидаясь ответа, сам продолжил: — Ты ведь могла дожидаться, пока я сдохну. Я мог сдохнуть, если бы не ты. Ты сделала это потому, что... выбрала меня? Не своего отца? Не свободу? Да скажи же хоть что-нибудь!

А я ничего не могла сказать. Горло, и так измученное лентами Мелины, сжалось, не пропуская ни звука. Да я и так ничего не сказала бы. У меня не было ответа на его вопрос. Выбрала? Я ничего не выбирала. Я просто делала то, что не могла не делать. И я была полна намерений убежать, убедившись, что с ним всё в порядке. Просто не успела. Я и сейчас была полна этих намерений.

Мне нельзя тут оставаться. Он поймёт, что мои вещи исчезли из его запертого кабинета, найдёт их у меня, разозлится. Снова обвинит в тысяче гадостей. Я должна бежать, должна вернуться к отцу.

Успокоить его, сделать всё ради того, чтобы они примирились. Стать тем мостиком, который соединит их.

— Тинна... — дин Ланнверт позвал меня так, как никогда не звал, таким голосом, которого я никогда от него не слышала — каким-то растерянным, отчаянным и жадным. — Будь со мной. Обещаю, ты не пожалеешь, останься со мной... Стань моей женой.

Я застыла. Подняла на него ошеломлённый взгляд. А дин Ланнверт, словно пытаясь помешать мне ответить, подался вперёд и поцеловал меня. Исступлённо, как изголодавшийся зверь. Путаясь руками в моих волосах, глядя пальцами лицо, сминая губами мои губы. Он словно цеплялся за меня, как будто я была самым ценным, что у него было. Единственным, что имело смысл.

И я отвечала, как изголодавшаяся, как обезумевшая. Я бы просто не могла его отвергнуть, не после того, как он вернулся с того света. Его натиск, его запах сводили меня с ума. Как и то, что только что он лежал и умирал, а теперь снова был жив и целовал меня. Как и его жаркое дыхание и наша отчаянная нужда друг в друге.

Его слова: «стань моей женой» — ещё звучали в моём разуме. Но я воспринимала их по-другому. Он имел в виду: стань моей, будь со мной — навеки, пока, как говорят в храме, смерть не разлучит нас. И я не могла дать обещание, что останусь с ним навсегда, но быть с ним сейчас — я могла. Только сейчас, только одну ночь перед тем, как я уйду.

Он безумец, но я нужна ему. Он одержим, невыносим, опасен, но я не могу и не хочу отдавать его никакой Мелине. Он должен быть моим и будет моим.

Дин Ланнверт попытался остановиться, но я поймала его губы, не позволив ничего спросить, ничего сказать. Сама запечатала их поцелуем.

— Тинна-а, — хрипло простонал он. — Ты меня с ума сводишь... ты опасна. Ты как ядовитый плющ, не успел оглянуться, как уже с блаженной улыбкой умираешь.

Я кивала, слушая его прерывистый жаркий шёпот.

Да-да, так и думай. Так и чувствуй, меня это устроит более чем полностью. Лишь бы ты не понял, что ты для меня такой же яд.

Одеяло отлетело в сторону, содрванное нетерпеливыми руками. Следом полетела моя ночная рубашка. Мы стремились навстречу друг другу с жадностью голодных душ, пили друг друга, терзали, не разнимая объятий. Не было ни страха, ни недоверия, хотя я знала, что свершится через несколько минут. Если раньше меня пугала мысль о том, чтобы быть с мужчиной, не обвенчавшись с ним, казалось, что так поступают только недостойные распущенные девушки, то теперь я всей своей сутью понимала и чувствовала, почему так случается.

Потому что быть с ним здесь и сейчас ценнее всего на свете. Не страшно отдаться ему, не страшно потерять честь — потому что он дороже чести.

Не знаю, о чём думал он... Сейдж. Я впервые осмелилась произнести про себя его имя. А потом вслух, на вздохе, когда его нетерпеливые губы накрыли мой сосок. И ласки его стали в тот же миг ещё исступлённее, ещё яростнее.

— Тинна... — отозвалось эхом.

Как же мне нравилось слышать своё имя из его губ. Наполненное самыми разными чувствами, как будто вырвавшееся из глубины души, через все запреты и печати. Как первобытный зов, призыв самца, на который самка не может не отозваться.

Тело и волосы Сейджа ещё хранили влагу. Я вжималась в него, стискивала пальцами затылок, стонала от жёстких поцелуев. Проклинала его медлительность, потому что он медлил, будто давал мне шанс передумать, оттолкнуть. Медлил, пытался быть нежным и срывался в бешеную страсть, и поцелуи снова жалили, пальцы впивались до боли. Мне нравилась эта боль. Мне нравилось, что я так действую на него, настолько, что он не всегда может владеть собой. Нравилось чувствовать, что он на грани. Я и сама была на грани.

Остановила его, когда он, целуя мой живот, двинулся вниз. Я хотела, чтобы это скорее случилось. Хотела скорее ощутить его внутри, целиком принадлежать ему. Он понял. Снова поцеловал меня в губы, жёстко и требовательно, коснулся пальцами горевшего от желания места между ног. Я невольно выгнулась навстречу.

Хорошо, что Сейдж не стал спрашивать, уверена ли я, не пожалею ли. Я бы разозлилась, если бы он промедлил ещё хотя бы пару мгновений, если бы тратил драгоценное время нашей близости на такие нелепые вопросы. Но почти сразу место пальцев заняло нечто



иное, большое и твёрдое. Оно уверенно вторглось внутрь. Одновременно Сейдж впился поцелуем в мой рот — а внизу вдруг резанула острая боль.

Я невольно ахнула, попыталась оттолкнуть его, но он не отпуская, целовал жарко и отчаянно, ласкал грудь, и постепенно боль начала утихать. Я по-прежнему чувствовала её, но куда слабее, чем в первый миг. И ещё я чувствовала внутри себя его. Это было... странно. Странно, но не неприятно, скорее непривычно и как-то... волшебю.

Его поцелуи стали нежнее, осторожнее, словно сдерживавшие его цепи наконец сорвались, и он получил свободу от помешательства, передышку для сходящего с ума сознания. Пальцы касались моего соска, то ласково, едва ощутимо, то сильно, отчего внизу сладко и болезненно сжималось. А потом Сейдж начал двигаться во мне, и я снова ахнула, но уже не от боли — от незнакомой прежде томительной слабости, саднящего чувства, смешанного с наслаждением, робким, ни на что не похожим, заставившим меня растерянно распахнуть глаза, привыкая.

Сейдж выдохнул через стиснутые зубы, приподнял голову. Его мощная шея, плечи напряглись. Потом он снова посмотрел на меня долгим отчаянным взглядом из-под опущенных ресниц. Позвал по имени, и, отвечая его глухому гортанному голосу, по телу промчалась волна мурашек. О боги... как же это чудесно. Вот так быть вместе, плавиться в его объятиях, отвечать на его поцелуи, пробовать на вкус пленивший меня с первого взгляда чувственный изгиб верхней губы. Отдаваться этой странной слабости, этому томлению, кольцами опоясывающему тело и поднимающемуся вверх. Чувствовать, как, реагируя на прикосновения его пальцев, его губ, сладко сжимается внизу живота, именно там, где нечто мощное неумолимо движется, входит в меня — глубоко, до предела, выходит, задевая средоточие самых ярких ощущений, и снова входит, заставляя меня хватать ртом воздух от накатывающих волн удовольствия.

Сейдж не выдержал первым. Задвигался быстрее, уже не целуя меня, а просто прижимая к себе, так яростно и крепко, словно я могла сбежать. Я выгнулась в его руках, раскрываясь навстречу, принимая, изнывая от внутреннего жара. С глухим неистовым стоном Сейдж снова накрыл мои губы жёстким поцелуем, и одновременно его движения стали совсем быстрыми, резкими и сильными, так, что я

почувствовала, как будто лечу в пропасть. И что-то внутри меня словно изверглось горячей лавой.

Сейдж замер, зарываясь лицом в мои волосы, тяжело дыша. Потом ещё раз быстро поцеловал и враз вышел из меня, опустился ниже, между моих раздвинутых ног. Я не успела понять, что он делает, как почувствовала его язык на самом чувствительном месте. Невольно застонала, схватила его за волосы, сама не соображая, что делаю, то ли пытаюсь остановить его, то ли хочу ощутить его глубже и сильнее. Всё чувствовалось так остро, внутри горячо пульсировало, я ещё не успела отойти. Саднящая боль ещё тянула вниз, но Сейдж больше не касался меня изнутри, его пальцы и язык действовали только снаружи, и наслаждение превышало боль, заглушало её, оставалось главным. И крепчало с каждым мгновением, пока я не застонала, содрогаясь в экстазе.

Вот и всё... теперь я принадлежу ему вся, полностью. Я совершила этот шаг и не собираюсь о нём жалеть.

— Теперь ты совсем моя, — словно прочтя мои мысли, Сейдж отозвался жарким шёпотом, укладываясь рядом со мной. Его тяжёлая рука по-свойски обняла меня привлекая к его горячему, влажному от пота телу. — Моя птичка... — его голос дрогнул, и в тот же миг Сейдж зарылся лицом в мои волосы, приник губами к затылку, горяча дыханием, пуская по моей коже мурашки.

Я закрыла глаза. Боги, как бы мне хотелось, чтобы эта ночь не кончалась. Хотелось вечно лежать так, растворяясь в уютном объятии его сильных рук, в его запахе, в ровном дыхании, чуть заметно колыхавшем мои волосы. Сейчас не существовало ничего, кроме нас, ещё наполненных до отказа друг другом, но уже на рассвете, как только эта ночь уйдёт, спрячется под стрехи домов, всё неотвратно изменится. Мы снова станем похитителем и пленницей, представителями враждебных лагерей, между нами будет Мелина... и мой отец.

Поэтому, ради того, чтобы у нас было иное будущее — наше совместное будущее, — я и уйду сегодня.

Дождавшись, чтобы дыхание Сейджа успокоилось, я осторожно вывернулась из его рук. Он протестующе замычал сквозь сон, попытался притянуть меня обратно, но я тихо зашептала:

— Мне нужно в уборную, я быстро.

Это была ложь, конечно.

Подобрав ночную рубашку, я вышла. Прижалась спиной к двери в спальню. Уходить было так больно, что мне казалось, вместо сердца у меня раскалённый прут. Стоило только подумать, что утром Сейдж не найдёт меня... представить его ярость и его боль, его непонимание, как идея с побегом начинала казаться безумной.

Но если не сегодня, то никогда.

Нет, может быть, если я останусь, он и простит меня, когда обнаружится, что его кабинет был взломан и исчезли мои амулеты. Но тогда он непременно начнёт искать моих сообщников. Я не могла подставить так неизвестного доброжелателя.

Нужно бежать, нужно наконец поговорить с отцом, нужно прекратить эту бессмысленную вражду. Сейдж чуть не умер на этот раз — а на следующий может умереть отец. Я не хочу никого терять. И только поэтому уйду.

Я подождала ещё несколько минут, потом тихо скользнула обратно в спальню. Как я и думала, Сейдж уже крепко спал. Достать амулеты, снять с плечиков платье, с полки — свежее бельё, и я снова юркнула в гостиную, переоделась и быстрым, лёгким, по возможности неслышным шагом направилась вниз.

За окнами неотвратимо светало. Нужно было торопиться.

Заклинание снятия метки я выучила наизусть, оно оказалось довольно несложным. Заодно восхитилась умом Сейджа, который придумал такое чистое, лаконичное и эффективное заклятие. Недаром дин Койоха говорил, что он гений.

Метку я сняла на подходе к калитке — той самой, через которую Сейдж однажды вытолкнул меня, чтобы показать действие заклинания. Почему-то показалось, бежать отсюда будет безопаснее, чем идти по широкой дороге к главным воротам. С непонятным себе самой сожалением я посмотрела, как исчезает чёрный цветочный узор, а потом осторожно открыла простенький запор.

Калитка с лёгким скрипом затворилась за мной. На сердце вдруг стало так тяжело, что я поморщилась, потёрла грудную клетку.

Не думать. Главное — не думать о том, что остаётся за спиной. Только о том, что впереди.

Я вдруг вспомнила, что это был один из девизов моего отца. Должно быть, в его прошлом тоже было немало такого, что он

заставил себя забыть. Вычеркнуть из памяти — чтобы жить дальше.

Я шла вдоль ограды, путаясь в высокой траве. Высматривала лошадь под седлом — потому что внутреннюю уверенность, что мой доброжелатель всё подготовил, нельзя было ничем вытравить. Ведь не для того он вернул мне мои амулеты, чтобы меня убили бандиты или съели дикие звери, когда я буду брести пешком до города. Или нагнал Сейдж — пусть по замыслу доброжелателя он и должен был быть обезврежен.

И, повернув за угол, я и впрямь увидела недалеко от главных ворот поместья осёдланную лошадь.

Или нет, погодите — двух осёдланных лошадей. И мужчину, расслабленно прислонившегося к стене, постёгивая хлыстиком голенища высоких сапог.

Вот только этого мужчины никак не могло быть здесь сейчас.

Горло перехватило намертво, как будто меня снова атаковали магические ленты Мелины. Я остановилась, ноги стали тяжёлыми, как камень, и я только и могла смотреть, как мужчина поднимает голову, как его лицо озаряет улыбка, и как он, оторвавшись от стены, идёт ко мне, жизнерадостно заявляя:

— Ну наконец-то! А я уже отчаялся дождаться!

— О боги... — горло наконец заработало. — Что ты здесь делаешь, Айлес?!

Как вообще очутился здесь мой жених из Ордона?!

## Глава 16

### Сейдж дин Ланнверт

Когда я очнулся, в окнах уже пробивался серый рассвет. Тинны рядом не было, только подушка хранила аромат её волос. Решив, что она уже поднялась, я сгрёб эту подушку, вжался в неё лицом, вдыхая будоражащий запах. В паху тут же прострелило, отзываясь.

Вспомнилась вчерашняя ночь. Моя маленькая птичка в моих руках, подмятая моим телом, стонущая от моих прикосновений. Распалённая, нежная, жадная — позволяющая мне всё, доверяющая полностью.

Она ведь приняла моё предложение, верно? То, что она позволила мне потом, и было её ответом. Чёткое «да». Однозначное «я твоя». Она выбрала меня.

Я не помнил, когда бы чувствовал себя настолько счастливым. Ни одного мига в моей сознательной жизни не было, чтобы всё виделось настолько прекрасным, правильным, полным надежд. Даже Фараиту скрылся с недовольным бурчанием, спрятался где-то внутри меня.

Тинна всё не возвращалась, и я встал сам. В чём мать родила прошёл в ванную комнату. Я был уверен, что она там, и хотел смутить, снова увидеть её зардевшееся личико. Она так забавно краснеет. Но почему-то ванная была темна и пуста.

Я прошёл её насквозь, попытался открыть дверь к себе, но к ней было что-то придвинуто, пришлось упереться плечом. Наконец раскрыв, я понял, что кто-то подтащил к двери стол. Зачем? Что вообще происходило здесь, пока я боролся с проклятием?

— Тинна!

Ответа не было.

Недоброе предчувствие захлестнуло меня. Фараиту зарычал, прогоняя по телу волны ярости. Я тут же проверил метку — и не поверил результату, когда импульс ушёл в никуда. Метки как будто никогда не существовало. Это было неправильно, совершенно

непонятно. Даже если бы Тинна была мертва, импульс должен был обнаружить это. Но отклика вообще не было, словно метку кто-то взял и развеял.

Развеял?..

Я рывком распахнул дверь в кабинет. Сразу заметил снятые печати. Кто, Райас его побери, мог снять мою защиту?!

Но пёс с ней, с защитой. Я метнулся к столу, выхватил ящик. Застонал в голос.

Они пропали. Мои самые главные изыскания, мой труд жизни. Абсолютное оружие, которым можно вооружить любого, даже не мага. Венец моих исследований, которым я так гордился, который должен был сделать меня знаменитым — куда там Рейборну! Если продать эти разработки королю самой захудалой страны, он завоюет весь мир. Я держал их здесь, в зачарованном ящике, в запёртом демонской печатью кабинете, под такой надёжной охраной!..

Мозаика сошлась.

Она обманула меня. Маленькая дрянь. Обвела вокруг пальца. Сломала защиту кабинета, выкрала сведения...

Фараиту торжествующе взвыл. Злорадство, предвкушение мести, насмешка — колючие плети стегнули душу, обвили крепко, пуская корни.

Я метнулся к ларцу, с трудом, дрожащими от злости руками, открыл.

Ну конечно. Внутри было пусто. Её драгоценности пропали все до единой.

Какой же я болван! Какой идиот! Да она же всё это планировала. Ярость путала сознание, я с трудом пытался мыслить рационально.

Но ведь она сняла с меня демонское проклятие?

Да нет же! Ничего она не снимала! Я очнулся сам, организм переборол проклятие, ведь я недаром столько работал с тёмной магией. А она — она пыталась добить меня! Мелина ведь предупреждала, именно об этом вопила, а я болван, не слушал, решил, что она просто взревновала к Тинне.

Конечно... больше незачем этой мерзавке было приходить, она хотела добить меня и сбежать вместе с информацией. Но я не вовремя пришёл в себя, и ей пришлось выкручиваться. Она соблазнила меня,

чтобы я ничего не заметил, ничего не понял. И я, как последний идиот, поддался на её подлые уловки.

Обманула... предала. Всё было ложью. То, как она отдавалась сегодня ночью, шептала моё имя, всё было ложью. Она заставила себя взять, разомлеть и усыпила до рассвета. Она же маг управления эмоциями. Конечно же, усыпила своей магией — и как лиса хвостом замела следы.

Стерва, негодяйка, лживая тварь. Ведьма. Предательница. Истинная дочь своего отца. Фараиту бесновался внутри меня. Найду. Найду и уничтожу. Вырву бумаги, пока не передала папаше. Если уже не передала!

От слабости качало, пришлось залпом выпить горькое зелье. Я быстро оделся, от дикой трясущей злости едва не порвав брюки.

От метки ведьма избавилась. Фараиту вдогонку не пошлешь. Когда она ушла? Далеко ли успела убежать?

Поймать. Притащить. Убить. Уничтожить за всё, что сделала со мной. За то, что хоть на миг, но поверил. Сжигает стыд, собственная беспомощность. Ведь как слепого щенка обвели вокруг пальца.

Я бросился к воротам. В разуме пылала только одна мысль: догнать её как можно скорее. Вцепиться зубами в загривок, мотать, как бешеный пёс, сломать все кости, притащить обратно. Бросить в подвал, приковать и подвергнуть самым страшным пыткам, что только существуют. Заставить пожалеть, что родилась на свет. Что вздумала обмануть меня.

— Сейдж! Ты очнулся?! — откуда-то появился Ард, бросился наперерез. — Что произошло? Твои глаза...

Да как он смеет вставать у меня на пути! Я взревел:

— Молчать! Не покидать дом! — для острастки стеганул его через метку.

На груди у Арда полыхнуло пламенем, он захрипел, прижал к груди руку, согнулся.

Я не удостоил его ни взглядом. Так будет с каждым, кто посмеет вмешаться.

Я не пущу их на поиски. Сам. Сам найду эту стерву, притащу, заставлю пожалеть. В груди печёт как огнём, всё нутро переворачивается. Найду, посмотрю в глаза её подлые. Губы, которые шептали обманные слова.

Псы Райаса... и ведь знал, что нельзя ей доверять, что она дочь Рейборна, что отлично владеет собой, умеет притворяться. Но нет. Поверил. Слишком сильно хотел поверить, попался на крючок её миленькой мордашки, наивных глазёнок, на показное смущение, дрожь в голосе, трепет тела.

Она играла. Она всё это играла, умело, как актриса на сцене. Пьеса для одного зрителя.

Она всё делала для того, чтобы свести меня с ума, чтобы пленить, чтобы втереться в доверие.

Теперь она за это поплатится.



## Глава 17

### Тинна

Я потребовала от Айлеса объяснений, как только мы сели на лошадей и немного отъехали от поместья. Слишком невероятным показалось мне его появление — особенно в этот самый день и час, как будто он каким-то образом знал, что происходило внутри.

— Меня вызвала нейди Скайнер, — сообщил жених. — Ты же посылала ей сообщение, верно?

Белошвейки! Значит, бабушка весть получила, но вместо того чтобы пойти к отцу, зачем-то написала Айлесу? Почему ему?

— Насколько я знаю, твой отец отказал ей, — смущённо ответил Айлес, когда я озвучила этот вопрос. — Сказал, чтобы она не вмешивалась и он всё сделает сам. Но нейди Скайнер сказала, он даже не стал расспрашивать, какая именно белошвейка принесла весть. Как будто его ничуть не интересовало, где ты.

Это предположение отозвалось болью. Отец отказался от меня? Я была помехой его планам? Не знаю, но обязательно это выясню. Если я и впрямь не нужна ему, пусть скажет об этом, глядя мне в глаза.

— Хорошо. И что же потом? Откуда ты знал, что я появлюсь здесь и когда именно появлюсь?

— О, — Айлес снова смутился и на миг отвёл глаза. — Я выяснил, где именно тебя держат, приехал сюда, обследовал тут всё... и встретил мужчину. Ну как встретил — он поймал меня, когда я пытался залезть внутрь. Мне же нужно было выяснить, там ты или нет! Я думал было сбежать, но он оказался магом, ничего не вышло. И я, ну, рассказал ему, что приехал за тобой.

Я слушала молча. Вряд ли он встретил дин Ланнверта, в таком случае Айлес уже ехал бы на телеге в святилище смерти, к Райасу. Кто-то из близнецов или...

— И он сказал тогда, чтобы я приходил на следующий день ночью, с запасной лошастью, и ждал, пока ты не появишься, —

докончил мой жених.

— Блондин или темноволосый?

— Брюнет. Ещё с чёрными такими глазами, неприятный.

Дин Койоха.

Значит, это всё же был он.

Это он снял печати в кабинете дин Ланнверта, подготовил амулеты, положил на стол инструкцию, как снять метку. Он разбудил меня и открыл везде двери, чтобы я точно не ошиблась. Но почему втайне? Боялся, что я подниму скандал? Выдам его Сейджу, если тот вдруг очнётся?

И, что самое главное — откуда он знал, что я смогу сбежать в эту ночь? Что Сейдж попадёт под влияние тёмного проклятия и не станет мне мешать?

По спине поползли мурашки, вдоль позвоночника скользнула ледяная струйка. Я крепче перехватила поводья, невольно сжав губы.

Дин Койоха не способен на такое, не может быть. Он же так предан Сейджу. Они же друзья, они так долго были вместе.

Но он знал о проклятии. Он знал заранее — и не предупредил Сейджа, не остановил, не помешал. Знал, что Сейдж может не прийти в себя. Да чего там знал. Он, скорее всего, рассчитывал на это.

Почему-то мне было очень неприятно думать об этом. Неприязнь и отвращение бурлили в сердце. Как будто меня обманули. Как будто тот, которого я считала другом, оказался подлой ядовитой змеей.

Боги, но Тинна, он же спас тебя. Он как раз был в твоём лагере, работал на тебя. Сделал всё, чтобы ты смогла без потерь сегодня выбраться из поместья. Он даже уберёт Айлеса от встречи с дин Ланнвертом.

Закружилась голова, ветер как будто донёс запах Сейджа — и накатила волна одиночества, желания увидеть его, боли, что приходится оставлять его одного в поместье, среди врагов. В следующий раз его точно убьют. Надо как-то рассказать ему о дин Койохе, послать письмо или передать через верного человека. Или нет, надо поговорить с самим дин Койохой, сказать, что мне всё известно, заставить его удалиться, пока следующая попытка убить Сейджа не увенчалась успехом.

Убить Сейджа... эта мысль казалась мне ужасной. Ещё ужаснее её делало осознание того, что я ничуть не подозревала дин Койоху.

Безумно хотелось вернуться, но оставалось только сжимать поводья и двигаться вперёд.

Я взмолилась про себя. Боги, святая Миена, прошу вас. Пожалуйста, уберегите его до моего разговора с отцом. До моего возвращения.

Ветер усиливался, трепал юбку, гриву коня, бросал в спину листья. И голова у меня кружилась всё сильнее, так что я была вынуждена остановиться. Прижала ко лбу руку.

— Что случилось? — Айлес проехал чуть дальше, но, поняв, что я встала, тоже остановил коня, повернулся в седле. — Тебе нехорошо?

— Да... немного.

Странно, мне казалось, что ветер... что-то шепчет.

«Ты-ы моя-а-а...».

«Не сбежи-иш-шь».

«Моя-а!»

Последнее услышалось так ясно и отчётливо, как будто кто-то шепнул мне это на ухо. Яростным жарким шёпотом, привычно будоражающим кровь.

О боги.

Я устремила взгляд на Айлеса, отчаянно крикнула:

— Беги!

Он растерялся, вытаращил глаза. Так и смотрел на меня, не двигаясь с места.

— Беги же, он сейчас будет здесь!

— Он? Кто? Тинна, ты в себе? — и вместо того чтобы послушаться и мчаться отсюда со всех ног, Айлес подогнал коня и приблизился. Протянул руку, как будто хотел коснуться моего лба.

С отчаянным стоном я сама пустила лошадь в безумный галоп. Без меня Айлес явно не тронется с места. За спиной слышался цокот копыт: он помчался следом.

Но бесполезно, всё было бесполезно: я чувствовала, как Сейдж нагоняет нас. Чувствовала его полыхающую до небес ярость, неистовство, безумие. Желание догнать и уничтожить, желание вонзить клыки в мою плоть, рвать, терзать, наказывать...

Что случилось? Неужели он так зол на то, что я сбежала? И почему так остро, пронзительно пахнет адолеями, как будто...

Сзади раздался вскрик. Я обернулась и сама еле подавила порыв закричать. На дороге стелился бирюзовый туман, в котором выделялись два ярко горящих алым пламенем глаза, злобно оскаленная морда и пена, падающая с клыков. Демон был ещё далеко, но стремительно нагонял нас.

Фараиту?..

Нет... или не только он. Это Сейдж.

Вокруг творилось что-то безумное. Как будто весь лес кричал, пытаюсь убежать от смерти, несущейся по пятам. Из древесных куп с громким хлопанием крыльев поднимались птицы, всё, что могло бежать, убегало. Лошади поддались всеобщему безумию и тоже понесли.

Вцепившись в седло, я изо всех сил пыталась удержаться. Мой конь мчался вперёд, как обезумевший, роняя пену изо рта, оглашая окрестности диким испуганным ржанием. Сзади ему вторила лошадь Айлеса.

И тут ржание перешло в жалобный крик. Не человеческий — лошадиный.

Обернувшись, я через плечо увидела, как лошадь Айлеса спотыкается и падает, как длинные передние ноги подламываются, тело неуклюже ударяется о землю, сбрасывает беспорядочно взмахнувшего руками всадника. И их накрывает бирюзовый туман.

— Не-ет!

Я спрыгнула с лошади на полном ходу. Земля встретила твёрдым болезненным ударом, на миг выбившим из меня дух. Несколько раз перекатившись, я с трудом вскочила. Бок безумно болел, колени горели, но, не обращая внимания на боль, я побежала назад.

Нет, боги, Айлес!

Слава богам, он был жив, но лошадь его предсмертно хрипела. Не выдержав, я выпустила в её сторону заряд своего атакующего амулета. Хрип сразу оборвался.

Айлес поднялся, шатаясь. Я подроспела к нему, подставила плечо. Под ногами плескался бирюзовый туман, ледяной, как руки смерти. И тут на наших глазах он сгустился, завертелся — и перед нами встал Сейдж.

Дыхание перехватило от страха. Я никогда не видела его таким... безумным. Я видела его на грани — сейчас он перешёл эту грань.

Один его глаз горел непримиримой ненавистью, другой — бирюзовым огнём помешательства.

— Тинна-а... — позвал он глухим голосом, буравя меня пронзительным, пригвождающим к месту взглядом.

— Кто... кто вы такой, — заикаясь от страха, Айлес всё же попытался задвинуть меня себе за спину. Выхватил пистолет. — Ни с места! Это зачарованное оружие!

Не будь всё так плохо, я бы усмехнулась. Угрожать механическим, пусть даже хоть сто раз зачарованным оружием магу такого уровня, как Сейдж — всё равно что пойти с соломинкой на быка.

— Айлес, нет, — шепнула я. Коснулась его руки, пытаюсь отвести дуло.

Лицо Сейджа исказилось.

— Отойди от неё... жалкая букашка, — пророкотал он низким пробирающим тоном. — Оставь её... и беги. Она моя.

— Да как вы смеете! Это моя невеста! Кто вы такой вообще! Я, барон Рамейо из Ордона, вызываю вас на дуэль!

— Айлес! — взвизгнула я. — Уходи!

Ему нужно бежать немедленно, Сейдж же его не пощадит! Особенно после того, как Айлес сообщил, что я его невеста!

Резкий оглушительный звук выстрела пресёк мои мысли. Я закричала, но пуля пролетела сквозь Сейджа, как будто он был сделан из тумана и дыма. А в следующий миг туман и дым схватили Айлеса за шею. Он взмыл вверх, безобразно дёргая ногами, и захрипел. Я снова закричала:

— Отпусти его, отпусти, отпусти!

Поздно.

Бездыханное тело моего жениха полетело в траву. Меня что-то подхватило, сдавило рёбра, перед глазами завертелись синие круги. Я схватила ртом воздух, попыталась разжать чужую хватку, но руки прошли насквозь, на коже остался лишь холод тумана. Вот и моя смерть пришла...

Я закинула голову, ожидая, что каждый миг может стать последним. Но хоть хватка и была жёсткой и болезненной, больше ничего не происходило. Тогда я вывернула голову, ударила по туманным рукам, пытаюсь вырваться. Всё было напрасно. Айлес лежал

на обочине, странно вывернув шею, его глаза стеклянно смотрели в небо.

Он убил его... он убил его. Убил моего жениха, убил друга моего детства, убил человека, не причинившего никому зла. Только за то, что в злой час он оказался не в том месте.

— Я ненавижу тебя, ненавижу!

Ветер донёс рык, ответным эхом:

«Ненавижу. Предательница. Обманщица. Последняя тварь. Убью тебя».

— Так убивай скорее! — слёзы застили глаза. — Убивай меня вместе с ним!

Ответа не было. Мы с бешеной скоростью летели над лесом, и через каких-то несколько минут я увидела поместье. Мне было всё равно. Сердце рвалось назад, к безвинно убитому Айлесу, подсовывало воспоминания о всём хорошем, что было с ним, о его родителях, всегда меня привечавших, младших сестре и брате. Зачем, в какой недобрый час, какой недобрый бог надоумил его пойти за мной?

Я не обращала внимания на то, что происходит. Не страшило даже то, что я не знала, что Сейдж собирается делать со мной. Пусть даже убьёт — смерть казалась мне милосердной сейчас. Может, так я хотя бы смогу искупить вину перед Айлесом, перед его родными.

Мы просочились сквозь крышу, сквозь балки и полы, сквозь этажи вниз. В иное время я была бы в восторге и ужасе от мощи магии, которой доступно подобное. Сейчас мне было всё равно.

Сейдж отпустил меня в уже знакомом подземелье. Толкнул к стене, из которой протянулась чёрная цепь. Ледяным металлом она обвила мою лодыжку. Я бессильно опустилась на такой же ледяной пол. На глазах закипали слёзы, но никак не стекали вниз, стояли, как прозрачная пелена.

Не обращая больше на меня внимания, Сейдж зарычал, взмахнул руками. В ответ на это в воздухе полыхнуло, и в яркой синей вспышке появились трое растерянных мужчин. Светловолосые — близнецы и темноволосый — дин Койоха.

— Кто из вас предал меня? — рык прокатился по подземелью. — Признавайтесь!

Одновременно с последним словом на левой половине груди каждого из мужчин вспыхнула бирюзовым демонская метка. Дин

Койоха сильно вскрикнул и, потеряв равновесие, упал на одно колено. Близнецы крик подавили, хотя оба побледнели до мертвенной белизны.

— О чём ты, Сейдж? — с трудом спросил Мейнор. Он прижимал к груди руку, словно пытаясь умирить боль.

— Молчать! — зарычал тот. — Не задавать вопросов. Отвечать! Кто из вас открыл мой кабинет?

Мужчины — все трое — растерянно переглянулись.

Даже в моём тусклом отупении это показалось мне странным. Разве не Койоха помог мне бежать?

Но демонская метка заставляет носителя исполнять приказ, каким бы он ни был. Не позволяет умолчать, если хозяин велел говорить. Сейдж приказал — и они должны были признаться.

Значит, среди них нет того, кто подготовил для меня амулеты и заклинание снятия метки? С кем же тогда говорил Айлес?

Сейдж обернулся ко мне. Я смотрела в его лицо без страха, хотя никогда не видела его настолько... нечеловеческим. Дело было не в лице, оно по-прежнему оставалось довольно привлекательным, красивым сильной мужской красотой — дело было безумии, проступавшем под маской человеческого лица. В одержимости, плескавшейся в глазах, тем более в левом, который пылал бирюзовым огнём.

— Говори, тварь, — прорычал Сейдж, буравя меня сумасшедшим взглядом. — Кто снял печати? Кто помогал тебе?

Я выпрямилась, как могла, и ответила спокойно:

— Никто. Всё сделала я сама.

Если я скажу правду, что подозревала дин Койоху, то Сейдж убьёт его. Этого я не хотела. Только не ещё одна смерть на моей совести. Пусть лучше убивает меня.

Сейдж словно прочёл мои мысли, огонь в его левом глазу вспыхнул яростнее.

— Врёшь, — он взмахнул рукой, и моё тело взмыло в воздух, подплывая к нему.

Жёсткая рука легла на горло. Я закрыла глаза и только чувствовала, как Сейдж подтащил меня к самому лицу, и его дыхание опалает мне губы.

— Ты крутишь с кем-нибудь из них, верно? — продолжал он жарким прерывистым шёпотом. — Спала с ними за моей спиной? Ведь так? — он тряхнул меня при этих словах.

Я лишь покачала головой, не открывая глаз.

Безумец. Он забыл, что был у меня первым? Наверное, да. Забыл, стёр из памяти, решил не считать значимым. Помешался на одной мысли: наказать меня за побег. Странно, неужели только из-за этого он мог сорваться... поступить так дико, так безумно.

— Подлая тварь! — Сейдж отбросил меня к стене.

Сильно ударившись, я невольно вскрикнула.

Дин Койоха дёрнулся, чтобы помочь. Сейдж заметил это. Магия выплеснулась из его руки, бирюзовой лентой обвилась вокруг горла дин Койохи. Две других таких же ленты поймали растерянных близнецов.

— Возьмите её, — приказал Сейдж. Недвусмысленно ткнул пальцем в мою сторону. — Раз она не признаётся, с кем именно крутила, возьмите её все втроём. Отымейте её так, чтобы она взвыла. Это приказ!

В такт последнему слову тройная метка на груди у мужчин снова вспыхнула. Я уставилась на Сейджа. Через серую пелену тупого отчаяния проступил ужас. Неверие. Он и впрямь осмелился отдать такой приказ?

— Сейдж, ты безумен! — крикнул один из близнецов. — Это отвратительно! Беззащитная женщина...

Сейдж расхохотался.

— Ты не знаешь, что говоришь, Аджер. Беззащитная женщина? — он вытянул в мою сторону руку. — Эта дрянь обвела меня вокруг пальца. Соблазнила своим невинным лицом. Втёрлась в доверие. И обокрала. Где ты прячешь украденное, а? — это было обращено ко мне. Очередной взмах — и я вскрикнула, тщетно пытаюсь прикрыться: одежда расплзлась, оставляя меня полностью обнажённой. — Кому ты передала их?

Боги, о чём он? Я съёжилась в комочек у ледяной стены, прижала колени к груди, пытаюсь хоть как-то защититься от взглядов четверых мужчин. О моих амулетах? Вот они, на мне, все на виду. Но Сейдж будто не обращает на них внимания.



Очередная навязчивая идея? Вообразил, что я украла у него что-то? Если так, это конец. Его не переубедить. Он полностью во власти Фараиту. Голодного, желающего смерти и боли, отчаяния и мук, безумного и теперь свободного демона бездны.

— Эта незащищенная женщина — дочь Рейборна! Разве это не то, о чём вы мечтали? Мейнор? Аджер? Отомстить ему так, чтобы он познал те же страдания. Ему, который обесчестил и убил вашу сестру. Теперь его дочь в ваших руках. Делайте с ней, что хотите!

Оба близнеца одновременно шагнули вперёд. Как будто не по своей воле, с искажёнными от внутреннего сопротивления лицами — но всё же шагнули. Дин Койоха метнулся им наперерез, встал передо мной, раскинув руки:

— Остановитесь... Сейдж! Это ведь на самом деле мерзко. Девушке — такое бесчестие... Ты не в себе, это влияние демона! Отмени приказ, ты сам же пожалеешь!

Вместо ответа Сейдж только зло рассмеялся.

Я приготовилась. Пусть только они дотронутся до меня — и убью себя. Одно парализующее заклинание осталось в заколке в моих волосах. Направить его на своё сердце — и оно мгновенно остановится.

И тут под сводами подземелья прогремел голос Сейджа:

— Вон! Все — прочь от неё! Вон!

Я подняла голову, чтобы увидеть, как бирюзовая дымка подхватывает близнецов и дин Койоху и как они мгновенно растворяются. И Сейдж схватил меня за плечи и свирепо затряс:

— Дрянь... ненавижу тебя, как же ты в кровь впиталась, въелась в душу. Что за мерзкие рейборновские штучки, признавайся?! Почему я даже отдать им тебя не могу? Почему душу выворачивает при мысли, что до тебя дотронется кто-нибудь, кроме меня? Что ты сделала со мной?

Левый глаз его был совершенно безумен, зрачок в нём превратился в маленькую точку, зато правый расширился в полумраке почти на всю радужку, и его заливал расплавленный жар. Чернота бездны смотрела на меня оттуда.

— Ничего, — ответила я, не опуская глаз. — Это всё ты сам делаешь с собой. В тот день и час, когда поддался тёмной магии.

Он снова потрянул меня:

— Замолчи!

— Убей меня.

Он зарычал глубинным, вырывающимся из самого нутра рыком:

— Нет, ты будешь жить! Я придумал получше. Ты будешь жить и будешь рожать мне детей, и я буду убивать эти рейборнские отродья у тебя на глазах. И ты, и Рейборн, вы оба поплатитесь... Я отомщу вам обоим... Смерть? Нет, смерть слишком хороша для вас.

Странно, но его дикие бредовые намерения меня ничуть не задели. Может быть, потому, что я твёрдо знала, что этого не будет, я не позволю, просто убью себя. А может быть, потому, что Сейдж смотрел на меня и задыхался, его грудь ходила ходуном, а в глазах плескались отчаяние и зверская боль. Он сходил с ума, он верил всему, что нащёптывал ему демон, и пылал в пламени ревности, мучительного самообмана и ещё одни боги знают чего.

И я вдруг, почти не отдавая себе отчёта в своих действиях, подняла руки и обхватила его лицо:

— Сейдж... очнись. Борись с демоном. Пожалуйста...

Внутри прорастала безумная жалость. Жалость, притяжение, робкая и наивная, едва зародившаяся любовь. Сжимала внутри, перемальывала меня подчистую, как мельничные жернова пшеницу.

— Ведьма, — шепнул Сейдж, впиваясь в мои губы. — Я тебя ненавижу, — ещё один болезненный поцелуй. — Ты околдовала меня. Обманула меня. Использовала меня. Но я... всё равно не могу тебя отпустить. Ты останешься здесь... навечно. Ты всегда будешь моей. Всегда.

— Ты сумасшедший. Ты сошёл с ума, — отвечала я полубредовой скороговоркой, чувствуя, как горячие руки жадно скользят по моему телу. Я и сама была сумасшедшей. Разве может нормальный человек вот так отдаваться одержимому? Плавиться от его прикосновений?

А Сейдж не ласкал, он брал, требовал принадлежащую ему дань, терзал губы, сухой горячей ладонью сжимал мою грудь. Его поцелуи походили на укусы.

Даже сейчас его демоническая харизма, его безумное притяжение заставляло моё тело откликаться. Или это не притяжение? Может быть, это просто непрощенная любовь? Чувство, ставшее для нас проклятием?

Я подалась навстречу, когда он вошёл в меня. Леденила спину каменная стена, и под закрытыми веками пекло от непролитых слёз. Он брал меня очень эгоистически, вбивался в моё тело, ничуть не думая обо мне, о моём удовольствии, но мне и это и не было нужно. Я впивалась в него с той же страстью, оставляла царапины и укусы, свои метки, вдыхала будоражащий запах его тела, горела и изнывала в его остервенелых ласках.

Безумные двое, безумная схватка, не любовь, а сражение, в котором нет победителя. Он проигрывал, поддаваясь мне, я терпела поражение, впуская его. Кусала губы от огня, текущего по жилам, от смешанного с ненавистью желанием быть с ним, принадлежать ему, принимать его полностью. Моё имя звучало в его устах как ругательство, как последнее проклятие. Он не верил мне, ненавидел меня, но не мог не брать. Точно так же, как я не могла ему не отдаваться.

Это последняя наша ночь. По-настоящему последняя, больше не будет ни прерывистых вздохов, ни обжигающего дыхания на губах, ни взаимного, такого отчаянного, голодного желания.

Моя безумная любовь, прощай.

\*\*\*

Я собиралась воспользоваться заклинанием, как только он уйдёт. Убить себя. Освободиться. Я словно тонула в серой пелене, мечась между чувствами, долгом, страхом, не находя ни одного ориентира. Я не могла бы быть с ним, помня, что он убил Айлеса. Зная, что в любой момент демон может заставить его убить теперь уже дин Койоху, близнецов — или любого другого, просто попавшегося под руку, ни в чём не повинного человека. Что неизбежен день, когда мой отец настигнет его, будь то месть за меня, королевский приказ или другая причина. Или же Сейдж найдёт способ достать моего отца.

Остаться с ним было бы предательством всех тех, кто мне дорог. Расстаться навсегда — казалось мне невозможным. И в накрывшем меня с головой отчаянии самоубийство показалось мне единственным

выходом. Не выбирать. Принести в жертву себя, сгинуть вместе с Айлесом, выполнить свой последний долг как его невеста.

Но Сейдж не ушёл. Он не отпускал меня, постоянно терзал, не давал покоя, брал несколько раз за эту ночь, иступлённо и неистово, словно это был для него единственный способ выжить, справиться с одержимостью.

И я не помню, когда забылась сном, когда уплыла в ласковую тьму, всё ещё в его объятиях, чувствуя, как сильно впиваются в меня его пальцы, как яростно жгут кожу требовательные губы, даже после того, как мы в очередной раз познали друг друга и, опустошённые, просто лежали рядом.

## Глава 18

А когда очнулась, надо мной склонился дин Койоха. В его чёрных глазах горело беспокойство.

Я сжалась от неожиданности, на миг оцепенела. Огляделась в попытке понять, где я и что он здесь делает.

Всё ещё подземелье. Мрак лишь слегка рассеивает светлячок, зависший над плечом дин Койохи. А я — я лежу на кровати, довольно низкой, но широкой, затянутой в тёмно-серые сатиновые простыни. Такой же простынёй была прикрыта и я. Довольно бережно, от кончиков ног до груди. На другой половине кровати, ещё примятой от тяжести чужого тела, было пусто.

— Где он? — спросила я чуть слышно: пересохшее, уставшее от криков и стонов горло не повиновалось.

— Сейджа сейчас нет в поместье. Это наш шанс, мы должны бежать. Вы можете встать?

— Бежать? — я уставилась на него с недоверием и непониманием. — Куда? Зачем?

Зачем вообще куда-то идти, какой в этом смысл? Айлес уже мёртв, он не вернётся. Отец?.. Отцу я не нужна, раз он ни разу не попытался спасти меня. Пусть лучше Сейдж убьёт меня в очередном приступе. Ему я по крайней мере нужна.

— Вы не в себе, нейди Тинна, — дин Койоха покачал головой. — Он снова влияет на вас, ваш разум затуманен. Вы должны идти со мной. Поднимайтесь.

Он протянул мне широкую твёрдую ладонь. Она не дрожала и казалась очень надёжной. Но вместо того чтобы коснуться её, я подняла глаза на лицо дин Койохи:

— Откуда вы знаете моё настоящее имя?

— От вашего отца.

Меня словно ударили. Где-то в области солнечного сплетения разлился очаг тупой боли.

— Вы знали, — вымолвила я помертвевшими губами. Не сводила глаз с лица дин Койохи, остававшегося таким же участливым,

внимательным и искренним. — С самого начала. Это... это всё же вы позаботились о том, чтобы я нашла свои амулеты?

— Поговорим об этом позже. Сейдж может вернуться в любой момент, нельзя терять времени.

— Нет. Вы идите, я остаюсь. Не волнуйтесь, я ничего не скажу ему про вас.

— Нейди Тинна! — дин Койоха повысил голос. — Не говорите глупостей. Ваш отец просил меня позаботиться о вас. И я отвезу вас к нему во что бы то ни стало. Даже если вы будете сопротивляться.

— Вы сошли с ума, — я отвернулась.

Дин Койоха и правда безумец, если думает, что мы сможем сбежать. Сейдж настигнет нас с такой же лёгкостью, как вчера.

Пусть лучше он уходит один. Пусть бежит скорее отсюда, пока Сейдж не понял, что именно дин Койоха стоит за всем этим. Иначе следующим умрёт он.

— Ну что ж, — дин Койоха выпрямился. — В таком случае у меня нет другого выхода, кроме как...

Я с подозрением уставилась на него. Успела ещё произнести: «Что вы задумали...», — заметить в пальцах дин Койохи сияющий фиолетовым камень, вытянуть руку с защитными амулетами, — и меня накрыла зыбкая ледяная тьма.

Когда я пришла в себя, показалось, будто я вернулась в детство. Я лежала на своей узкой девичьей кровати в своей же старой комнате в замке отца, отделанной в светло-зелёных тонах. На миг причудилось, что мне снова десять лет, что мама ещё жива и они с отцом по-прежнему вместе.

И что всё остальное — их развод, Ордон, пансионат, даже моё похищение — всё это мне приснилось. Что я никогда не встречала Сейджа. Слишком сильно отличалась спокойная картинка привычной комнаты от кошмара, в котором я только что была.

Но стоило оглядеться, чтобы понять: в этой комнате уже давно никто не жил. Занавеси, которых не меняли много лет, выцвели от солнца, пахло слегка затхлым воздухом помещения, слишком долго запертого на замок.

О боги, Сейдж!.. Он снова решит, что я сбежала, что предала! И на этот раз он точно не удержится на грани, демон завладеет им!

Необходимо быстро поговорить с отцом. Необходимо дать знать Сейджу — да хотя бы даже с помощью амулета связи, ведь есть же в его поместье хоть один?!

Привычным движением я нащупала звонок для вызова горничной. Появившаяся через несколько минут женщина средних лет была мне совершенно незнакома. Видимо, отец нанял её уже после развода с мамой.

— Помогите, пожалуйста, одеться и проводите меня к отцу, — попросила я её, не тратя времени на знакомство.

Слава богам, об одежде для меня позаботились: я нашла в шкафу несколько своих платьев, тех, что привезла сама из Ордона и что хранились в доме у бабушки. Это хорошо: значит, бабушку поставили в известность, что я жива.

Женщина удивилась. Уточнила:

— К его сиятельству?

— Да.

Вот как, слуги даже не знают, что у него есть дочь. Впрочем, узнаю его привычную скрытность.

Мужские голоса я слышала, входя в гостиную. Сразу узнала дин Койоху и невольно передёрнулась. Он обманул меня. Обманом, насильно похитил, вернул сюда. Хотя нет, это называется «спас». Похитил меня как раз Сейдж.

Второй голос принадлежал отцу: густой, спокойный, привычный.

Завидев меня, оба замолчали. Отец сразу встал и пошёл мне навстречу, протягивая руки. Дин Койоха тоже вскочил, но остался рядом с креслом, молча наблюдая, как мы обнялись.

Отец бережно отвёл меня к маленькому диванчику, проследил, чтобы я удобно устроилась, позвонил прислуге, велел принести чашку для меня и наконец занял своё кресло. Вышло так, что я оказалась в середине: прямо передо мной стоял чайный столик, наискосок слева — кресло дин Койохи, а по правую руку — отцовское. Дин Койоха и отец пили чай и бренди, судя по тому, что на столике выстроились и чайный сервиз, и два приземистых толстостенных бокала, на пару пальцев наполненных коричневой жидкостью, вместе с недавно откупоренной бутылкой.

Всё это слишком явно свидетельствовало о том, что отец и дин Койоха довольно близко знакомы. Настолько, чтобы без церемоний пить вместе.

Я невольно передёрнула плечами. Интересно, сколько лет они знают друг друга? Дин Койоха сблизился с дин Ланнвертом, потому что работал на отца, или всё же сначала сблизился, а потом решил, что ему не по дороге с одержимым? Впрочем, любой вариант казался мне неприглядным.

— Ты знал, что он похитил меня? — спросила я у отца. Не спросила даже, сказала почти с утвердительной интонацией. — Поэтому не стал разыскивать белошвейку, верно?

Отец кивнул.

— Не сразу, но уже буквально через пару дней. Дело в том, что... — он посмотрел на дин Койоху. — Будет лучше, если объяснишь ты.

— Дело в том, что я работал на вашего отца с самого начала, нейди Тинна, — голос дин Койохи звучал тихо и почтительно, но почему-то всё равно вызвал во мне неприязнь. — Но я не сразу понял, что вы его дочь. Только когда доложил его сиятельству, что в поместье появилась девушка, и описал её.

— Я знал, что готовится моё похищение, — сокрушённо сказал отец. — Но не ожидал, что они найдут меня так скоро и смогут проследить до дома твоей бабушки. Совершил большую ошибку, подставил вас. Прости.

Я ничего не ответила. Кивком поблагодарила служанку, с поклоном подавшую мне чай. Пригубила, но горячая жидкость показалась совершенно безвкусной.

Отец знал. Знал, но не дал знать мне, ничем не успокоил.

И дин Койоха. Чего стоило хотя бы намекнуть, что я не одна?

— Простите, нейди Тинна, — дин Койоха словно угадал мои мысли, — я боялся выдать себя. Сейдж умеет... убеждать. И я боялся, вы не сохраните тайну. Мы потратили на подготовку два года. Я не мог позволить себе поставить всё под угрозу.

Я неопределённо качнула головой. Вспомнила подzemелье и решётку. И огненную боль метки.

Может быть, дин Койоха и был прав. Но... но почему-то мне хотелось кричать и бить кулаками о стены. Всё это было невыносимо.



— Интриги, планы... — я усмехнулась, удерживая маску ледяного спокойствия. — Узнаю своего отца.

— Тинна, — он накрыл большой тёплой ладонью мою. — Я виноват перед тобой. Именно я, не Ард. Вся ответственность на мне. Ты просто не понимаешь, сколько усилий... как долго я охотился за ним.

Охотился за ним. Я уже слышала похожую фразу. И даже знаю от кого — от Сейджа.

Два упрямца, решивших поиграть в шахматы человеческими судьбами. Пешкой больше, пешкой меньше — какая разница.

— Так долго, что пожертвовать собственной дочерью — небольшая потеря? — злые слёзы навернулись на глаза, когда я взглянула в лицо отца.

— Тинна, — в глазах его промелькнула боль. — Не говори так, прошу тебя. Ард присматривал за тобой. По мере возможностей.

— К сожалению, я немногим смог быть вам полезным, — вставил дин Койоха.

Я повернулась в его сторону:

— Почему вы не дали мне сбежать сразу же? Ведь я права, и метка на вас не действовала? Вы сразу могли бы снять её с меня!

— Я не мог. Сейдж неминуемо заподозрил бы меня. Мне самому пришлось бы бежать. А это значит, пришлось бы поставить весь план под угрозу, пожертвовать приготовлениями двух лет. Я собирался вывести вас, как только удастся обезвредить Сейджа. Очень удачно вышло, что появился ваш жених.

— Очень удачно?! Боги, да он погиб! — «по вашей вине», хотела я сказать, но замолчала. Не дин Койоха в этом виноват. Я — прежде всего.

— Мне очень жаль... — он опустил глаза. — Сейдж не должен был прийти в себя, я не понимаю, что стряслось. Видимо, мы недооценили его жизненные силы.

— Вы недооценили, — эхом повторила я. — То есть за этим и впрямь стояли вы? Отец! — я перевела взгляд на него. — Это ты проклял дин Ланнверта?

Я молилась, чтобы он сказал «нет». Но боги не пожелали услышать.

— Это были мы оба, — ответил дин Койоха с нотками торжества в голосе.

— Работа всей моей жизни, — с похожей гордостью объявил отец. — Я подготовил заклинание, а Ард отвёз его и установил.

— Оно сработало на отпечаток ауры Сейджа, когда ни одного из нас не было рядом. Превосходное алиби. Ваш отец настоящий гений, нейди Тинна. Это потрясающее изобретение — использование тёмных чар без прямого взаимодействия с ними. Вы только подумайте, сколько это открывает возможностей.

— Это перевернёт мир, — поддакнул отец. Его глаза блестели. — Больше тёмная магия не станет проклятием и ярмом для мага, осмелившегося соприкоснуться с ней. Всё можно делать без риска.

Они с дин Койохой говорили наперебой, и оба, вне всяких сомнений, были в восторге. А я слушала их и приходила в ужас. Если раньше тёмная магия была строго запрещена для изучения, изучать можно было только защиту от неё, то сейчас то, что придумал отец — открывало доступ к ней для кого угодно. Больше не было опасности стать жертвой демона, как... как Сейдж.

— Но отец... разве так можно? Страх — единственное, что сдерживало людей от сближения с тёмной магией. Она губительна, ты же сам тысячу раз говорил.

Отец посмотрел со снисхождением:

— Ты девушка, Тинна, ты не понимаешь. Это нормально. Вы природой предназначены для того, чтобы хранить домашний очаг. Неудивительно, что мысли о подобном приводят тебя в замешательство. Но прогресс нельзя остановить. Рано или поздно, но кто-нибудь сделал бы это открытие. И я горжусь тем, что стал первым.

Боги. Мой отец тоже сумасшедший. Но он помешался не под влиянием демонов, а просто сам по себе. Из-за науки.

И это он пытался убить Сейджа. Пытался — и почти преуспел. Если бы не я. Какая ирония.

Я накрыла руками лицо. Ожесточённо провела ногтями по коже, оставляя следы. Боль помогала прийти в себя. Становилась маячком в бушующем море растерянности и непонимания.

Пока дин Ланнверт охотился за отцом, в его собственном доме, среди его друзей всё время находился предатель. Все его действия отслеживались, планы вскрывались, защита тщательно исследовалась.

Удивительно, как при этом ему ещё удалось загнать отца в угол. Наверное, только потому, что внутренне Сейдж не доверял до конца никому. И поступал правильно. Это хуже Гнеса, это предательство, это удар в самое сердце — низкий, подлый, неожиданный удар.

— Как вы могли, — обратилась я к дин Койохе. Голос дрожал. — Как вы могли так поступить с ним. Я думала, вы его друг...

— Тинна? — растерянно позвал меня отец. — Что ты такое говоришь. Ард делал всё по моему приказанию. Этот наглый щенок Ланнверт должен был умереть. Это было необходимо для твоего спасения, прежде всего.

— Она попала под влияние демонского притяжения, — вполголоса пояснил дин Койоха. На меня он смотрел с лёгким сожалением и тем не менее прямо, ничуть не стыдясь того, что сделал.

— Этот омерте посмел коснуться тебя... — отец стремительно побагровел, я даже испугалась, что у него случится апоплексический удар. — Ард! Ведь я же просил тебя защитить её! — он вскочил и широким шагом заходил по гостиной, то и дело запуская руки в волосы и остервенело вырывая их. — Я убью его! Я сам, этими руками, самолично убью его!

— Отец! — я тоже вскочила. — Опомнись! Что он тебе вообще сделал? За что ты травишь его?

— Я травлю? — он кинул на меня изумлённый взгляд. — Это я его травлю? Он уже который год сидит у меня в печёнках, жалею, что не уничтожил его вместе с папашей! Семя от семени! Но ничего, уже скоро отправится в бездну, туда им обоим и дорога!

— О боги... отец... Неужели ты и правда убил его родителей?

— Родителей? — хмуро переспросил отец. — Я убил его папашу, да. Но тут он сам виноват. Не подставился бы — был бы жив. А мать... ни слова больше об этом. Но как же я жалею, что не пришиб ещё в детстве этого щенка! Кто знал, что из него вырастет... это... эта тварь из бездны! Низкий, вероломный, подлый... — его трясло от гнева и ненависти.

Я без сил опустилась в кресло. Примирить их? Какая глупая мысль, не иначе боги отвернулись от меня в тот миг, когда она пришла мне в голову. Всё кружилось перед глазами. Отец и впрямь убил отца Сейджа. И ненавидит его. И...

Но это было ещё не всё.

Отец плеснул себе ещё бренди и опрокинул бокал залпом. Зло крякнул. Промокнул губы салфеткой и снова присел.

— В бездну ему и дорога... — пробурчал уже спокойнее. — И, кстати, спасибо тебе за разработки этого щенка, — сообщил он дин Койохе. — Должен признать, ему удалось меня удивить. Нужно только немного довести до ума, и это принесёт миллионы.

Дин Койоха ответил что-то неразборчивое, а я вспомнила, как Сейдж лютовал, утверждая, что я украла у него нечто. Распрямилась, уставившись в пространство.

Разработки. Он, значит, решил, что я осмелилась похитить его разработки.

Его помешательство внезапно приобрело пугающий шлейф понимания: у него были причины. О боги, да ведь Сейдж до сих пор считает, что это я его обокрала... и сбежала! Пропала сегодня утром из подземелья!

Это сведёт его с ума окончательно.

— Я прошу позволения оставить вас, — я встала, как в бреду, сама не понимая, куда хочу идти. Моя попытка примирить их была безнадежна. Значит, я должна сделать что-то другое.

Надо вернуться... наверное, надо вернуться.

— Тинна! Тинна, подожди, — голос отца настиг меня на пороге.

Я остановилась. Всё вокруг словно покрылось серой дымкой, и только лицо отца, серьёзное и немного виноватое, оставалось в фокусе.

— Тинна, — отец подошёл ко мне. — Есть ещё одна вещь, о которой я хотел поговорить с тобой. Теперь, когда твоя мать умерла, твоим официальным опекуном является её муж, твой отчим, Амелис. Но я намереваюсь вернуть себе это право. Я хочу, чтобы ты жила здесь, в Диомее. И я хочу выдать тебя замуж. За человека, который не раз выказал себя достойным, верным и честным. За того, кто сумеет защитить тебя и обеспечить, даже после моей смерти, — он обернулся, и я всё поняла без слов.

Не только я. Дин Койоха вскочил, прижал руку к сердцу:

— Ваше сиятельство, нейди Тинна! Это огромная честь для меня!

— Вы... что? Отец... нет, — я замотала головой, отступая. — Это невозможно. Ты говоришь что-то странное...

— Тинна! Остановись! — он нагнал меня, попытался схватить за руку, но я вырвалась. Тогда он просто сказал, строго и убеждающе

глядя в глаза: — Это моё решение. Как твой отец я знаю, как будет для тебя лучше. Возражения не принимаются. Я понимаю, это внезапно для тебя, но в сложившихся обстоятельствах... — он замялся.

Мне стало противно. Внутри засосало, остро и болезненно скрутилось.

Прикрыть позор. Вот чего хочет отец. Скорее выдать меня замуж на случай, если похищение возымеет свои последствия.

— Нет, — шепнула я, отступая, не сводя глаз с печального, растерянного лица отца. Покачала головой: — Нет!

Я повернулась и пустилась бежать. Сзади слышался топот ног погони, и я догадывалась, кто сорвался за мной — ненавистный претендент на мою руку, предатель, ложный друг. Дин Койоха нагнал меня, схватил за руку, поймал, стиснул в объятиях. Я рванулась, задыхаясь. Его запах, довольно приятный, казался мне отвратительным, потому что был не тем. Не запахом Сейджа.

И это не демонское притяжение! Это настоящее, это стремление быть с ним вместе, нужда, скручивающая в узел.

Я вернусь к нему. Я сейчас же вернусь к нему, и будь что будет. Хочет убить меня — пусть убивает. Пусть поздно, но я сделала свой выбор.

Приняв решение, я сразу успокоилась.

— Отпустите меня, — сказала ледяным голосом. — Отец может говорить что угодно. Я никогда за вас не выйду, я вернусь к Сейджу. Ни минуты больше здесь не пробуду!

— Поздно! Нейди Тинна... — дин Койоха покачал головой. — Сейджа... больше нет. Вам некуда возвращаться.

Я оцепенела. Смотрела в его чёрные, полные сочувствия глаза и не понимала, что он такое говорит. Что значит «больше нет»? Как это нет? Почему нет?

Он лжёт. Конечно же, он лжёт, не в первый раз. Просто хочет, чтобы я осталась, чтобы поступила, как говорит отец.

\*\*\*

Но дин Койоха не лгал.

Поняв, что я не отступлюсь, он попросил разрешения у моего отца и сам отвёз меня к поместью.

Да только поместья там уже не было. Вместо него насколько хватало глаз простиралась мёртвая выжженная пустошь.

Я заткнула рот ладонью, чтобы не закричать. Внутри резануло, остро, ослепительно больно, перехватило дух. Всё вокруг словно исчезло, оставляя лишь гулкий, бешеный стук сердца.

Сейдж. О боги, Сейдж!

Не дожидаясь, пока мобиль остановится, не обращая внимания на предостерегающий крик дин Койохи, я открыла дверь и выскочила на полном ходу. Нога подвернулась, я упала, но резкая боль в щиколотке была ничтожной по сравнению с яростными тисками внутри, с полыхающей рваной раной болью в душе. Прихрамывая, я поспешила туда, где ещё виднелись разваленные остатки ограды.

— Боги... что здесь произошло...

— Нейди, простите, сюда нельзя, — неизвестно откуда вывернул низенький человек в форме, взял под козырёк. — Место происшествия...

— Нейди Тинна, — дин Койоха нагнал меня, схватил за локоть. — Довольно. Давайте вернёмся.

— Нет! — я вывернулась, прошла ещё несколько шагов вдоль ограды.

Человечек в форме пристально следил за тем, чтобы я не переступила растянутую на столбиках верёвку с предостерегающими знаками — я только сейчас её заметила. Внутри, на пепелище, копошились люди, разбирая обугленные доски и камни.

Опоздала.

Я опоздала, и он погиб, на этот раз отец и дин Койоха добились своего. Снова использовали заклинание с отсроченным сроком действия, только теперь куда мощнее.

А близнецы? Мелина? Слуги и горничные, дворецкий? Неужели все они тоже погибли? Неужели отец даже не задумался о том, что страдают невинные люди?

— Столько людей, как боги позволили такое...

Это был упрёк, обращённый к небу. Но человек в форме вдруг среагировал:

— Нет-нет-нет, — сказал он. — Мы, конечно, ещё проверяем, но всё выглядит так, словно на территории не было ни единого человека.

— Как нет?! — дин Койоха тоже остолбенел, вместе со мной.

Но если в его лице читался шок и неверие, то в моём, вне всякого сомнения, была надежда.

Человек в форме говорил ещё что-то, кажется, о том, что полной уверенности нет, судить можно только тогда, когда завалы полностью уберут, но по предварительным оценкам...

Дин Койоха расспрашивал его, а я повернулась и отошла в сторону.

Присела, не обращая внимания на то, что юбку пачкает пепел, опустила руку на обожжённую, вскрытую, как распоротая рана, землю. И чем дольше я сидела так, тем спокойнее становилось у меня на душе. Боль уходила, уступая место бесстрастной уверенности.

Сейдж жив, его не найдут под завалами.

Он не мог погибнуть.

Только не он. Мой одержимый, полный жизненной силы, увлекающий, уносящий за собой как смерч.

Он жив, и мы обязательно увидимся.

## Второй том

### Книга вторая

— Ах, нейди, вы как настоящая королева! Посмотрите же в зеркало, боги ещё не видели такой красоты!

Я послушно кинула взгляд в огромное широкое зеркало, которое придерживали две крепких прислужницы. Гладкая поверхность отразила тоненькую девушку, затянутую в белоснежный атлас. Платье и впрямь выглядело по-королевски: пышная юбка с богатым шлейфом, украшенная кружевами, белый цветочный узор по подолу вверх, к талии, грудь в вырезе манит и привлекает взор. Лицо у девушки спокойное, невозмутимое, взгляд усталый и равнодушный. Холодная невинность.

Я горько усмехнулась в душе.

Увы, уже далеко не невинна. И речь даже не о том, что было между мной и Сейджем. Просто пришлось повзрослеть и снять розовую ленту с глаз, через которую я до сих пор смотрела на окружающее. Понять, что отец — всегда добрый и заботливый — на самом деле может быть беспощадным чудовищем в человеческой шкуре. Что мужчина, видевшийся мне образцом чести, может оказаться шпионом и предателем.

И что одержимый демоном, жестокий, как смерть, мой похититель, злейший враг отца, Сейдж дин Ланнверт — может стать для меня всем.

Вот только уже через три дня я выхожу замуж за другого. За бывшего друга Сейджа, за предателя, похитившего его разработки, за верного слугу отца, Арда дин Койоху. И белое платье, которое сейчас тщательно подшивают прямо на мне, поправляют последние детали — дань обрядам далёкого юга, родины моего жениха.

А ещё белое — символ траура. Последний путь невесты из отчего дома, символические похороны и новая жизнь. Недаром после обряда мне предстоит сменить белое платье на алое.



Я вспомнила, как познакомилась с семьёй дин Койохи. Ради свадебного обряда в столицу приехали его родители и брат с двумя сёстрами, старшие из них — и со своими семьями. Многочисленная толпа черноволосых и черноглазых, говорливых южан поселилась в одном из наших гостевых поместий.

Родители дин Койохи мне даже понравились — сухонькие, изрядно напуганные столицей старичок со старушкой. Чёрные маленькие глазки с растерянностью смотрели на непривычные блеск и роскошь.

А вот неприязнь к дин Койохе я так и не смогла перебороть. До самого конца терзалась, следовать ли недвусмысленному приказу отца или сбежать — в Ордон или к бабушке, или куда угодно, лишь бы подальше от навязанного жениха.

Поначалу ждала, что Сейдж вот-вот явится за мной — но вот уже шёл к концу месяц, а о нём ничего не было известно. Батюшкины шпионы разводили руками. Он пропал, как камень, канувший в воду — а с ним и близнецы, и Мелина.

Последнее меня злило. Неужели они до сих пор вместе? Неужели он поверил ей, решил, что именно она помогла ему очнуться от проклятия тёмной магии? Откуда-то из самого нутра поднималась злая, жёлчная ревность. Кто угодно, лишь бы не Мелина!

Впрочем, о чём мечтать, чего я могу требовать, если сама выхожу замуж за дин Койоху.

Наверное, мне не стоило бы подчиняться. Думаю, отец отменил бы свой приказ, если бы я настояла, если бы пригрозила уйти. И поначалу я упрямилась, не соглашалась назначить дату, отказывалась шить свадебное платье, твердила, что никогда этого не сделаю. Каждое утро просыпалась с мыслью о Сейдже и молилась святой Миене о том, чтобы снова его увидеть. Но он так и не появился.

И я поняла, что не нужна ему. Он выбросил меня из памяти, стряхнул, как засохшую грязь с полы плаща. Если мы и встретимся когда-нибудь вновь, то эта встреча неминуемо станет последней: он просто убьёт меня, как дочь его злейшего противника. Теперь я для него не больше, чем способ отомстить и причинить отцу боль.

Примерка завершилась, девушки собрали принадлежности и выпорхнули, заверив, что платье будет окончательно готово к

завтрашнему утру. Когда их щебет и звук шагов замерли в отдалении, я поняла, что стою посреди комнаты, уставившись в пространство, и ничего не делаю. Весь этот месяц я жила как в тумане, вот и сейчас нахлынуло отупляющее безразличие, не позволяющее даже вспомнить, чем я собиралась заняться после ухода модисток.

Передёрнув плечами, я повернулась к выходу. Надо встряхнуться, надо как-то прийти в себя... хотя зачем?

По коридору снова послышались шаги, на этот раз тяжёлые, мужские. Я узнала их, но всё равно продолжала стоять на месте. В двухстворчатые белые, отделанные позолотой двери вошёл мой наречённый. Дин Койоха.

— Тинна! — обрадованно сказал он.

Когда я дала своё согласие — или, сказать вернее, сообщила отцу, что мне всё равно — дин Койоха стал звать меня по имени. Поначалу это немного резало мне ухо, потом я привыкла.

— Ну как прошла примерка? — поинтересовался он.

— Всё хорошо, нейд дин Койоха, — ровно ответила я.

В отличие от него, я не собиралась сокращать дистанцию.

Он подошёл, взял меня за руку.

— Осталось всего три дня, — в его чёрных глазах светились огоньки, — и ты станешь моей по праву.

Я отвела глаза. На самом деле мне хотелось убрать и руку, но это уж было бы совсем невежливо.

— Ну да, я знаю, что ты меня не любишь, — с лёгкой досадой сказал он. — Но со временем... я надеюсь... — он поднёс мою ладонь к губам. Горячие сухие губы прикоснулись к прохладной коже, застыли в долгом поцелуе.

Не выдержав, я всё же отняла руку:

— Простите.

Дин Койоха распрямылся, сверкнул глазами. Сделал быстрый короткий шаг, заставляя меня отступить, впился пальцами в плечи, прижал к стене. Я почувствовала на губах его дыхание, а потом их накрыл его горячий жадный рот. От неожиданности я пропустила внутрь чужой язык, напористый и жёсткий.

Из глубины тела поднялась стремительная волна тошноты. Я оттолкнула жениха, ударила по рукам, не желавшим отпустить.

Отвернулась и схватилась за рот, пережидая приступ. Слава святой Миене, тошнота прошла без последствий.

— Простите, — ещё сдавленным голосом сказала я, не глядя в сторону дин Койохи. — Вы возьмёте своё через три дня. Потерпите до этого времени.

Всё так же, не глядя, оторвалась от стены и поспешила прочь.

Я знала, что он смотрит мне вслед, чувствовала его горячий, наполненный желанием и мукой взгляд. Но терпеть всё это было выше моих сил. Через три дня мы обменяемся клятвами, он откинет мою фату и тогда уже насладится поцелуем по праву законного мужа. А потом, той же ночью, склонится надо мной на брачном ложе и... о боги.

Какая ирония, ведь почти любая девушка, окажись на моём месте, была бы в восторге. Дин Койоха хорош собой, высокий, стройный, мужественный. Смуглая кожа и чёрные волосы уроженца юга добавляют экзотики. Он маг, и довольно сильный, он правая рука моего отца, будущее обеспечено.

Но он не Сейдж.

О боги, Сейдж. В полузабытой дымке — его пронзительный взгляд, жёсткая хватка сильных пальцев, требовательные губы, поцелуи, похожие на укусы. Жадные прикосновения, вес его мощного тела, и не хватает воздуха, и огонь полыхает в жилах. Я до сих пор не могла забыть нашу последнюю ночь. Безумие в его глазах — и сквозь безумие неукротимая нужда во мне, в моём теле, в моей душе. В ту ночь мы принесли безмолвные свадебные клятвы, собственными телами поручились, что будем верны друг другу.

Но Сейдж отказался от меня. Может быть, возненавидел за предательство, а может быть, и правда погиб, хотя тело его так и не нашли. Может быть, он слишком сильно пострадал, может быть, демон поглотил его... может быть — слишком много разных «может быть», которые, впрочем, не имеют никакого значения, когда до свадьбы осталось три дня.

*Конец*